

Колосёв
8
АВГУСТ
1966

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Прощай, лето!

фельетон ТИМА ДОБРОГО 2

Короткое детство

повесть В. КУРОЧКИНА 6

Под облака

беседа Ю. ЦЕХНОВИЦЕРА 23

Стихи немецких поэтов

в переводе Ю. КОРИНЦА 25

Думаете легко?!

репортаж М. БАРСУК 28

Куличонок. Каменный дождь

очерки П. СИГУНОВА 31

Точка на карте

рассказывает М. МАМЕДОВ 33

Остров Дельфинов

научно-фантастическая повесть АРТУРА КЛАРКА 36

Что? Где? Когда? Почему? 41

Пятеро входят в лес

рассказ Э. ОФИНА 42

Клуб Жана Паганеля 52

Уголок веселого архивариуса 52

Тайна кремлевского клада

очерк А. ДУЛОВА 54

Школа „Спринт“ 56

Открытие КОСТИ ТЕРКИНА 59

Уголён

журнал для малышей 61

Сад над твоим столом

творческая мастерская 63

«Дорога домой не была такой
веселой, как на станцию...»

Читайте повесть В. Курочкина
«Короткое детство»

Прощай, ЛЕТО!

Полуфантастический
рассказ для пионеров
младшего возраста

Тим Добрый
Рисунки
М. Беломлинского

ЗВЕНЬЕВОЙ ГОГА ТЫЧКИН ВОРВАЛСЯ В БЮРО НАХОДОК:

— Помогите! Пропало!..
— Тише, гражданин. Что пропало? — спросил директор бюро.

— Звено пропало!

— Какое звено?

— Да мое, пионерское!

— Где пропало? — заволновался директор. — В походе, да?

— Нет, в городе, в школе. Сам не знаю где! Надо сбор проводить «Прощай, лето», а они потерялись...

— Гражданин, — сказал директор, — к нам сегодня поступили два портфеля, три кошелька, одна собака породы ньюфаундленд, две шляпы, тросточка и очки. Звена не поступало.

— Что же мне делать? — расстроился Гога.

— Не волнуйтесь, гражданин. Обратитесь к моему старшему брату, начальнику городской пожарной команды. С его каланчи далеко видно.

С ПОЖАРНОЙ КАЛАНЧИ ВИДЕН ВЕСЬ ГОРОД.

Почти как с самолета. Пожарная каланча — второе по величине сооружение в городе. На первом месте телевизионная башня. Гога как зачарованный смотрел на раскинувшийся внизу город, а рядом стоял начальник пожарной команды и глядел в бинокль: не займется ли где пожар.

— Посмотри в бинокль, — сказал начальник, — может быть, увидишь свое звено.

В бинокль смотреть было еще интереснее, но звена Гога так и не увидел.

— Не огорчайся, — сказал начальник, — вон едет мой старший брат, он тебе поможет. Найдешь звено — приводи на экскурсию...

СИНЯЯ МАШИНА С КРАСНЫМ КАНТОМ МЧАЛАСЬ ПО УЛИЦАМ ГОРОДА.

На крыше у нее мигал голубой фонарик. Рядом с Гогой сидел Главный Постовой — брат начальника пожарной команды. Машина резко тормозила около постовых, Главный Постовой распахивал дверцу, спрашивал про Гогину звено, а постовые весело козыряли:

— Не наблюдали, товарищ Главный Постовой!

Последний пост был на краю города. Машина, тяжело дыша, остановилась у обочины дороги. Постовой так красиво дирижировал уличным движением, что Главный Постовой и Гога загляделись на него. Но и этот постовой не видел Гогиного звена.

— Не отчаивайся, Гога, — сказал Главный Постовой, — я отвезу тебя к моему старшему брату, он обязательно поможет. А когда найдешь свое звено — приводи ребят ко мне. Я научу вас регулировать уличное движение...

НА ТАБЛИЧКЕ БЫЛО НАПИСАНО „ВНИИ“.

— Что это? — спросил Гога.

— Ты не знаешь? — удивился вахтер. — Это Волшебный научно-исследовательский институт. Тебя ждет Старший Волшебник. Проходи, Гога...

Волшебная техника шагнула далеко вперед: не успел Гога произнести «сезам, откройся», как двери сами открылись перед ним...

СТАРШИЙ ВОЛШЕБНИК ДРУЖЕСКИ ВЗГЛЯНУЛ НА ГОГУ.

На груди у Волшебника был приколот значок «Отличник волшебных дел».

— Звено потерялось, — сказал Гога, — пионерское. Надо сбор проводить «Прощай, лето», а они потерялись...

Старший Волшебник достал из кармана длинную блестящую цепочку и стал играть ею.

— Ты пробовал собрать звено по цепочке?

— А я не умею... — сказал Гога.

— Напрасно, напрасно. Я всегда собираю своих волшебников по цепочке. Это гораздо быстрее. Каждый знает, за кем ему заходить. Пять минут — все на месте. Бывает, Баба-Яга замешкается, но ей простительно: годы уже не те...

Старший Волшебник подошел к шкафу с множеством узких ящичков, похожих на библиотечный каталог, выдвинул один ящик и достал из него десяток одинаковых карточек. Он сложил карточки веером, точно игральные карты, потом выхватил одну и бросил на стол перед Гогой жестом завязатого картежника...

ВОТ ЭТО ДА! С КАРТОЧКИ НА ГОГУ СМОТРЕЛ ПИОНЕР ЕГО ЗВЕНА ВАСЬКА БОЙНИКОВ!

— Ты знаешь Васиного папу? — спросил Волшебник.

— Нет...

— Васин папа — летчик. Он водит самолет ИЛ-14. А раньше был военным летчиком.

Хлоп на стол следующая карточка: Костя Фунтиков!

— Знаешь, чем Костя увлекается?

— Костя-то? Да ничем! На уроках спит, на переменках что-то на стеклах чертит...

— А ты дома у него был?

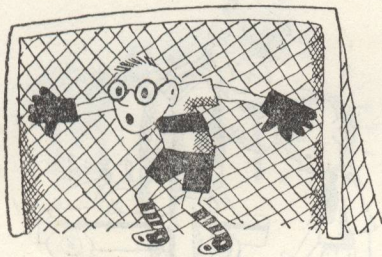
— Не...

— Напрасно. Следующий...

Вовка Герасимов! Тоже из Гогиного звена!

— Мы с Вовкой на одной лестнице живем!

— Прекрасно, прекрасно... А знаешь ли ты...

— Да где ж они все? Надо сбор проводить «Прощай, лето», а они потерялись...

Включаю волшебный телевизор! — сказал Старший Волшебник. На экране появилась Гогина школа. Коридор второго этажа, потом параллельный 4-й «б»... Там сбор: чинно сидят за партами и выбирают звеньевых. У стола учительница Мария Сергеевна. Она громко говорит: «Иванов, твоя колонка первая. А твоя, Петров — вторая». «Я не хочу вторую, — говорит Петров, — все мои товарищи на первой, поменяйте нас с Ивановым». «Все ребята одинаковые, все товарищи, — говорит Мария Сергеевна, — работай, Петров, оправдывай доверие. Подымите руки...» Все поднимают руки.

— Вот и меня так же... — сказал Гога Волшебнику, — дали третью колонку и все.

— Ты живешь на улице Космонавтов? — спросил Волшебник.

— Да.

— Дом сорок четыре?

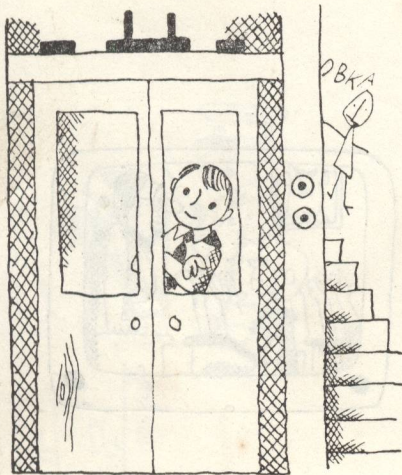
— Да.

— Даю новую программу, — сказал Волшебник.

Мельбнул угол гогиного дома, потом пустырь. Мяч повис над воротами. В воротах, растопырив руки в рваных кожаных перчатках, стоит Юрка Михайлов. Он тоже из Гогиного звена, и Гога хочет крикнуть ему, что сейчас сбор, но вовремя вспоминает, что тогда Юрка оглянется и пропустит мяч. Юрка прыгает, пыль застилает экран...

— **БОБИК, БОБИК, КО МНЕ! ЦЕ-ЦЕ! БОБИК!** Грязная лохматая дворняга лениво идет по экрану. Кто же ее зовет? Знакомый голос... А, да это Сережка! «Сережка, иди на сбор, слышишь!» «Какой сбор?» «Прощай, лето». Он, видите ли, не может, он дрессирует Бобика, он хочет сделать из Бобика ищейку... «Что? На меня?» «Возьми, Бобик, возьми его!» «Гав, гав!» «Ну, Сережка, я тебе это припомню...»

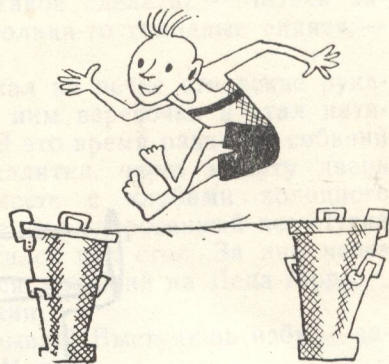

— **ПЕРВОЕ ОРУДИЕ, ОГОНЬ! ВТОРОЕ ОРУДИЕ, ОГОНЬ!** На экране мелькают шоссе, автобус, осиновая роща, кустарники, дот... Старый дот, поросший неувядаемыми ромашками... «Первое орудие, огонь! — кричит Ленька Виноградов, стоя на вершине дота. — По фашистам огонь!» Ленька — он тоже из Гогиного звена — картинно падает в заросли ромашек. «Командир ранен!» — кричит Танька, — она тоже из Гогиного звена — и бросается перевязывать Ленькины раны. «Танька, Ленька! — кричит Гога. — Я вас везде ищу, пошли в школу, на сбор!» «Гога! Валяй сюда, на подмогу!» — кричит раненый командир Ленька. ...Гога смотрит на Волшебника, тот смущенно пожимает плечами: эта проблема еще не решена... утеряны старые секреты преодоления пространства без помощи транспорта... наши лаборатории работают не покладая рук... а пока давай переключимся на другую программу...

В КАБИНЕ ЛИФТА ВАСЬКА БОЙНИКОВ. «Куда едешь?» — кричит Гога. «Дежурю!» — отвечает Васька. «Где?» — спрашивает Гога. «С трех до пяти!» — отвечает Васька. «Где?» — спрашивает Гога. «Здесь!» «Зачем?» «Чтоб плохих слов в кабине не писали!»...

Горит красная лампочка, гудит лифт, жильцы толпой стоят внизу, ждут, когда кончится Васькино дежурство...

НА ДВУХ МУСОРНЫХ БАКАХ — ПРУТИК. Вовка Герасимов пробежался... Прыжок! Сбил прутик... Снова пробежался — прыжок! Снова сбил... «Стой, — говорит Гога, — я тебя везде ищу, пойдем на сбор «Прощай, лето»... «Не-а, — говорит Вовка, — не пойду. Все в школу да в школу... Здесь интереснее». «Но ведь я твой звеньевой, ты должен меня слушаться!» «Я Лешку слушаюсь, он у нас тренер, понял?» «А я твой звеньевой, понял?» «А ты можешь через это перепрыгнуть? Ну вот, а Лешка может. И я смогу. Гляди...»

БОРЯ БОРЕЙКО КАТАЕТ ДЕТСАДОВЦЕВ НА САМОКАТЕ. Детсадовцы бегут за ним: «И меня прокати! И меня!» А воспитательница в белом халате говорит: «Дети, постройтесь, станьте в очередь!..»

ВИВА И МИЛА СОБИРАЮТ В ОСИНОВОЙ РОЩЕ ГРИБЫ. «Ау! Ау!» Вот чудачки — как будто там можно заблудиться!..

И тут Гоге тоже захотелось в рощу за грибами. Ему захотелось и на вершину старого дота, и на пустырь футбольный, и на площадку перед детсадом, и дрессировать Бобика, и прыгать через прутик... А главное, ему стало очень жаль уходящего лета. Ему не хотелось говорить лету «прощай».

— Смотри, смотри, новая программа, — сказал Волшебник.

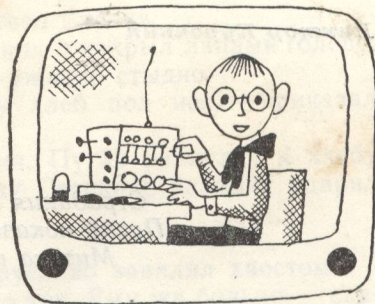

КОСТЯ ФУНТИКОВ СИДИТ У СЕБЯ ДОМА ЗА СТОЛОМ И МАСТЕРИТ ТРАНЗИСТОР. «Костя!» ...Костя снял очки, прищурился, поглядел с экрана на Гогу, словно узнавая его постепенно, и сказал наконец: «А, это ты... Понимаешь, одна штука у меня тут не получается...»

Гога посмотрел на Волшебника, потом на Костю и вздохнул:

— У меня тоже одна штука не получается...

Старший Волшебник порылся в кармане и протянул Гоге...

Дорогие читатели! Что произошло дальше с Гогой и его звеном, удалось ли Гоге провести сбор «Прощай, лето» и какую вещь дал ему Волшебник — мы не знаем. Наш корреспондент Тим Добрый не успел закончить рассказ — уехал в командировку. Перед отъездом он сказал:

— Знаете что: пусть ребята представят себя на месте Гоги Тычкина и сами напишут продолжение рассказа. И пришлют в «Костер». С рисунками, конечно. А когда я вернусь, мы прочтем все продолжения и самое интересное из них напечатаем...

Друзья! Пишите продолжение рассказа «Прощай, лето» и присылайте нам. Да поскорее. Тим Добрый вернется 1 октября. Надо, чтобы к его приезду ваши письма уже были в редакции.

КОРОТКОЕ ДЕТСТВО

Виктор Курочкин

Рисунки Н. Кустова

ПОВЕСТЬ

Глава I

*Страдания Митьки Локоткова и радости Степки Коршаткина.
Пугай показывает фокусы. Разговор о Михе. Радостная весть.
Митька ищет шапку. Поездка на станцию за галошами.*

Митька, упираясь пятками в потолок, лежал на печке. От жары лицо у него покраснело, от слез опухло и напоминало мокрый помидор. Митьку скребла тоска. Мать пообещала засадить его на весь день с плаксивой Нюшкой. Свою угрозу привела в исполнение немедленно, спрятала полушубок и валенки в сундук под замок.

И во всем виноват Степка. «Пойдем на озеро налимов глушить». А там и лед-то всего полсантиметра. Вот и наглушились. Колотушку утопили и чуть сами не утонули. Ребята опять на озеро пойдут. Лед, наверное, за ночь

стал толстый. Вон какой морозище. Даже стекла на окнах побелели. Сердце у Митьки так заколотилось, что он не сдержался и закричал:

— Не буду качать Нюшку! Пусть до смерти разревется. Не буду! Не буду!

— Не качай. А на улицу все равно не пойдешь, — спокойно ответила мать. Она гремела кочергой, вытаскивая из печки пироги. По избе расплзался густой запах печеной картошки и пареной капусты.

— Можешь не давать пирогов. Все равно есть не буду, — пригрозил Митька.

Печатается с сокращениями

— А я и не собираюсь. Не заслужил еще, — пояснила мать.

У Митьки перехватило дыхание, и только поэтому он не заревел.

— Вот погоди, приедет папка с войны. Все расскажу, как ты надо мной издеваешься, — заявил Митька.

Мать неожиданно вскочила на печку, сгребла рукой Митькин лохматый чуб и приподняла голову:

— Вот что, Дмитрий Кириллыч, на той неделе пойдешь в школу. А то совсем ошалеешь от баловства.

— Опять в четвертый класс? — насмешливо спросил Митька.

— А что делать, если пятого в нашей школе нет?

— Не пойду. Все ребята дома будут сидеть, а я в школу. Не пойду, — решительно заявил Митька.

— Пойдешь. И ребята пойдут. А то за войну и буквы забудете, — Елизавета Максимовна вздохнула и сказала сама себе: — Надо об этом с бабами поговорить. А то совсем ребяташки от рук отобьются.

Мать надела полушубок, накинула на голову платок.

— Ма-а-а! Дай валенки, — занял Митька.

— Сиди дома, смотри за Нюшкой, — сказала безжалостно мать и хлопнула дверью.

После ухода матери стало еще тоскливее. Митьку расстроил разговор о школе. Он, как и его приятель Степка Коршаткин, не любил учиться и в школу ходил с единственной целью, чтоб не огорчать родителей. Таким образом он осилил четыре класса и без хвостов переполз в пятый. В Ромашках была только начальная школа, а десятилетка в большом селе Раменье, в семи километрах от их деревни. Там учились все ребята, начиная с пятого по десятый класс. До войны детей в школу и обратно возили на лошадях. Но вот началась война, в колхозе осталось всего две лошади, а жизнь стала в десять раз тяжелей.

«Не пойду. Назло не пойду», — клялся сам себе Митька, стуча ногами в стену, а другой голос насмешливо шептал: «Пойдешь, как миленький пойдешь».

Митька по опыту знал: если матери что взбредет в голову, она обязательно настоит на своем. Недаром она после отца стала председательшей.

Митька сполз с печки, босой походил по полу, полизал лед на окнах, потом раскрыл книжку и стал разрисовывать «Лягушку-пустешевницу». Уток он переделал в черные аэропланы, а лягушку в зеленый пузатый огурец с красными лапами.

«Что бы еще такое сделать? — Митька задумался. — А кролики-то голодные сидят», — вспомнил он.

Митька разыскал на печке отцовские рукавицы, пришел к ним веревочки и стал натягивать на ноги. В это время раздался собачий лай, стукнула калитка, через минуту дверь отворилась и вместе с клубами холодного пара в избу ворвался здоровенный пес Пугай и сразу же бросился под стол. За ним через порог перевалился, похожий на Деда Мороза, Степка Коршаткин.

— Дверь закрывай! Выстудишь избу, — закричал на него Митька.

Степка сдвинул шапку на затылок и топнул ногой.

— Пугай, ко мне!

Пугай вылетел из-под стола, лизнул Степкин нос и покорно уселся около его ног.

Пугай, вислоухий кобель, был полугончар, полудворняга, полурыжий, полубелый, наполовину умный и наполовину дурак. Иногда взгляд его больших печальных лиловых глаз был настолько внимательным, что казалось, он читает мысли человека. А через минуту Пугай вдруг ни с того ни с сего принимался гоняться за своим хвостом и прыгать, как сумасшедший.

— Дай кусочек хлебца, — приказал Степка.

— Зачем?

— Сейчас узнаешь.

При виде хлеба Пугай чуть не сбил Митьку с ног.

— Тубо! — заревел Степка.

Пугай упал на пол и закрыл лапами голову, словно ему было ужасно стыдно.

— Положи ему хлеб под нос, — приказал Степка.

Митька положил. Пугай рванулся к хлебу и в ту же секунду Степка с размаху ударил его по голове.

— Тубо!

Пугай лег и трусливо завилял хвостом.

— Зачем ты его так. Ему же больно, — сказал Митька.

Степка с презрением посмотрел на товарища.

— А как же, по-твоему, надо учить собак уму-разуму? По головке гладить? Кто гладит собак, тот их портит, — солидно произнес Степка и щелкнул языком. — Умный пес, как человек, только не разговаривает. А ну-ка положи ему хлеб на нос.

Митька положил хлеб собаке на мокрый нос. Пугай даже не повел глазом.

— Пиль! — крикнул Степка.

Пугай подбросил хлеб и, лязгнув зубами, ловко поймал его на лету.

— Молодец, — похвалил Степка.

Пугай радостно взвизгнул и пустился лопать свой хвост.

— Степ, а что такое «тубо»?

— Нельзя.

— А «пиль»?

— Взять.

— А откуда ты все это знаешь? — удивился Митька.

Степка наморщил лоб и с достоинством ответил:

— Заведешь собаку, так узнаешь, — и добавил как бы между прочим, — в книжке вычитал.

Степка сел, снял шапку, похлопал ею по колену. Степка Коршаткин приземистый, крепко сложенный, веснушчатый, как галчиное яйцо, крутолобый, с хитрыми глазами, в которых проглядывает воля и характер. Себя он считает старше и умнее Митьки по крайней мере лет на десять. В Ромашках он то атаман, то генерал, то еще какой-нибудь важный начальник над мальчишками. Его и боятся, и уважают, и не очень любят. Хотя товарищ Степка отличный.

— А я к тебе, Локоть, по делу, — важно начал Степка. — Одевайся. Идем кота Миху убивать. Вчера Миху сожрал у нас мясо, разбил стекло и нагадил под столом. Пошли? И Пугай с нами.

Услышав свое имя, Пугай дернулся, но Степка погрозил ему кулаком.

— Не хочу, — сказал Митька.

Степка ухмыльнулся:

— Знаю, как ты не хочешь. Наверное, матка опять валенки с полущубком в сундук заперла.

— Ну да, заперла, — вспыхнул Митька.

— Факт, заперла, — отрезал Степка.

Такого оскорбления Митька не выдержал и, чтобы уязвить Степку, выпалил:

— А тебя порют, всегда порют.

Степка засопел, наглухо завязал шапку и двинулся к двери.

— Степ, Степ, куда ты? Останься. — Митька схватил приятеля за рукав: — У меня интересная книжка есть. Ужасно интересная.

Митька забрался на печку и показал Степке ужасно интересную книжку.

— Залазь ко мне.

Степка в нерешительности потоптался и стал раздеваться. Валенки снять у него не хватило терпения. Они свалились сами, когда он лез на печку и подрыгал ногами. Пугай тоже полез за ним. Степка показал ему кулак. Но Митька вступился за Пугая, и ему тоже разрешили погреться на печке.

Интересную книжку читали вслух. Читал Митька, потому что он умел читать, как артист, с чувством, толком и выражением. Однако Степка слушал плохо.

— О чем ты думаешь, Степ?.. — спросил Митька.

— Так, обо всем, и о войне. У Витьки Выковыренного отца убили.

— Убили? Когда? — шепотом спросил Митька.

— Вчера вечером почтальон принес известие. Витькина матка ревела, как зарезанная. Мамка моя ее всю ночь нашатырным спиртом отпаивала.

— Нашатырный спирт не пьют, а нюхают, — заметил Митька. — А Витька что? Ты видел его?

— Видел, когда к тебе шел. Стоит около своего дома в баткином пальто, словно поп. Пальто длинное, по снегу волочится.

Настоящая фамилия у Витьки была Семенов. В Ромашки он приехал из города как эвакуированный. Поэтому его и прозвали Выковыренный.

— У него горе, а мы его зовем Выковыренным, — сказал Митька.

— А кто его так прозвал, а? — спросил Степка.

— Я сказал понарошке. А вы и рады стараться. Выковыренный, Выковыренный...

— Я тебе могу поклясться, чем хочешь, что «Выковыренного» ты от меня не услышишь, — заявил Степка.

— И я тоже, — сказал Митька.

После длительного молчания Митька сообщил:

— А мой батя в госпитале. Мамка говорит, хоть бы он там подольше полежал.

— А от нашего вторую неделю писем нет, — пожаловался Степка. — Мамка каждый день плачет. А я ей говорю, что папка не любит их писать. Правда, ужас, как батя не любил писать. Я тоже не люблю. Наверно, характером весь в батюку пошел, — не без гордости сказал Степка.

Гудели мухи. Они еще с осени, спасаясь от холода, перебрались на печку, видимо, надеясь здесь кое-как перезимовать. Митька нащупал рукавицу и что есть силы хватил по стене.

— А вот и не попал, — сказал Степка.

— Эх ты, вера-невера!

— А я, думаешь, не могу? — и Степка схватил вторую рукавицу. Нюшка проснулась и заревела.

— Это все из-за тебя, — сказал Митька.

— Сам больше орал, а на меня сваливаешь, — обиделся Степка и стал одеваться.

Митька испугался:

— Степ, куда ты? Не уходи.

Степка пыхтел, натягивая пальто и завязывая у шапки уши. Митька торопливо вытащил из-под лавки ящик, в котором хранилось все его богатство: и рогатки, и разбитая радиолампа, и циферблат от ходиков с двумя стрелками, кусок медной проволоки, свинцовое грузило и... всего не перечислишь, здесь были даже бинокль без стекла и изолятор с телефонного столба. У Степки раздулись ноздри. Митька отвернулся от ящика и жалобно сказал:

— Бери, что хочешь.

Он готов был отдать последнюю рубашку, чтоб только Степка остался. Но в это время вошла Елизавета Максимовна. Увидев Пугая, который, высунув язык, лежал около люльки, она поморщилась.

— Сколько я вам говорила, чтоб в избу не пускали собаку. Когда же вы будете слушаться?

— Да мы, мама... — заныл Митька.

— Ладно уж. Не время с тобой разбираться. Сейчас на станцию поедешь с теткой Груней, — сказала Елизавета Максимовна и, открыв сундук, бросила Митьке валенки с полшубком. У Митьки от радости чуть не лопнуло сердце.

— Зачем? — спросил Митька, задыхаясь от волнения.

— Картошку с огурцами повезешь. Обменяешь там. Соли надо, бумаги мне в правление надо. Может быть, галошки себе выменяешь и Нюшке материала на пеленки. Быстро справляйся, пока я картошку набираю, — строго приказала Елизавета Максимовна.

— Мы только вдвоем с теткой Груней?

— Еще поедет Лилька Михина с яблоками.

— И Лилька! — воскликнул Степка и опрометью бросился на улицу.

На поспешное бегство приятеля Митька не обратил внимания. Ему теперь было не до Степки. Митька и сам не верил столь неожиданно свалившемуся счастью. Неужели это правда, что он поедет на станцию, за тридцать верст, вместе с Лилькой Михиной? Все это казалось ему сказкой.

Митька с такой поспешностью справлялся в дорогу, что у него все валилось из рук и не ладилось. Надевая теплые штаны, он никак не мог попасть в штанину, а когда, наконец, попал, то оказалось, что надел штаны задом наперед. А шапка чуть не свела Митьку с ума. Где он только ее не искал? Сундук Митька вывернул наизнанку, разрыл кровать, барахло с печки сбросил на пол. Раз десять ла-

зал под стол. Заглянул к Нюшке в люльку, в помойную лохань, в горшок с кашей, даже в крынку с молоком. Нигде шапки не было.

— Неужели я вчера без шапки домой пришел? — с ужасом подумал Митька. И он горько заплакал. А шапка висела там, где ей и положено висеть, на гвозде у двери. Митька вытер слезы, погрозил ей кулаком и сказал:

— Всегда повесят туда, куда не надо.

Когда Елизавета Максимовна выволокла из подпола мешок с картошкой, Митька был в полной готовности. Он даже шапку завязал наглухо. Елизавета Максимовна, увидев, какой разгром учинил Митька в избе, ахнула. По избе словно Мамай прошел.

— Что же ты натворил-то, мазурик?

У Митьки от страха задрожали ноги.

— Я сейчас, сейчас... уберу, уберу. Только ты не сердись.

— Садись кушать, балбес, — приказала мать.

— Да я не хочу, — отчаянно закричал Митька.

— Садись, а то не поедешь, — сурово сказала Елизавета Максимовна.

И Митька стал раздеваться с такой торопливостью, как и одевался. Снимая шапку, оборвал завязки.

Машинально хлебал суп, машинально ел пироги. Он ничего не ощущал, кроме страха. Страх, что мать сейчас скажет: «Снимай валенки, никуда не поедешь», лишил Митьку способности чувствовать и понимать.

Елизавета Максимовна составила список покупок, пришила к ушам шапки завязки, грустно посмотрела на Митьку, вздохнула и стала снаряжать его в дорогу. Надела на Митьку фланелевую рубаху, на рубаху свитер, а на свитер еще теплую куртку.

— Не надо куртку. Мне руками не пошевелить! — закричал Митька.

— Хорошо, тогда не поедешь, — сказала мать.

У Митьки показались слезы.

— Ладно, надевай.

Он был готов все терпеть. Если бы сверху шубейки ему еще надели железные латы, Митька и то бы ничего не сказал. Елизавета Максимовна перетянула сына ремнем, а поверх шапки повязала шерстяной платок. Митька посмотрел в зеркало и не узнал себя. Он походил на пузатый бочонок, туго стянутый обручами. Сам себе Митька ужасно не понравился. Но ради поездки на станцию с Лилькой Михиной, он готов был терпеть и не такие издевательства.

Глава II

Лилька Михина ест яблоки. Митька жалеет Витьку Выковыренного. Пугай останавливает лошадь. Лилька угощает Степку яблоками. Митька ревнует.

У дома тетки Груни, запряженная в санирозвальни, стояла гнедая лохматая лошаденка. В санях на ивовой плетенке около большой корзины сидела Лилька Михина и с хрустом кусала яблоко. На Лильке красовался платок цвета синей промокашки. Вокруг саней прыгали ребята и клянчили у Лильки яблоки. Здесь были все, кроме Степки Коршуна. Братья Вруновы: Колька Врун и Сенька Врун. Петька Лапоть. Вечный второгодник Васька Самовар. Настоящая фамилия у Васьки была Чайников, но его почему-то все звали Самоваром.

Увидев Митьку, обвязанного платком, Лилька чуть не задохнулась от смеха.

— Глянь, какое чучело вырядили! — закричала Лилька.

Ребята захохотали.

— Наверное, на Северный полюс собрался. Медведей пугать, — заливалась Лилька.

Митькину радость как рукой смахнуло. Он-то мечтал погордиться, побахвалиться перед ребятами, что едет на станцию. А тут такое оскорбление.

— Замолчи, квашня немытая! — закричал он на Лильку.

«Квашня, да еще немытая», — совсем не подходило к Лильке. Девочка она была стройная, с белым румяным личиком и веселыми зелеными глазами. Всем ребятам она нравилась, а Митьке ужасно. Он и не думал так ее обзывать, просто она вывела Митьку из себя, и он ляпнул первое, что попало на язык.

— Это я-то квашня немытая? — возмутилась Лилька. Она прыгнула с дровней, подбежала к Митьке и отвесила ему оплеуху.

— Это тебе за квашню, а это за немытую, — и добавила вторую.

Ребята покатались со смеху.

— Будешь знать, как ругаться. Попросишь у меня яблочка. Шиш я тебе дам. — Лилька, гордо подняв голову, пошла к дровням и села на корзинку.

Локоть был так взбешен, что не знал, на кого броситься. Витька Выковыренный тоже смеялся.

— А ты чего смеешься, Выковыренный? Чего смеешься? — сжав кулаки, он пошел на Витьку.

— А что мне, плакать, что мне, плакать? — пятясь, отступал Витька и вдруг, наступив на полу волочившегося по земле бать-

киного пальто, кувырнулся в снег, задрал вверх ноги. Ребята еще громче захохотали. Теперь они смеялись над Витькой. Локоткову стало так легко, словно гора с плеч свалилась.

Витька барахтался в снегу, как жук. Батькино пальто не давало ему встать на ноги. Смех застрял у Локтя в горле. Он вспомнил, что у Витьки убили отца, что живет он с матерью и двумя маленькими сестренками очень плохо: все говорят — на воде да на картошке, а какое привезли с собой барахло, давно уж проели, кроме этого пальто, в котором только птиц на огороде пугать. Вспомнил Локотков, что он дал Витьке глупую обидную кличку «Выковыренный», и ему стало до слез жаль щупленького слабосильного Витьку.

Он помог Витьке подняться, отряхнул его и, сам не зная для чего, спросил:

— У тебя бату убили?

Витька всхлипнул:

— Убили.

— Ладно, не обращай на них внимания. Все они дураки.

Митька имел в виду всех, кто смеется над Витькой. Но ребята не обиделись. Они опять обступили Лильку и принялись униженно выпрашивать яблоки. Лилька смеялась над ними, уплетала яблоко за яблоком и бросала в снег огрызки.

— Жадина-говядина, дай хоть Витьке яблочко. У него на фронте батьку убили, — сказал Митька Локотков.

— Убили? — протянула Лилька и сунула Витьке два яблока, — бери, бери, на еще одно. А вам не дам.

Пришла Елизавета Максимовна, уложила в сани картошку, сунула Митьке узелок с пирогами и строго-настрога наказала, чтоб он вел себя тихо, а на станции не совался под вагоны. Потом тетка Груня уложила свои мешки. Кроме картошки, она везла три связки луку и брюкву.

— Ты им помоги там, Аграфена, — сказала Елизавета Максимовна.

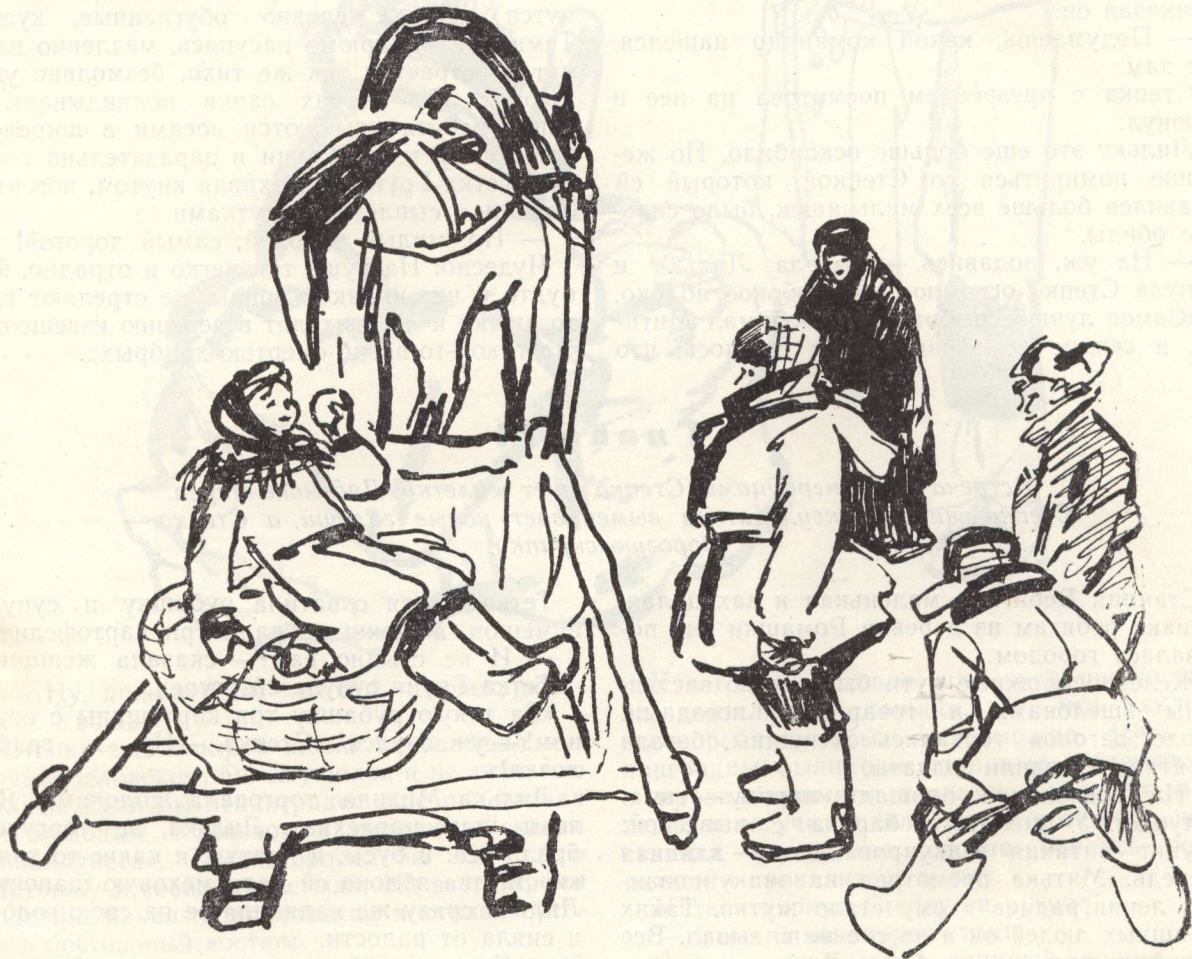
— Ладно, помогу ужо, — отвечала тетка Груня, здоровенная баба с толстыми лиловыми щеками.

— Смотри за ними. Не давай баловаться, — наставляла председательша.

— Я им побалуясь, — говорила тетка Груня, свирепо размахивая кнутом.

— Ну, поезжайте потихоньку.
— Поехали! — крикнула тетка Груня и огрела лошадь кнутом.

За деревней дорога круто свернула к полуразвалившемуся овину. Тут, откуда ни возьмись, выскочил Пугай и бросился на лошадь. Лошадь, присев на задние ноги, захрапела.

— Ах ты, растреклятый, брысь с дороги! — закричала тетка Груня.

Лошадь шархнула в сторону, Пугай опять перегородил ей дорогу, злобно и оглушительно лая.

— Эй, погодите!

Прямо по полю бежал Степка. На спине его подпрыгивал вещевой мешок.

— Стой! Стой! — кричал Степка, размахивая руками.

Догнав сани, Степка прыгнул на плетенку.

— Ух, бежал, чуть сердце не вывалилось, — задыхаясь, проговорил он и вытер шапкой мокрое лицо.

— Ты куда? — грозно спросила тетка Груня.
— На станцию за жилеткой.
— За какой такой жилеткой?
— А за такой, у которой рукавов нет, — пояснил Степка.

Тетка Груня подняла кнут.

— А ну, слезай. А то я тебя так опояшу!

— За что, за что? — закричал Степка. — Меня мамка отпустила. Честное пионерское, отпустила.

— Врешь.

— Вот и не вру, — сказал Степка, — а тебе жалко, что поеду? Вам еще лучше будет. Пугай на станции лошадь будет караулить.

Тетка Груня посмотрела на собаку, которая бежала за дровнями, высунув язык, и сдалась.

— Бес с тобой, поезжай, мне-то что. Но-о-о, милой! — и огрела лошадь кнутом.

— Але, Пугай, — свистнул Степка.

Пугай обогнал лошадь и, высоко вскидывая задние ноги, пулей пустился по дороге.

— Видал-миндал? — и Степка хвастливо шелкнул языком.

— Степ, а тебя мать в самом деле пустила? — спросил Митька.

Степка ткнул Митьку под ребро.

— Молчи, дурак, — умнее будешь. Понятно? — И Степка как барин развалился на плетенке. — А ну-ка, Лилька, кинь яблочко, — приказал он.

— Подумаешь, какой командир нашелся. Не дам.

Степка с презрением посмотрел на нее и плюнул.

Лильку это еще больше оскорбило. Но желание помириться со Степкой, который ей нравился больше всех мальчишек, было сильнее обиды.

— На уж, подавись, — сказала Лилька и кинула Степке огромное краснобокое яблоко.

«Самое лучшее выбрала», — подумал Митька, и сердце от ревности так сжалось, что

показались слезы. Чтоб скрыть их, Митька потупился и сжал зубы.

— На и тебе, — сказала Лилька и положила ему на колени яблоко, правда, не такое красивое, но тоже ничего.

Хорошо зимой на санках. Снег под полозьями скрипит, впереди, взлягивая ногами, повизгивая, бежит Пугай, по сторонам тянутся черные, словно обугленные, кусты. Темные ели, угрюмо насупясь, медленно плывут навстречу и так же тихо, безмолвно удаляются. На ухабах санки подкидывает, и тогда ребята утыкаются носами в широченную спину тетки Груни и заразительно хохочут. Тетка Груня, помахивая кнутом, погоняет лошадь и сыплет прибаутками.

— Но, милый вороной, самый дорогой!

Чудесно! На душе так легко и отраднo, как будто и нет никакой войны, не стреляют где-то пушки и не приходят в деревню извещения, что такой-то погиб смертью храбрых...

Глава III

Встреча с ленинградцами. Степка ищет жилетку. Дяденька Череп. Степка учится боксу. Митька выменивает новые галоши, а Степка — дорогую скрипку.

Станция Веригино маленькая и захудалая. Однако ребятам из деревни Ромашки она казалась городом.

Железнодорожные пути были тесно заставлены эшелонами и товарными поездами. Около вагонов толкались женщины, бегали ребяташки, ходили солдаты.

На вокзальной площади народу — тьма-тьмушая. У дощатого барака с вывеской: «Пункт питания эвакуированных» — длинная очередь. Митька посмотрел на эвакуированных ленинградцев и ему стало жутко. Таких страшных людей он и во сне не видывал. Все женщины походили на бабу Любу, девочки — на маленьких старушек, мальчики — на старичков. Ноги они переставляли медленно, осторожно и качались, как будто дул сильный ветер. Хотя ветра не было и падал легкий снежок.

На площади, как на базаре, всюю шла торговля. Эвакуированные меняли на картошку костюмы, рубахи, шалки, сапоги, посуду и даже игрушки.

Тетка Груня, поставив возле ног мешок с картошкой и ведро с огурцами, кричала:

— Картошка, картошка, рассыпчатая! Огурцы соленые, чистый мед!

К ней подошла женщина тощая, как хворостина, и вынула из сумки шелковую рубаху.

Тетка Груня схватила рубашку и сунула в мешок, а женщине дала три картофелины. — И не стыдно вам? — сказала женщина. Тетка Груня сунула ей огурец.

«За такую рубашку три картошины с огурцом! — ужаснулся Степка. — Ну и грабилька!»

Лилька Михина торговала яблоками. Яблоки шли нарасхват. Лилька, не торгуясь, брала все: и бусы, и платки, и какие-то тряпки. За два яблока ей дали меховую шапочку. Лилька сразу же напялила ее на свою голову и сияла от радости.

— Я не знал, что она такая крохоборка, — сказал Степка и плюнул.

Ребята ходили по базару. У Степки за спиной болтался вещевой мешок с картошкой. Митька таскал картошку в сумке. Галош было много, но все они не подходили к Митькиным валенкам. Степке за картошку предлагали новое бобриковое пальто, хромовые сапоги и прочие дорогие вещи. Степка от всего отказывался. Он искал жилетку, а его уговаривали купить новый костюм.

— Это же бостон, молодой человек. Ему сносу не будет. Поймите, он в сто раз дороже жилетки, — уверял ленинградец.

— Мне нужна жилетка, — стоял на своем Степка.

— Ну, пожалуйста, молодой человек, возьмите. Уважьте.

Степку еще никто в жизни не называл молодым человеком. Он смущался и не знал, что делать. Если бы ленинградец еще раз назвал его молодым человеком и умоляюще сказал «пожалуйста», Степка бросил бы ему свою картошку и сбежал от стыда. Но в это время подошла какая-то колхозница и стала торговать бостоновый костюм.

Наконец Митьке повезло. Галоши с красной подкладкой и блестящими носами как раз подошли к его валенкам.

Под вторым номером в записке матери стояли пеленки для Нюшки. Митька побежал к саням за картошкой. Набив сумку, он вернулся на площадь и выменял столько пеленок, словно Нюшка собиралась качаться в люльке лет двадцать.

Теперь надо было достать бумагу. И Митька опять побежал за картошкой. Однако на базаре бумаги не было, и ребята отправились к эшелону. Степка все еще не терял надежды выменять жилетку.

У вагонов торговля шла куда шибче, чем на вокзальной площади. То, что увидели здесь ребята, забыть невозможно. Здесь ленинградцы были еще страшнее. Остроносые, с провалившимися глазами. Говорили медленно и тягуче, ходили, как в потемках: ноги ставили неуверенно, словно боялись оступиться и провалиться в яму.

Митька дернул Степку за рукав.

— Степ, глянь, череп стоит.

Около вагона стоял длинный, тощий, как шест, человек. На вершине шеста торчал череп, обтянутый желтой кожей. В одной руке человек держал черный футляр. Череп заметил уставившихся на него ребят, поманил согнутым пальцем.

Степка с Митькой переглянулись и подошли.

— Что у вас? — спросил Череп и ткнул пальцем в Степкин рюкзак.

— Картошка.

— Что вам надо?

— Нам? — Степка замаялся, — жилетку.

— А вам? — и Череп строго посмотрел на Митьку.

— Бумагу, — испуганно ответил Митька.

Череп вдохнул и выдохнул воздух.

— Бумаги у меня нет и жилетки нет. А есть у меня, мальчики, вот что, — он раскрыл футляр и показал скрипку.

Приставив скрипку к плечу, он провел по струнам смычком. Скрипка тоненько и жалобно пропела: «и-и-и-ой!»

— Нравится?

Степка кивнул головой. Ленинградец улыбнулся. От этой улыбки у Митьки задрожали губы.

— Ты, мальчик, дашь мне картошку, а я тебе скрипку. Договорились?

— Ага, — и Степка протянул рюкзак с картошкой.

Ленинградец положил скрипку в футляр, закрыл на застежки и передал Степке.

— Береги. Если я останусь жив — приеду к тебе и заберу скрипку. А если умру, то она навсегда останется у тебя. Запомни, мальчик — это очень хорошая скрипка и очень дорогая. А теперь ты мне скажи, где ты живешь.

Ленинградец, взяв Степкин рюкзак с картошкой, пошел к вагону. Шел он так тихо и осторожно, словно боялся, что ноги отвалятся. Сам он забраться в вагон не смог. Его подхватили за руки и втащили.

Степка ничего не понимал. Он вертел в руках футляр и удивленно пожимал плечами.

— Степ, дай я подержу немного? — спросил Митька.

— На, подержи, только не ставь на снег, — предупредил Степка.

Митька подержал футляр, погладил его и со словами «Ну, и повезло же тебе» отдал Степке.

Неподалеку от них стояли два маленьких человечка в одинаковых пальтишках и в одинаковых шапках с завязанными ушами.

— Карлики! — воскликнул Митька.

Степка сдвинул шапку со лба на затылок.

— Ух ты!

— Давай поговорим с ними.

Они подошли, переглянулись и хихикнули.

— Вы карлики? — спросил Митька.

— Мы не карлики, а дистрофики, — обиженно ответил звонкий мальчишеский голос, — мне тринадцать, а сестре Ирке — четырнадцать.

Ирка обиделась.

— Не ври, Генка. Четырнадцать с половиной.

— А почему же вы такие старые? — спросил Степка.

— От голода, — ответил Генка.

— Посидел бы ты в блокаде, не такой бы был, — добавила Ирка.

— Вы и сейчас жрать... — Митька запнулся и покраснел, — кушать хотите?

— Да еще как! — воскликнул Генка.

— А вас разве не кормят? — спросил Степка. Генка возмутился.

— Кто тебе сказал, что не кормят?

Ирка вздохнула.

— Дорогой хорошо кормят.

— А почему же вы дистрофики?

— Потому что мы дистрофики. А дистрофиков сколько ни корми — все равно жрать хочется.

— Почему? — изумился Степка.

Генка презрительно усмехнулся.

— Потому что ты дубина деревенская и ничего не понимаешь.

Степка поставил на снег футляр и сжал кулаки.

— Ты чего обзываешься! Хочешь, чтоб я тебе взрезал?

— А ну, попробуй, — вызывающе сказал Генка и принял стойку боксера.

Между ними встала Ирка.

— Не задевай его, — сказала она Степке. — Генка все приемы знает. Он во Дворце пионеров в боксерской секции занимался.

— Ври-и! — протянул Степка и с уважением посмотрел на Генку.

— А чего врать. Давай попробуем. По-дружески. Бей меня. Я буду только защищаться.

Степка посмотрел на Митьку и засмеялся.

— Дай ему, Локотков.

Митька отказался. Он дрался, только когда на него нападали. А драться так, нарочно, ни за что ни про что, он не любил.

Генка стоял в прежней позе, прикрывая лицо кулаками. Степка слегка ударил и попал Генке в выставленную ладонь.

— Еще! — крикнул Генка.

Степка опять попал в руку.

— Давай, давай, — подбадривал Генка.

Степка «давал», но как он ни старался попасть Генке в лоб или в ухо, у него ничего не получалось.

— Ушел в глухую защиту! — кричал Генка.

Неожиданно он упал.

— Ну, вот видишь, — с гордостью сказал Степка и помог Генке подняться.

— Это не удар, а толчок. И упал он потому, что ослаб от голода, — пояснила Ирка.

Генка усмехнулся.

— Если б я захотел, я бы тебя разукрасил... Но мне не позволяет боксерская этика. Понятно?

— Понятно, — сказал Степка, хотя совершенно не понимал, что такое «боксерская этика».

— У тебя же все было открыто: и челюсть

и корпус. В общем, в боксе ты, парень, не тянешь, — решительно заключил Генка.

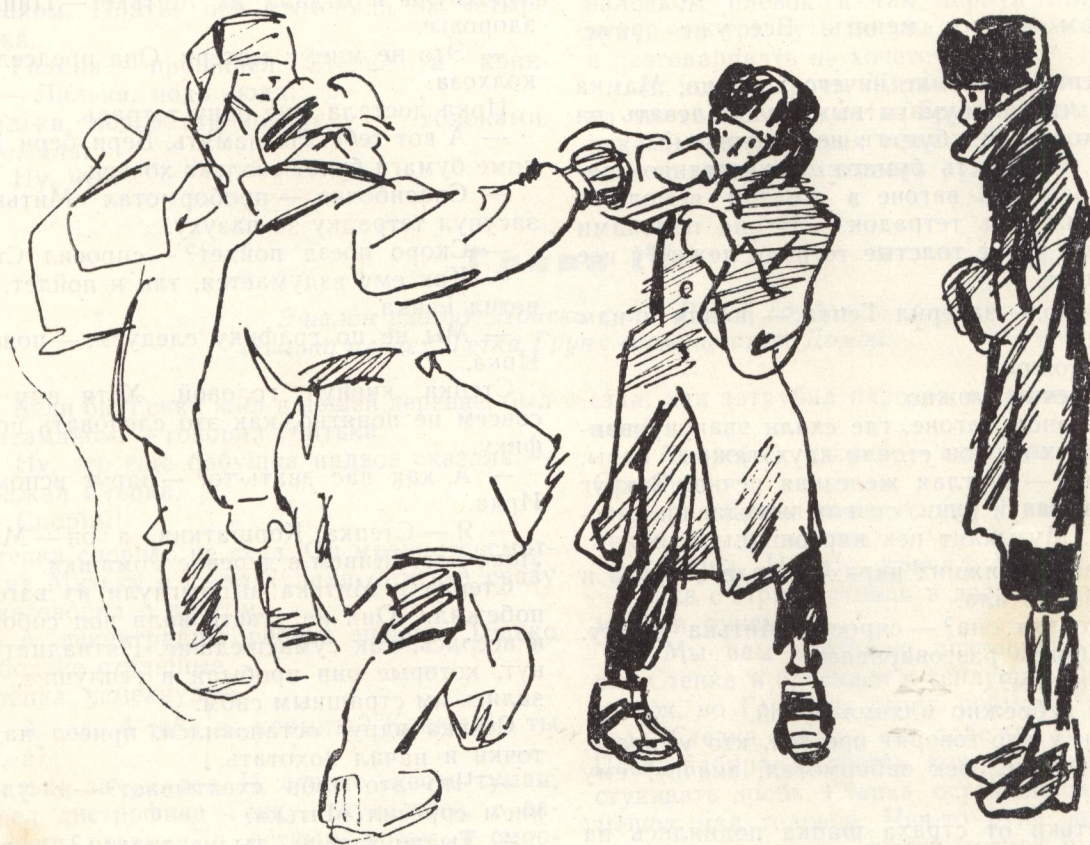
Степка не обиделся. Он и сам видел, что Генка настоящий боксер, только ослаб от голода.

Митька бочком подвинулся к Ирке и тронул ее за рукав.

— Так... Возьмет да и умрет. А что ему делать без скрипки?

— У нас полвагона померло дорогой. Мамка тоже померла, — сказал Генка.

Митьку от макушки до пят прохватила дрожь. Он посмотрел на Степку. Тот, опустив голову, ковырял носком валенка снег.

— А этот тоже с вами в одном вагоне едет? Ирка удивленно посмотрела на Митьку.

— Ну, этот, который променял скрипку. Дяденька Череп.

Ирка гневно сдвинула брови.

— Он не череп, а музыкант. В Ленинграде в театрах концерты давал. А ты, мальчик, умеешь играть на скрипке? — спросила она Степку.

— Ничего он не умеет, — сказал Митька.

— Зачем же тебе скрипка?

— Так, — Степка помахал футляром, посмотрел на небо, потом на свои ноги и буркнул: — Он сам ее отдал.

Ирка вздохнула и покачала головой.

— Он съест вашу картошку, а потом умрет.

— Почему умрет? — прошептал Митька.

— Как же вы теперь без мамки жить будете? — спросил Митька.

— Приедем на большую станцию и нас сдадут в детдом, — ответила Ирка.

— Небось, не хочется в детдом?

Ирка подняла глаза на Митьку.

— А куда ж нам теперь? Мы остались круглыми сиротами. Мамка умерла, папку убили. А в детдоме нас будут кормить, одевать, учить и... — Ирка всхлинула и смахнула с ресниц слезы.

Генка подошел к сестре, положил руку на плечо.

— Ничего, Ируха, выживем. Я в детдоме отъемся и на фронт рвану.

— А я? — испуганно спросила Ирка.

— А ты пойдешь в госпиталь, за ранеными ухаживать. Мы все должны отдать свои силы

для победы, — заявил Генка и погрозил кулаком.

Митьке стало стыдно и за себя и за Степку. Он с ненавистью посмотрел на сумку с картошкой. Но тут он вспомнил, что Ирка с Генкой голодные.

— Возьмите мою картошку.

Генка взял сумку, подержал ее и протянул Митьке.

— Нам нечего менять. Все уже променяли.

— Бери, бери, мне ничего не надо. Мамка хотела, чтоб я бумаги выменял. Плевать на нее. Что мы, без бумаги не проживем?

— А у нас есть бумага... — хвастливо заявила Ирка. — В вагоне в желтом чемодане. Вот таких пять тетрадок. — И она пальцами показала, какие толстые тетради лежат у нее в чемодане.

— Точно, — заверил Генка, — пошли к нам в вагон?

— А можно?

— Конечно, можно.

В товарном вагоне, где ехали эвакуированные, с двух сторон стояли двухэтажные нары. Посредине — круглая железная печка. Вокруг печки, вытянув руки, сидели исхудавшие пассажиры. Музыкант пек картошку.

Справа на нижних нарах лежала старуха и что-то бормотала.

— Что это она? — спросил Митька Генку.

— С богом разговаривает.

— С каким?

Генка небрежно махнул рукой.

— Так у нас говорят про тех, кто умирает. Как только человек забормотал, значит, ему крышка.

У Митьки от страха шапка поднялась на волосах.

— Она помрет?

— Факт. Двух дней не протянет. — Генка посмотрел на бабку и, вздохнув, добавил: — Наша мамка тоже бормотала.

На втором этаже нар с краю лежало два чемодана: желтый и черный.

— Здесь наше место, — сказал Генка. — Когда в вагоне народу было битком, я спал на желтом чемодане, а Ирка на черном.

Степка усмехнулся.

— Куда же ты ноги девал?

— Очень просто. Подтянешь коленки к подбородку и храпишь за милую душу. Конечно, не совсем удобно. А теперь ехать благодать. Спи хоть целый день, никто слова не скажет. А раньше по очереди спали.

Митька с недоверием посмотрел на Генку.

— Сколько же вы едете?

— Долго, — ответил Генка и показал на желтый чемодан. — Волоките его на пол. Мне не сташить. Отощал я, братцы.

Чемодан сташили на пол. Ирка разыскала в кармане крохотный ключик, отомкнула замки и вынула из-под белья три толстых, в кленчатых переплетках, тетради.

— Мамка еще до войны припасла. — Ирка вздохнула и отдала их Митьке. — Пиши на здоровье.

— Это не мне, а матери. Она председатель колхоза.

Ирка достала еще одну тетрадь.

— А вот тебе. На память. Бери, бери. В детском доме бумаги будет сколько хочешь.

— Спасибо, — пробормотал Митька и засунул тетрадку за пазуху.

— Скоро поезд пойдет? — спросил Степка.

— Как ему вздумается, так и пойдет, — ответил Генка.

— Мы не по графику следуем, — пояснила Ирка.

Степка кивнул головой. Хотя ему было совсем не понятно, как это следовать по графику.

— А как вас звать-то? — вдруг вспомнила Ирка.

— Я — Степка Коршаткин, а он — Митька Локотков. Живем в деревне Ромашки.

Степка и Митька выпрыгнули из вагона и побежали. Они не чувствовали под собой ног и неслись, как сумасшедшие. Пятнадцать минут, которые они пробыли в теплушке, показали им страшным сном.

Степка вдруг остановился, присел на корточки и начал хохотать.

— Что это тебя схватывает? — с удивлением спросил Митька.

— Ты не знаешь, ты не знаешь? — кричал, заливаясь, Степка и хлопал себя по коленкам. — Я же надул музыканта!

— Как?!

— Скрипку-то в вагоне оставил!

Митька тоже принялся хохотать. Насмеявшись вволю, ребята пошли вдоль эшелона и наткнулись на тетку Груню с Лилькой. Они все еще торговали.

У тетки Груни на шее, словно огромные бусы, висела связка луку. Придирчиво рассматривая пиджак, тетка Груня говорила:

— Старый пиджачок-то. Старый-престарый. Три луковицы дам?

Высокая бледная женщина всплеснула руками.

— Побойся ты бога!

— Еще четыре картошины дам. Беру только из милости. Пиджак-то все равно носить некому, — говорила тетка Груня, запихивая

пиджак в мешок. У женщины из глаз посыпались слезы.

— Что же это она делает! — ужаснулся Митька.

— Погоди, я с тобой рассчитаюсь, — сквозь зубы процедил Степка.

— Я ей все огурцы летом на огороде вытопчу, — сказал Митька.

Лилька торговала черное платье с белым горошком. Платье она выменяла за четыре яблока.

— Гадина, — прошипел Степка и крикнул: — Лилька, подь сюда!

Лилька, подхватив корзинку с яблоками, подбежала.

— Ну, что?

Степка сжал кулак, поднес ей к носу.

— Понюхай, чем пахнет!

— Чего ты? Чего ты?.. Что я тебе сделала? — испуганно залепетала Лилька.

— За яблоко готова шкуру содрать. Они же от голода умирают. А ты пользуешься...

Лилька посмотрела на Степку, хотела что-то сказать и, не сказав, потупилась.

— Крохоборка! — Степка плюнул, растер валенком плевков и так дернул Митьку за руку, что тот чуть не упал. — Идем. А с ней и разговаривать не хочется.

Они пошли прочь. Митька оглянулся. Лилька что-то говорила тетке Груне и размахивала руками. Тетка Груня тоже стала что-то говорить и тоже размахивать руками.

Глава IV

*Эшелон уходит. Поиски соли. Рябой солдат.
Лилька плачет. Тетка Груня возмущается. Домой.*

— Если бы Генка жил в нашей деревне, был бы атаманом, — говорил Митька.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, — возражал Степка.

— Спорим!

Степка спорить не стал. Он мрачно посмотрел на Митьку и сжал кулаки. Митька сразу же заговорил о другом.

— А ленинградцы ребята ничего. Только уж больно страшные.

Степка усмехнулся.

— А если б тебя не кормить? Каким бы ты был, а?

Митька задумался. И, словно сквозь туман, увидел дистрофика Генку, скуластого, с запавшими глазами и острым носом, и сморщившуюся, как старушка, Ирку.

— Локотков, у тебя картошка осталась? — неожиданно спросил Степка.

— Осталась. А что?

— Давай отдадим им. Что, жалко стало?

Митьке не было жалко картошки, ему было обидно, что не он, а Степка до этого додумался.

— Мне жалко! — закричал он. — Да я и огурцы отдам. Их там целое ведро.

Они побежали к саням. Лошадь стояла на месте. Пугай, уныло повесив голову, бродил вокруг саней. Увидев ребят, лошадь замахала хвостом и громко заржала. Пугай бросился на Степку и ткнул ему прямо в губы. Степка плюнул и сказал:

— А ну тебя, отстань. Мы дело делаем.

Ребята только успели добежать до пере-

езда, как затрубил паровоз и вагоны задержались.

— Скорей, скорей, — подгонял Митька Степку.

Степка бежал изо всех сил. Навстречу медленно плыли вагоны.

— Генка, Ирка! — кричал Митька.

Генка с Иркой стояли в дверях теплушки и махали руками.

— Мы вам картошки притащили! — закричал Степка и бросился к теплушке. Он поднял мешок, но Генка не успел поймать, и мешок упал. Степка схватил его, побежал за вагоном. Поезд набирал скорость, колеса начинали выстукивать дробь. Степка остановился, поднял мешок над головой. Чья-то рука подхватила его и через минуту пустой мешок вылетел из вагона.

Ребята долго смотрели вслед поезду, пока последний вагон не скрылся за поворотом.

— Если б ты не провозился с Пугаем, как раз бы успели, — сказал Митька. — А теперь кто будет есть нашу картошку?

Степка обнял Митьку.

— Не горюй, Локотков. Все они голодные.

— Хорошо, что еще мешок выбросили, — сказал Митька.

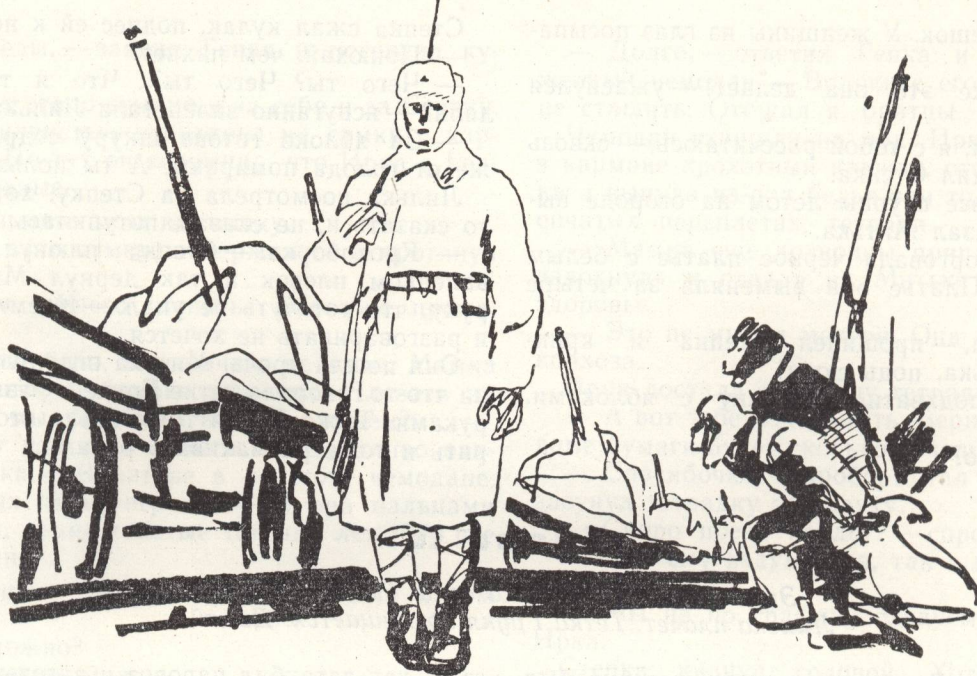
— А мой рюкзак? Тю-тю, — и Степка свистнул.

Митька грустно посмотрел на товарища.

— Матка опять пороть будет.

— Ну и что? Подумаешь, — и Степка беззаботно махнул рукой.

Митька вспомнил наказ матери — достать соли.

— Картошку всю раздали. Теперь и соли не на что выменять, — пожаловался он.

Степка снял шапку, помахал и опять надел.

— Может, еще достанем.

— Где?

— У солдат. У них-все есть: и соль, и мыло, и махорка.

— Так они и дадут даром-то...

— Может, и дадут. Попросим. Айда, — и Степка нырнул под вагон.

Вынырнув из-под вагона с другой стороны, ребята обалдело уставились на огромную пушку... Она стояла на платформе, задрав вверх длинное дуло.

— Вот это да! — ахнул Митька.

— Зенитка, — пояснил Степка.

На других платформах стояли точно такие же пушки. Вдоль эшелона ходил часовой с винтовкой. На ходу он приплясывал и стучал каблуком о каблук.

— Дяденька, это зенитки? — спросил Степка.

Солдат с ног до головы смерил Степку и строго сказал:

— С часовым нельзя разговаривать.

На соседнем пути стоял эшелон с пленными итальянцами. Степке с Митькой очень хотелось посмотреть на пленных итальяшек, но часовой закрычал:

— Кругом марш!

Подошел эшелон с ранеными. Ребята двинулись вдоль состава. Здесь часовой не обратил на них внимания. Вагоны с красными крестами были наглухо закрыты. И только в

одном из приоткрытой двери торчала забинтованная голова, похожая на кочан капусты.

— Какая станция? — спросила голова.

— Веригино, — ответил Степка.

— А что вы тут делаете?

— Соль ищем.

— А сало у вас есть?

Степка отрицательно помотал головой.

— А что есть?

Митька пожал плечами и развел руки.

— Ничего.

— А вы, дяденька, с фронта? — спросил Степка.

— А ты что, слепой? Не видишь? — Дверь с грохотом задвинулась.

— Почему они все сердитые? — спросил Митька Степку.

Степка почесал затылок и солидно изрек:

— Война!

Ребята обошли все поезда. В тупике стояло шесть вагонов-теплушек. У крайнего вагона широкоплечий рябой солдат умывался снегом. Растирая огромными ручищами волосатую грудь, солдат кричал от удовольствия. Степка с Митькой остановились. Солдат подмигнул им.

— А вы, небось, так не умеете.

Степка зябко поежился.

— Холодно.

Солдат оскалил зубы.

— С непривычки холодно. А привыкнешь — благодать!

Митьке очень понравился веселый солдат. «Верно, добрый», — подумал он и спросил:

— Дяденька, а соль у вас есть?
Солдат подхватил горсть снега, швырнул себе на спину.

— А как же? Сколько хочешь.

— А у нас соль кончилась, — пожаловался Митька.

— Это плохо, — заметил солдат. — А сами-то вы откелева?

Степка подробно и толково рассказал солдату, где они живут и зачем приехали на станцию. Солдат так ожесточенно тер полотенцем шею, словно собирался содрать с нее кожу.

— Понятно. Значит, вы живодеры, — сказал он.

— Почему живодеры? — спросил Митька.

— Потому что за картофелину с огурцом готовы с голодных ленинградцев содрать шкуру, — пояснил солдат.

— Неправда! — крикнул Степка и стукнул себя по груди кулаком. — Мы не живодеры. Тетка Груня настоящая живодерка. А я свою картошку так, даром отдал. И он тоже отдал, — Степка показал на Митьку. Митька вспомнил, что на картошку он выменял галоши с пеленками и четыре тетрадки, покраснел, но ничего не сказал. «А то еще по шее даст», — подумал он.

Солдат натянул рубашку, подпоясался ремнем и, подойдя к Степке, протянул руку.

— Извини, брат. Ошибся малость.

— Ладно уж, — сказал Степка, пожимая солдату руку.

— Батяка-то на фронте?

— А где ж еще! И у Митьки на фронте. Все мужики на фронте. Одни бабы в деревне остались. А Митькина matka за председателя.

— Понятно, — сказал солдат. — Значит, вам соль нужна? А у меня соли нет. — Солдат сокрушенно вздохнул.

Митька тоскливо посмотрел в насмешливые глаза солдата и безнадежно махнул пустым мешком.

— Пошли, Степка.

— Стой! — остановил их солдат. — У меня ее нет, а у другого есть. Шагом марш за мной! — скомандовал он.

Ноги у солдата были длинные, как ходули. Он отмеривал такие шаги, что Степка с Митькой едва успевали за ним бегом. У последнего вагона солдат остановился и забарабанил по двери кулаком.

— Яшка!

— Чего? — отозвался Яшка.

— У тебя соль есть?

— Есть. А для чего тебе?

— Тут пацанам нужна соль. Открой дверь.

Дверь вагона с визгом поползла вправо и показался Яшка, толстый, круглый солдат. Голова и туловище у Яшки будто срослись, и он походил на два шара, поставленных друг на друга. Степка прыснул в кулак. А Митька, чтоб не расхохотаться, закусил губу.

— Кому тут соль? — оглушительным басом спросил Яшка.

— Мне.

Солдат Яшка уставился на Митьку и для чего-то щелкнул толстыми пальцами.

— Зачем?

— Солить.

— Кого солить?

Митька испуганно посмотрел на рябого солдата. Тот ободряюще подмигнул.

— Суп, — ответил за Митьку Степка.

— Ишь ты, чего захотели. Суп солить, — и Яшка захохотал.

— Не дури. Дай ребятам соли, — серьезно сказал рябой солдат.

— А ты дров мне поколешь? — спросил Яшка и хитро прищурился.

Рябой махнул рукой.

— Ладно. Давай топор, эксплуататор.

Эксплуататор Яшка взял у Митьки мешок и насыпал в него столько соли, что ребята вдвоем еле-еле дотащили его до вокзала.

...Быстро темнело. В домах зажигались огни. Площадь перед вокзалом опустела. Лошади с розвальнями и Пугая тоже не было.

— Вот так штука! И Пугай куда-то пропал, — возмущенно сказал Степка.

Митька с ужасом посмотрел на мешок с солью.

— А если они домой уехали?

— Без нас-то? — И Степка вдруг стукнул себя по лбу. — У тетки Груни сестра на станции живет. Она, наверное, к ней поехала.

Около небольшого бревенчатого дома стояла их лошадь. На морде у нее висела торба. Свалив мешок в сани, Митька вытер шапкой лоб и пожаловался.

— Ужас, как замучился.

— А знаешь, что я нашел? — воскликнул Степка. — Вот это штука. Ни за какие деньги не купишь. Она у меня в санях под сеном спрятана. Увидишь — от зависти лопнешь.

Степка расшвырял сено и вытащил свою штуку. Это была рваная камера от автомобильного колеса.

— Ну, а я-то думал... — разочарованно протянул Митька.

Степка возмутился.

— Дурак, ничего ты не понимаешь.

— А зачем она тебе?

— Надую и буду развезжать на ней по озеру, как на лодке.

Митька захохотал.

— Да здесь же дырка на дырке!

Степка вырвал из рук Митьки камеру.

— Заклею.

— А где клей?

Степка задумался. Но сколько он ни думал, так и не мог придумать, где достать клей.

— Все равно пригодится. Мы из нее столько рогаток наделаем, на сто лет хватит.

— Рогатки из нее получатся что надо, — согласился Митька.

Вдруг Степка взмахнул руками.

— Так я же пушку сделаю! Давно сделал бы, если б была такая резина.

— А чем она стрелять будет?

— Чем хочешь. Камнями, картошкой, снежками. Такая пушка получится, что все сдохнут от зависти, — заверил Степка.

Митька хотел возразить, но смолчал. «Кто знает, может, и сделает», — подумал он.

В тесной избе, заставленной шкапами и кроватями, под потолком висела керосиновая лампа. На столе потихонечку попискивал самовар. На блюдах лежали три стакана и стояла пустая сахарница. Лилька, нахлебавшись чаю, спала, положив голову на руки. Тетка Груня раскладывала на лавке вымешанное барахло. Другая тетка, с такими же лиловыми щеками, как у Груни, завистливо ахала:

— Экая ты проворная баба, Аграфена. Смотри-ка, сколько добра наменяла!

Тетка Груня самодовольно ухмылялась.

— Все сгодится. — Увидев ребят, она сдвинула брови. — Вы где шляетесь, лоботрясы?

— Тебе какое дело, живодерка? — огрызнулся Степка.

Тетка Груня побагровела от ярости.

— Ты это почему так со мной разговариваешь? — закричала она. — Какая я тебе живодерка?!

— Ай-я-яй. Никакого уважения к старшим, — как клуха закудахтала хозяйка.

— А вот я его сейчас за уши! — тетка Груня грозно двинулась на Степку.

— Только дотронься! — сказал Степка. — Пугай тебе покажет!

Тетка Груня остановилась, сложила на груди руки и покачала головой.

— Эх вы, шалоберники. А ну, показывай, что у тебя есть?

Она схватила Митькин мешок, вытащила из него покупки и насмешливо спросила:

— И это все? Пороть-то тебя некому. — Потом взвесила на руке соль. — Около пуда будет. Может, ты мне половину отсыплешь? — вкрадчиво спросила она Митьку. — А я тебе рубашку подарю...

— Не надо мне твоей рубашки, — сказал Митька и вырвал из рук тетки Груни мешок.

— А где ты ее достал? Я все кругом избегала. Да что же вы стоите? — вдруг спохватилась тетка Груня. — Садитесь пить чай. Вот хлеб, сало. Ешьте, пейте, — тетка Груня положила на стол хлеб с салом.

Ребята, не раздеваясь, сели за стол, принялись есть хлеб с салом, пить остывший чай.

Тетка Груня под села к Митьке.

— Где же ты, Митенька, соль взял?

Митька посмотрел на Степку. Тот кивнул головой.

— У солдата, — буркнул Митька.

Тетка Груня вынула из-за пазухи мешочек с сахаром и дала им по крохотному кусочку.

— А где этот солдат с солью?

— На станции в вагоне живет.

— А на что он соль-то меняет? — пыталась тетка Груня.

— А мы не меняли. Он нам просто так дал.

— И много у него соли? — Глаза у тетки Груни от жадности стали круглыми, как у совы.

— Целый вагон. Бери, сколько хочешь, — соврал Митька.

Тетка Груня вскочила, засуетилась.

— Надо бежать, надо бежать, — говорила она, напяливая шубу.

— Беги, сестра, беги, сестра, — торопила ее хозяйка.

Повязав кое-как платок, тетка Груня сунула за пазуху кусок сала, схватила мешок и угрозила ребятам пальцем.

— Сидите дома. Чтоб никуда не шляться. Как только вернусь, сразу домой поедем, — предупредила она и хлопнула дверь.

Митька со Степкой переглянулись и подмигнули друг другу.

Хозяйка убрала со стола посуду и пошла в хлев кормить корову. Лилька все еще спала, положив на стол голову. Степка толкнул ее локтем. Лилька проснулась, заморгала и, откинув со лба растрепанные волосы, сердито спросила:

— Чего тебе?

— Ишь разоспалась, купчиха, — насмешливо сказал Степка и дернул ее за косичку.

— Отстань, дурак.

Митька увидел, как у Степки затряслись губы. Степка медленно поднялся. Лилька выскочила из-за стола, подбежала к печке, схватила ухват.

— А ну, попробуй подойди, — говорила Лилька и вертела ухватом, как солдат винтовкой. — Попробуй подойди, без глаз останешься.

Степка засунул руки в карманы и презрительно плюнул.

— Живодерка!

— Сам живодер, — огрызнулась Лилька.

— Тряпичница.

— Сам тряпичник.

— А еще пионерский галстук носишь! — закричал Степка.

— И ношу! — еще громче закричала Лилька.

— И не стыдно твоей роже бесстыжей, — укоризненно сказал Степка. — Люди с голода

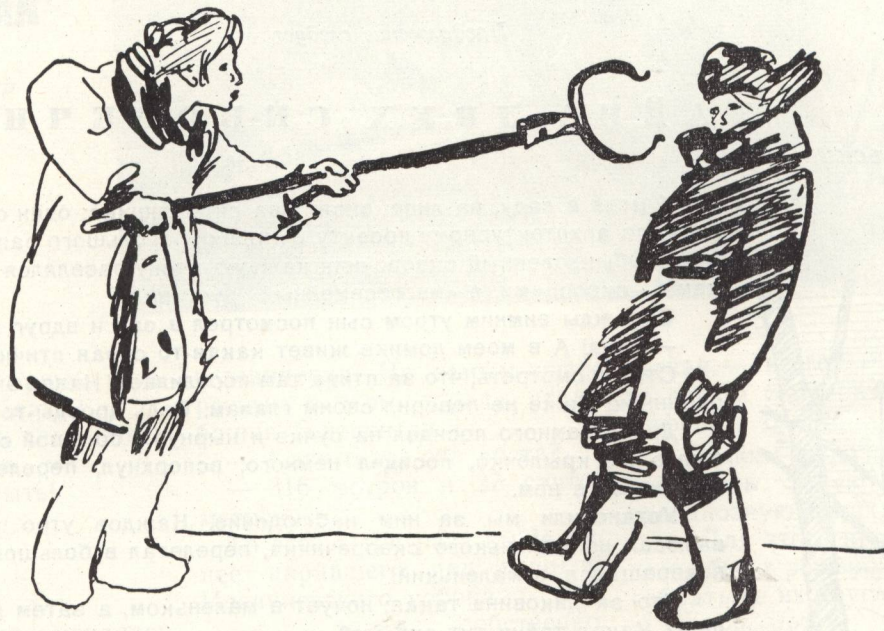
шелках, а теперь мы будем ходить». А вы меня бросили...

Митьке стало жаль Лильку. И в самом деле, почему они не взяли с собой Лильку? Он посмотрел на Степку. Тот стоял набычась, глубоко засунув руки в карманы.

Дверь распахнулась, в избу ввалилась тетка Груня с пустым мешком.

— Ты чего реवेशь? — накинулась она на Лильку.

— А тебе какое дело? — отрезала Лилька и отвернулась.

помирают, а ты пользуешься их горем. За одно яблоко — шляпку. Дрянь. Хуже тетки Груни. А я еще с тобой водился, защищал.

— А сами-то, а сами-то вы лучше? — лепетала Лилька.

Степка неожиданно подскочил к Лильке, вырвал у нее ухват, поставил на место, хотел было отвесить оплеуху, но раздумал и махнул рукой.

— И бить-то тебя противно!

Лилька села, сжалась в комочек и вдруг заплакала. Степка с Митькой удивленно переглянулись. Лилька Михина, у которой и кулаком слезу не выбьешь, и вдруг ревет. Сколько раз ее колошматили в школе, хоть бы пикнула. А тут вдруг заревела, хотя ее и пальцем не тронули. Лилька плакала навзрыд, причитая:

— А я виновата? Виновата? Сами меня бросили. А тетка Груня кричит: «Меняй во все лопатки! Чего их жалеть. Походили они в

Вошла хозяйка с ведром.

— Принесла? — спросила она тетку Груню.

— Принесла... как же... Держи карман шире, — огрызнулась тетка Груня. Губы у нее трепыхались, как тряпки, и всю ее трясло и колотило от злости. Она швырнула мешок и принялась ругать рябого солдата.

— Это не солдат, бандит. Я ему сало даю. А сало-то как масло, хоть на хлеб намазывай. А он, черт рябой, берет меня за воротник, поворачивает спиной и коленкой... И это называется наш защитник. Старую женщину коленкой...

Ребята захохотали.

— Вы чего зубы скалите! — закричала тетка Груня. — Эх вы, детушки! — тетка Груня плюнула и приказала собираться в дорогу.

... Дорога домой не была такой веселой, как на станцию. Темно. Холодно. Лес по сторонам тянулся бесконечной черной стеной.

Над лесом низко висело прожженное звездами небо. Дул ветер, и звезды мигали.

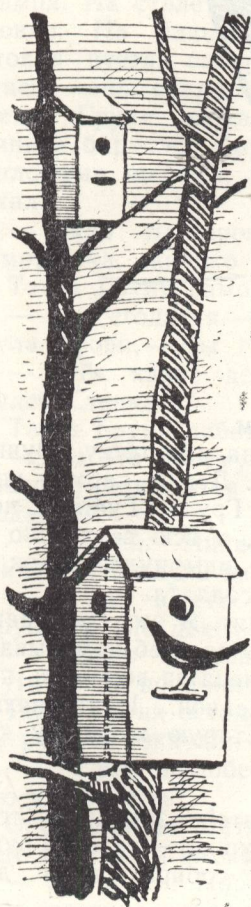
Степка, Лилька и Митька лежали под тулупом, прижавшись друг к другу. Каждый думал о своем. Митька думал о Генке с Ирккой, о том, как они будут жить без матери в детском доме. Лилька думала о том, как ей теперь помириться с ребятами, перед которыми она чувствовала себя виноватой. Степка, как человек практичный, разрабатывал в уме конструкцию своей пушки. О том, что мать его будет пороть за поездку, как сидорову козу, он не думал. Это само собой разумелось.

Тетка Груня сидела на своем мешке с ба-рахлом, погоняла лошадь и всю дорогу ругала рябого солдата. За санками, высунув язык, плелся Пугай. Он ни о чем не думал. Ему просто хотелось забраться в санки и ехать, как люди. И не потому, что он устал, а потому, что Пугай очень боялся волков. Лошади думать было некогда. Она торопилась поскорее попасть домой в теплый хлев. Мороз разгуливал по лесу, постукивал по сучьям, хватал лошадь за ноздри, а тетку Груню — за толстые лиловые щеки.

Продолжение следует

ТАЙНА ДВУХ СКВОРЕЧНИКОВ

Н. Никольский

У меня в саду, на липе, висят два скворечника: один обыкновенный, другой — по архитектурному проекту сынишки — большого размера, «многосемейный». Обыкновенный скворечник каждую весну заселялся прилетными дачниками — скворцами, а «многосемейный» пустовал.

Однажды зимним утром сын посмотрел в сад и вдруг кричит мне:

— Папа! А в моем домике живет какая-то серая птичка!

Стал я смотреть, что за птица там поселилась. Навел бинокль . . . Дрозд-рябинник! Даже не поверил своим глазам. Ведь дрозды-то на юг улетели!

Дрозд немного посидел на сучке и нырнул в большой скворечник. Вскоре вылез на крылечко, посидел немного, вспорхнул, перелетел к маленькому и скрылся в нем.

Установили мы за ним наблюдение. Каждое утро и под вечер дрозд вылезал из маленького скворечника, перелетал в большой, а потом обратно возвращался, в маленький.

Что за диковина такая: ночует в маленьком, а затем перелетает в большой? Какая тайна тут скрыта?

— Приходи ко мне посмотреть, как в скворечнике зимует дрозд-рябинник, — звоню я по телефону одному приятелю своему, большому любителю птиц.

— Это что, охотничий рассказ? — спросил он.

Но все-таки пришел после обеда. Сидим и наблюдаем через окно. Вечером, как всегда, из маленького скворечника вынырнул дрозд. Посидел на крылечке, вспорхнул, перелетел к большому и скрылся в нем.

— Да, верно, дрозд. Вот разбойник! — удивился приятель, отнимая от глаз бинокль. — Явление редкое. Зачем же он перелетает из одного скворечника в другой?

На следующий день мы узнали, в чем дело. Утром отправились в сад, поставили к липе большую лестницу, сын полез наверх. Только стал он приближаться к маленькому скворечнику, как из него с криком «чок-чок» вылетел дрозд. Сын поднялся выше, посмотрел внутрь и кричит нам:

— Ничего нет, кроме пуха!

Затем перелез к большому скворечнику, заглянул в него, засунул руку, достал что-то и рассматривает.

— Что там? — с нетерпением спросил я.

— Ягоды рябины!

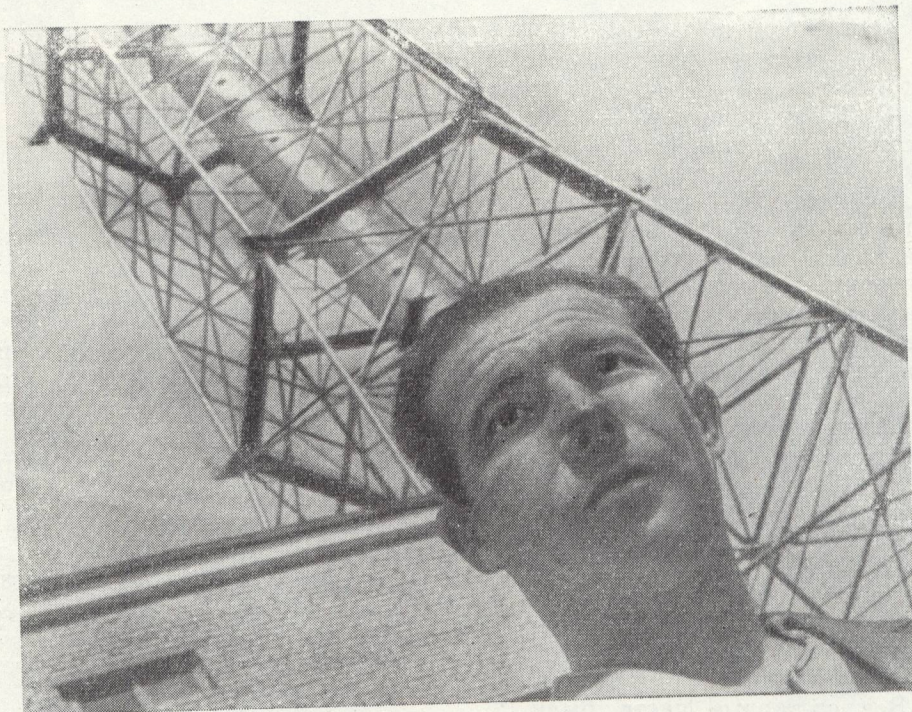
Оказывается, дрозд-рябинник, случайно оставшийся на зимовку, приспособил большой скворечник себе под кладовую, натаскал в него рябины, а маленький — для жилья, в нем теплее.

Интересный, редкий случай!

ПОД ОБЛАКА

Ю. Цехновицер

Фото автора

— Можно ли в нашем городе залезть под облака?

— В ракете или самолете?

— Нет, в лифте.

— Не может быть!

— Может...

— Эта история началась, когда тебя, мой юный читатель, еще не было на свете. 7 июля 1938 года в Ленинграде произошло важное событие.

Группа инженеров осуществила первую в СССР телевизионную передачу на тогда еще очень скромной отечественной аппаратуре.

Казалось бы, что особенного, — но тогда было посеяно зерно, из которого впоследствии появились миллионы телевизоров и десятки телестудий, разбросанных сейчас по всей нашей стране.

За двадцать пять лет, которые отделяют эти первые опыты от наших дней, строителями Ленинграда был возведен целый комплекс зданий города

телевидения. Но самым интересным в этом городе стала башня телецентра.

— Какого же она роста?

— 316 метров и 27 сантиметров.

То есть в три раза выше ранее царившего над городом Исаакиевского собора.

— А зачем, собственно, нужна такая высота?

— Дело в том, что телепередачи осуществляются ультракороткими волнами, которые не могут обогнуть земную поверхность, а встречающиеся на их пути естественные препятствия мешают приему.

Следовательно, чем выше телебашня, тем шире радиус ее действия и тем беспрепятственнее волны попадают от передающей антенны к принимающей.

Вот почему и понадобилась башня такой высоты.

Но и это еще не самое примечательное в новой постройке.

Мало того, что это самая высокая металлическая башня в Европе, она еще и самая

легкая — «всего» 1256 тонн, то есть в семь раз легче, чем Эйфелева башня.

— Каким образом удалось соорудить такую легкую и грандиозную вышку?

— Для этого проектировщиками было решено: во-первых, собрать ее из круглых труб.

— Почему?

— Оказывается, ветер обтекает круглую форму легче, чем прямоугольную. Его давление на башню снижается и, значит, металла нужно меньше.

Во-вторых, металл для труб выбрали высокопрочный. Более прочная сталь выдерживает большие нагрузки, а поэтому ее опять же требуется меньше.

И в-третьих, все самые ответственные конструкции вышки напряжены, то есть натянуты, как тетива лука. Это сделало их более жесткими, увеличило их сопротивляемость ветру.

Все эти хитрости придуманы потому, что давление ветра на такой огромный парус, как высотная башня, очень велико.

— С чего же началось это строительство?

— С фундаментов — опор всего сооружения.

На выровненную бульдозерами площадку приехали особые краны. Они подвешивают за конец сваю над местом ее забивки. Вместо крюка у них вибропогружатель — механизм, передающий свои вибрационные колебания определенной частоты. При этом под действием собственного веса сваи, как в масло, входит в землю.

Так были «забиты», верней, вдавлены 252 шестнадцатиметровые сваи.

На этих опорах стали расти стальной ствол башни и окружающие его ветви решетчатой конструкции.

Все составные части были сварены автоматами на заводе и привезены в готовом виде на стройку. Здесь из отдельных кусков собирались отрезки башни и поднимались наверх.

Там монтажники-верхолазы приваривали их к уже собраным частям вышки, как бы наращивая ее в высоту.

Для того чтобы проверить, хорошо ли соединились элементы друг с другом, все сварные швы «просвечивались» ультразвуками.

Когда постройка поднялась над городом на высоту в 200 метров, началось самое невероятное — строительство под облаками трехэтажного здания, выполненного целиком из стекла и металла.

Здесь должна разместиться различная аппаратура, необходимая для ведения передач.

В плиты крыши и полов трех этажей заделали основание антенной части, состоящей из трех призм, поставленных

друг на друга, и венчающей трубы.

При этом нижняя призма, высотой в 32 метра, предназначалась для ультракоротковолнового радиовещания.

Средняя — высотой в 37,5 м — антенна первого телевизионного канала и верхняя — высотой в 32 метра — для третьего канала.

Венчающая полая труба в 14,8 метра — антенна цветного телевидения.

Особенно ответственной и опасной была сборка антенной части. Ведь эти работы велись на огромной высоте. Здесь ошибки и неточности недопустимы. Поэтому на земле проводилась пробная сборка и только после этого инженеры решились поднять антенну вверх.

— А чем поднимали детали на такую высоту?

— Краном грузоподъемностью в 15 тонн и высотой в 126 метров.

— Но все равно кран меньше башни?

— Правильно, поэтому кран был самовыдвижной, то есть он мог при помощи особых устройств взбираться на уже выстроенную часть башни.

Интересно, что всеми движениями крана строители управляли с земли, а связь с монтажниками, находившимися на огромной высоте, велась, конечно, не голосом, а по радиотелефону.

— Очень страшно работать на такой высоте?

— О безопасности рабочих подумали различные специалисты, в том числе и бюро предсказания погоды.

Было очень важно заранее знать о приближающемся урагане, и на строительную площадку все время сообщался

пятидневный, очень точный прогноз погоды.

— Что же предпринималось, когда ветер усиливался?

— Башня была так рассчитана, что при угрозе сильного ветра следовало быстро опустить вниз все еще не приваренные детали, иначе они, падая, могли причинить массу неприятностей.

Чтобы сократить сроки, строительство велось и зимой, хотя в мороз и при ветре работать на высоте очень тяжело. Зато стройка продолжалась только год. За вычетом тех дней, которые отняла у монтажников капризная ленинградская погода.

— Хорошо, а как все-таки попасть под облака?

— Для этого имеются два быстроходных лифта, доставляющие вас на высоту в 200 метров со скоростью трех с половиной метров в секунду.

— Кто же эти герои, которые преодолели все препятствия и вышли из битвы с природой победителями?

— Это ленинградцы, рабочие и инженеры, и, прежде всего, бригада монтажников под командованием Олега Федоровича Зихотина.

— На этом и кончается рассказ о высотной башне?

— Нет, знаменитая бригада монтажников сейчас, когда вышка закончена, трудится над рождением ее братьев: телевизионной башни в Архангельске высотой в 150 метров и в Пярну — 180 метров.

Пожелаем им такой же безаварийной работы, как и в Ленинграде.

На цветном рисунке художника Ю. Мезерницкого — еще одна телевизионная вышка. Она строится сейчас в Москве. Высота ее будет 530 метров.

СТИХИ

НЕМЕЦКИХ

ПОЭТОВ

Елена Гилле-Брандт.

СКРИПОЧКА

Жил-был на свете мужичок,
Шутник, каких уж нету:
Под мышкой скрипка
и смычок —
Он так бродил по свету.

Он так всю землю исходил,
Не много и не мало,
Туда-сюда смычком водил —
И все вокруг плясало!

С Марихен танцевал портной,
А с пекарем Лизетта,
С постели вскакивал больной
И прыгал до рассвета.

С Барбосом в пляс пускался
гусь,
Баран — в обнимку с уткой.
Вослед — сказать не
побоюсь —
И роза с незабудкой.

Повсюду город иль село
В веселый пляс пускались.
Ручьи на улицы несли,
И реки разливались.

Дома входили в шумный круг,
Плясали колокольни,
И замок с гор спускался
вдруг —
Так были все довольны.

Хитро смеялся мужичок,
Его глаза сверкали.
Но вдруг он опускал смычок,
И звуки умолкали.

Вновь было тихо все кругом.
Но как все незнакомо:
Попробуй-ка найти свой дом,
Коль дома нету дома!

Река свой берег не найдет,
А берег речку ищет,
И молния с огнем бредет —
За громом в небе рыщет.

С забором разлучен лопух,
Зеленый луг — с травой,
Расстался с курицей петух,
А шляпа с головою!

Не может мышь нору найти,
Кастрюля ищет крышку...
А мужичок опять в пути —
Взял скрипочку под мышку.

Да, жил когда-то мужичок,
Теперь таких уж нету.
Под мышкой скрипка
и смычок —
Он так бродил по свету.

ТИМ ТОПЦЕЛЬМАНН

Тим Топцельманн был
дурачком,
Весь век вертелся он волчком,
А иногда он просто так
Стоял, не зная что и как.

Он был носильщиком
плечистым,
Потом нанялся трубочистом,
А под конец, не унывая,
Служил кондуктором трамвая.

Когда в трамвай входил
бедняк,
Тим бедняка возил за так.
Тут лезли все к нему
в трамвай,
А Тим кричал: «Давай,
давай!»

Никто билетов брать не стал,
И наконец трамвай устал,
И как-то вечером, в час «пик»,
Промолвил «нет!» и встал
в тупик.

К портному Тим на этот раз
Пошел и дал большой заказ.
И вскоре целый городок
Одет был с головы до ног.

Когда портной за эти платья
Вдруг предъявил счета
к оплате,
Сказали все: «Мы не хотим
Платить за то, что дал нам
Тим!»

Тогда накинулись на Тима.
Но Тим сказал невозмутимо:
«Не знаю, в чем я виноват!»
Он был и вправду глуповат.

Тим Топпельманн стал
голодать.
В чем дело, он не мог понять.
Он отовсюду был гоним.
«Видать, я жадный!» —
думал Тим.

И Тим остался без штанов,
Он все раздал в конце концов.
И голоден, и гол, и бос
Пошел наш Тим, повесив нос.

Бедняга на последний грош
Задумал выиграть —
и что ж? —

Судьба беднягу выручала,
И начиналось все сначала!

Гофман фон Фаллерслебен

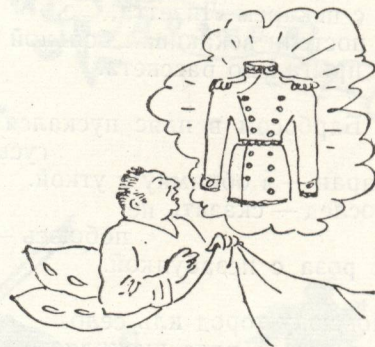
ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Он храбрым генералом был,
Под пулями не гнулся,
Вдруг страшный сон его
смутил,
И ночью он проснулся.

Он в жизни страха не знал,
Он слыл наихрабрейшим!
И вдруг разбужен генерал
Сном удивительнейшим!

Его, которого еще
Нигде не одолели,
Что ночью подняло его,
Дрожащего, с постели?

Чума? Предательство? Война?
Иль оскорбленье чести?
Врагом плененная страна?
А может быть, все вместе?

Увидел храбрый командир
Во сне, что — о, всевышний! —
На каждый выдано мундир
По пуговице лишней!

Петер Хаке

БАЛЛАДА О ТЯЖЕЛОЙ ЖИЗНИ РЫЦАРЯ КАУЦА ФОН РАБЕНЗЕ

Железным прозывался
Герр Кауц фон Рабензе —
Когда не спал, он дрался,
Пред ним дрожали все!

Тяжелое, стальное
Белье носил храбрец,
И плащ, и остальное —
Ведь шил ему кузнец!

Бывало, он по мосту
Спешил на всех парах,
И мост вдруг — очень
просто! —
Разваливался в прах.

Бывало, обопрется
Рукой о парапет —
Земля как затрясется,
И парапета нет!

Смущен такую драмой,
Пошел бедняга спать
И раздавил пижамой
Дубовую кровать.

Пришла зима со снегом.
Все небо в облаках.
По озеру побегать
Решил он на коньках.

Еще в тяжелой жизни
Шагнул он шаг один —
Вдруг лед под ним как
брызнет! —
И вот он между льдин.

«О громы и проклятья!
Я, кажется, тону!» —
Тут должен вам сказать я,
Что он пошел ко дну.

ЛАДИСЛАУС И МЫШКА-МАУС

Жил-был ландскнехт
когда-то —
Вояка Ладислаус,

И с ним жила, ребята,
Малютка Мышка-Маус.

Войну любил вояка —
Свист сабель, храп коней —
Но мышь свою, однако,
Ландскнехт любил сильней.

Она всегда дремала
В пушистой бороде
И так сопровождала
Хозяина везде.

Но чуть ему случалось
В смертельный бой
вступать —
Малютка мышь старалась
Куда-нибудь удрать.

Тогда, шепча молитвы,
Бедняга Ладислаус
Искал на поле битвы
Малютку Мышку-Маус.

Она всегда бежала
Назад, а не вперед —
И Ладислаус, бывало,
Бежит, не отстает!

Неделя за неделей —
Воюют тридцать лет.
Иные поседели,
Иных давно уж нет.

Все те, кто обожали
Добычу и разбой,
Давным-давно лежали
Костями в земле сырой.

Но путь прошел опасный,
И жив был Ладислаус,
Благодаря прекрасной
Малютке Мышке-Маус!

Перевел с немецкого
Юрий Коринец.

Рисунки Б. Савкевич

ДУМАЕТЕ ЛЕГКО?!

М. Барсук

Я пришла в ЛИТМИК, в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии.

— Здравствуйте, хочу посмотреть, как учатся актеры. Покажите, пожалуйста.

Мне подали большой квадратный лист бумаги.

— Вот расписание, выбирайте, что понравится.

— Что они делают?

— Ощущают запах бензина, — ответил он и, хлопнув в ладоши, громко сказал: — Освободите сцену, хватит.

Студенты разобрали свои стулья и расселись по местам.

— Что ты делал? — обратился преподаватель к студенту, сидящему с краю.

чистил пятно, потом открыл форточку.

— Зачем? — неожиданно спросил преподаватель.

— Чтобы выветрить запах бензина.

— Разве он тебе не нравится?

— Конечно, нет, — отвечал вконец растерявшийся студент.

— А... — иронически протянул преподаватель. — Но почему же ты не открыл форточку заранее? Не верю.

— А что делал ты? — обратился он к следующему. — Ты лежал на полу под стулом. Почему у тебя было такое страдальческое лицо?

— Я чинил машину.

— Ага, значит, ты был огорчен поломкой?

— Совсе нет. Просто я не люблю запах бензина.

— Интересно! Ну, а ты видел когда-нибудь шофера, страдающего от запаха бензина? Я — никогда. Не верю!

— А что делал ты, мне совершенно неясно, — это было сказано студенту, который бегал туда-сюда.

— Разжигал печку.

— А я было подумал наоборот — тушил пожар! Ну, а причем же тут бензин?

— Я разжигал бензином.

— Не верю! Трудно догадаться! Этот этюд к следующему разу сделайте поточнее. Уберите все лишнее, сосредоточьтесь на главном. А теперь — что вы приготовили дома? Режиссеры, какое было задание?

«Откуда здесь режиссеры», — подумала я, но мне пояснили тут же:

— У нас актеры учатся вместе с режиссерами. Справа сидят актеры, слева — режиссеры. Режиссеры пишут этюды, придумывают сцены и ставят их с актерами. Один такой этюд они сейчас покажут.

Поднялся кто-то из режиссеров.

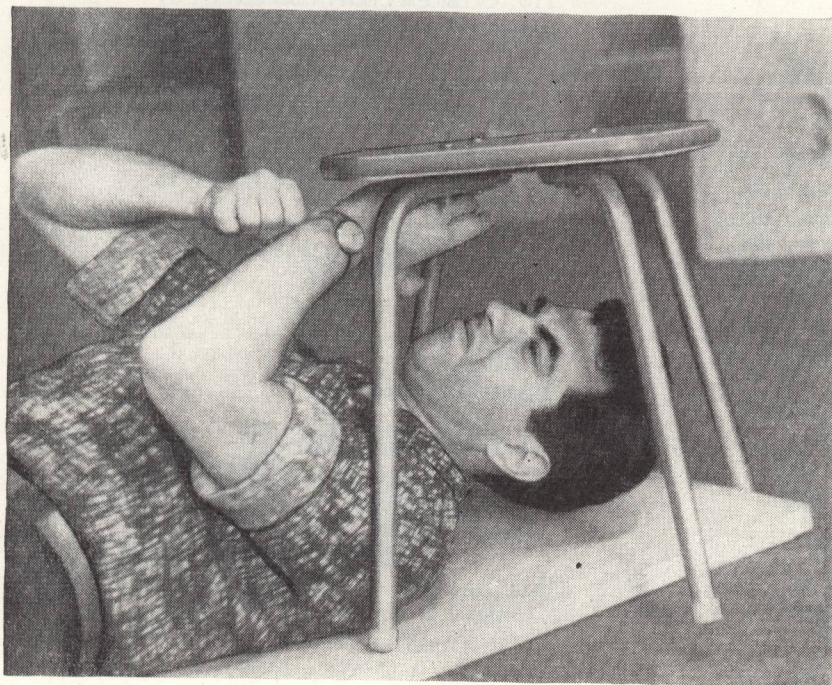
— Наш этюд называется «В кабинете зубного врача».

Актеры быстро приняли необходимые предметы. Площадку перегородили ширмой. С одной стороны поставили ряд стульев, с другой — стол и два стула.

— Слева — приемная, справа — кабинет врача, — пояснил режиссер.

Актеры заняли свои места. Одни сидели и негромко о чем-то беседовали, кто-то читал газету, другие стояли, разглядывая стены. А один то вскакивал, то усаживался на место, хватался руками за щеку, мотал головой.

«Ну, это мне понятно, — подумала я, — зубы болят».

Я принялась внимательно разглядывать расписание. Задача была не из легких. Оказалось, что в институте учатся не только актеры, но и режиссеры, и театральные художники, и театроведы. Все интересно, но ведь за один день всего не увидишь! Я выбрала кафедру драматического искусства. Первым в расписании стояло «Актерское мастерство».

1.

Когда я вошла, занятия были в разгаре. Студенты сгрудились в части комнаты, отделенной занавесом. Один лежал на полу, заглядывая под сиденье стула. Другой метался, словно что-то перетаскивал в охапке, перепрыгивая через стулья и расталкивая стоящих на пути. А преподаватель делал пометки в блокноте.

Я шепотом спросила:

— Чистил бензином пятно.

— Повтори, пожалуйста, свое упреждение и объясни.

Студент поставил рядом с собой ящик и пояснил:

— Это — шкаф.

Потом заглянул в «шкаф» и стал что-то рассматривать внутри, взял это «что-то» в руки, понюхал и поставил обратно. Так он проделал несколько раз. Наконец, он еще раз понюхал, сморщился и отошел от ящика. Встал посреди комнаты, подтянул брючину и начал тереть на колене. Делал он это с большим старанием, не торопясь. Потом отошел в сторону, поднял руки и покрутил у себя над головой.

— В шкафу я искал бензин, чтобы вывести пятно на брюках. Этикеток на бутылках не было, поэтому я нашел бензин по запаху. Вы-

А в «кабинете» тем временем происходило нечто таинственное. «Больной» сидел, широко открыв рот, и растерянно смотрел, как «врач» возился на столе. Наконец, он взял что-то невидимое в руки и поднес ко рту «больного», а тот испуганно съехал с кресла.

— Не бойтесь, — снисходительно сказал «врач». — Это — зеркало.

«Приемная» постепенно пустела. Наконец, в кресле последний «больной» — тот, у которого болели зубы. Он ерзает, боится открыть рот, судорожно хватается за ручки кресла. Внимательно обследовав «больного», «врач» выносит приговор:

— Удалить!

Мука искажает лицо «пациента», но «врач» неумолим.

— Откройте рот и сидите спокойно.

Делать нечего — надо повиниться. «Врач» опять чем-то вооружился и решительно орудует во рту «больного». Делает он это уверенно, и кажется, что перед вами настоящий врач... И по тому, как морщится «больной», можно догадаться, что ему «тащут» зуб. Но вот, кажется, и все.

— Вы свободны.

Исцелившийся радостно бросается вон, но его останавливает испуганный возглас режиссера:

— Что ты делаешь? Дверь напротив!

Этюд окончен. Студенты слушают замечания преподавателя, получают задания и со звонком отправляются на перемену. Я подошла к ним, мы разговорились.

— А почему бы вам не воспользоваться необходимыми предметами? Ведь это очень трудно — «работать» с пустыми руками.

— Ничего, сейчас начинает получаться, занимаемся уже полгода. А вначале приходилось упражняться каждый день, пользовались каждой свободной минутой. Бывало, едешь в автобусе и учишься воображаемый замок открывать. Или авторучку разбирать. Аккуратно все детали «раскладываешь» и «собираешь», а на самом деле-то нет никакой ручки! Пассажиры стали внимание обращать. Уж очень странно, наверное, со стороны выглядит.

— А зачем это нужно?

— А чтобы потом, когда будем иметь дело с настоящим режиссером, наши жесты и движения были выразительными и точными.

Кстати, в расписании стояло следующее предметом «Сценическое движение».

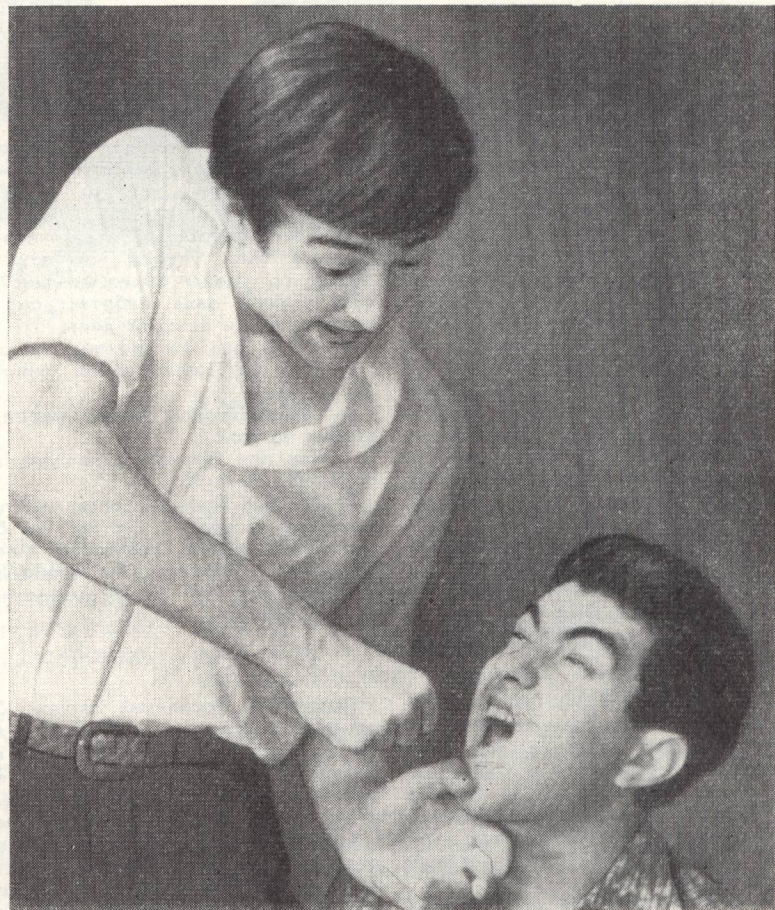
2.

Еще на лестнице я услышала музыку. Тихонько вошла в большой светлый зал, похожий на физкуль-

турный, в углу стоял рояль. Студенты расположились рядами посреди зала. Вид у них был странный: поверх тренировочных костюмов у девушек были надеты темные длинные юбки, а у юношей плащи, перекинутые через плечо. Они сосредоточенно повторяли под музыку

— А сколько пьес написано про Испанию? Актеру надо знать, как в них держаться. А на следующих занятиях будем отрабатывать манеры французские, русские, античные... Стройтесь в две шеренги!

Я наблюдала, как студенты встали в два ряда лицом к лицу.

какое-то замысловатое движение: два шага вперед и приседание.

— Девушки, что это? С такой походкой вы обязательно запутаетесь в юбках!

Не успела преподавательница объяснить, что делать с юбкой, как началась путаница у юношей: забыли, куда деть плащ, с какой ноги делать шаг и куда девать руки.

— Снова, начали! Вперед, поклон. Держитесь свободнее. Юноши, не забывайте о шпагах, они — слева!

Наконец что-то стало получаться, и преподавательница разрешила отдохнуть. Тогда я спросила:

— Для чего они повторяют это движение и почему такие костюмы?

— Это мы изучаем испанские средневековые манеры.

— Почему именно испанские?

— Начали!

Левая шеренга дружно размахнулась, их руки с треском обрушились на партнеров, и те отлетели к стене. Через секунду вновь выстроились как ни в чем не бывало, и все повторилось, только теперь правые атаковали левых.

Приглядевшись, я заметила, что никакой драки нет, просто одни бьют по воздуху, а другие хлопают в ладоши.

— Это совсем не так просто, как кажется. Поначалу немало было курьезов. Иногда доставалось как следует. Такие упражнения помогают рассчитывать силу, развивают ловкость. Кстати, иногда и профессиональные актеры забываются на сцене, тогда сами понимаете, что бывает...

После очередной передышки студенты вытащили на середину маты и встали по двое около каждого. Один «бьет», другой падает на мат.

— Неправильно, — говорит преподавательница, — на полу так разбиться можно, — и добавляет: — Кто хочет попробовать на полу?

Несколько человек отважились. Но немногим из них захотелось повторить, и они скромно отошли в сторонку, потирая ушибленные места.

— На сегодня хватит, — говорит преподавательница студентам.

— Кроме сценического движения у нас есть и другие похожие дисциплины: ритмика, танцы, фехтование. И не случайно, что их так много. Вы, очевидно, испытывали ощущение скованности, неловкости, когда двигаешься по ярко освещенной площадке, да еще все на вас смотрят. В таком состоянии даже сделать несколько шагов необычайно трудно. Поэтому прежде всего мы учим актера ходить, просто ходить, не спотыкаясь, не задевая предметов, без напряжения. Зритель не должен чувствовать, что актеру на сцене тесно, что старинный костюм стесняет движения. Кроме того, актер не только ходит по сцене, но и бегаёт, прыгает, танцует, сражается. Вот поэтому он и должен владеть своим телом.

Я попрощалась и пошла дальше. Впереди было еще одно занятие — сценическая речь.

3.

И опять комната с маленькой сценой. Раздался звонок, и все семь человек, выстроившись в ряд, подтянулись, сложили руки на животе и хором нарастаев стали произносить:

— Мом, мэм, мам, мум, мым, мим.

— Что ж, — подумала я, — значит, это тоже нужно!

Но тут они оставили свои чинные позы и, не прерывая «пения», принялись расхаживать по сцене. Поворачивались спиной, наклонялись.

— Мом, мэм, мам, мум...

Я спросила преподавателя:

— Зачем это?

— Потом объясню.

И когда студенты кончили, он повернулся ко мне:

— Идите туда, — и указал в противоположный угол. — А ты, — попросил он юношу, — позови маму.

Тот повернулся сначала лицом и негромко позвал:

— Мама!

Потом спиной ко мне, наклонясь, сидя. Его голос звучал по-разному: то четко и громко, то вдруг глухо и неясно.

— Теперь «покричи» ты, — обратился он к девушке.

И она проделала все то же, но слышно ее было одинаково хорошо во всех положениях.

— Замечаете разницу? — подошел ко мне преподаватель.

— Да, конечно. Но от чего это зависит?

— Все дело в настойчивости. Я могу быть уверен, что эту девушку со сцены будет слышно во всех уголках зала. Работает она по-настоящему и каждый день.

И опять все выстроились в ряд. — Пришел Прокоп, кипел укроп, — начал один.

— Ушел Прокоп, кипел укроп, — вторил другой.

— Как при Прокопе кипел укроп, — подхватил третий.

— Так без Прокопа кипел укроп, — закончил четвертый. И тут же без передышки начал следующий. А если кто-нибудь сбивался, и случалось это нередко, то сосед продолжал вместо него.

* * *

Прозвенел последний звонок. Занятия кончились, но во всех аудиториях продолжалась работа, напряженная, повседневная, без которой ни один актер не может выйти на сцену. Кому не хватило места в аудитории, занимаются прямо в коридорах, на подоконниках, на ступеньках лестниц. В библиотеке сидят уже знакомые мне ребята. Один читается в том «Всеобщей истории искусств», другой переводит интересную статью. За соседним столом готовятся к семинару по философии, а неподалеку несколько ребят увлеченно обсуждают, какой рассказ для этюда интереснее.

В вестибюле перед огромным зеркалом несколько первокурсни-

ков разучивали замысловатые па испанского танца. Увидев меня, они подошли:

— Ну, как, понравилось?

— Жаль, что у меня мало времени. В вашем расписании еще столько предметов: танцы, грим, физкультура...

— Да, но это только специальные, а еще есть общенаучные дисциплины, история театра, изобразительного искусства, литература...

— Как же вы успеваете?

— Конечно, нелегко. В институте мы проводим почти весь день, а потом еще домашние задания, и еще надо читать, ходить в театр. Иногда приходится ездить с шефскими концертами. А вы знаете, что у нас есть свой театр?

— Нет, не знаю.

— Театр учебный, но совсем как настоящий. Там идут лучшие спектакли студентов третьего — четвертого курсов. Но для того, чтобы попасть на эту сцену, надо все годы много работать.

Преподаватель, который, я заметила, прислушивался к разговору, вмешался:

— Что, напугали они вас?

— Да, признаться!

— Это еще не все. Крепкое здоровье, большое упорство — непременные условия. Но они ничто, если у человека нет самого главного — таланта. Актерский талант — понятие очень сложное, и чтобы разобраться в этом, требуется иногда не один год. Поэтому наш студент — не всегда будущий актер. И это, конечно, печально.

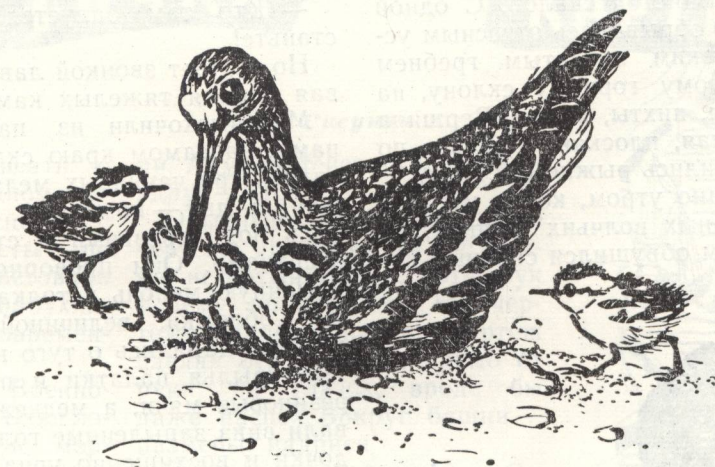
— Печально, — согласилась я. — Но, может быть, он станет зато умелым режиссером или критиком-театроведом?

— Может быть, — кивнул он. — Ну, как, пойдете к нам учиться?

— Ни за что! — испуганно воскликнула я.

От редакции: здесь автор этого очерка ошибся. Марианна Барсук, побывав по редакционному заданию в ЛИТМИКЕ, вскоре сама стала студенткой театроведческого факультета.

Фото Л. Полякова

КУЛИЧОНОК

Ц. Сигуров, геолог

Рисунки П. Ризича

Иду в маршрут по каменистому берегу таежного ручья. Иду, смотрю под ноги — не падется ли рудный валун или обломок какого-нибудь дорогого кристалла. И вдруг из-под сапог с резким плаксивым писком вылетел кулик, тяжело затрепыхался, захромал, волоча крыло, будто подбитый.

— От детишек отводит, — решил я.

Смотрю, и вправду, в серых камнях лежит пушистый серенький птенчик. Притаился чуть дыша, голову спрятал под гальку, ноги под себя поджал, не различишь — то ли трава сухая, то ли круглый камешек в лишайниковой красоте.

Поднимаю и сажаю его на ладонь. Он не понял сначала, куда попал, прижался смиренхонько, а клюв длинющий запрятал между пальцами. Но, разобравшись в чем дело, начал вырываться.

Посадил на землю — он сразу же юркнул в густую траву и сжался, как ежик, в неподвижный комочек. Трогаю хвостинкой — не шевелится, будто мертвый, и глаза закрыты. Потом как вскочит да как побежит на черных ходулях, высоко и гордо подняв черноклювую головку — ни дать ни взять игрушечный кудлатый страусенок. Не остановиваясь, бросился в ручей — его сбило течением, перевернуло кверху брюхом. И вдруг он исчез. Исчез — и все, как сквозь воду провалился. Смотрю, а он и вправду провалился под воду, сидит, не шевелится, лишь кончик клюва

острой трубочкой торчит из-под веера падающей струи.

Я спрятался в густом кусте черемухи. У ручья появилась куличиха, быстро-быстро запищала. В ответ на ее призывный голос со всех сторон покатались шустрые серенькие шарики. Водолаз-куличонок тоже выскочил из воды, отряхнулся и бесцеремонно забился под крыло мамыши. Я осторожно вылез из куста, и, согнувшись, чтоб меня не заметили птицы, пошел в тайгу.

Зачем пугать малышей? Сидеть под мягкими теплыми крыльями мамыши куда приятней, чем в ледяной воде.

КАМЕННЫЙ ДОЖДЬ

Один раз поставили мы палатку под высокой каменистой кремнистой скалой. С одной стороны скала круто обрывалась отвесным уступом, с другой — узким зубчатым гребнем примыкала к лесистому горному склону, на котором росли кедры, пихты, осины. Вершина же скалы была ровная, плоская, и только по краям ее кое-где высились рыжие выступы.

И вот однажды рано утром, когда мы еще спали в своих походных волчьих мешках, на палатку с шуршаньем обрушился сильный ка-

менный дождь. В некоторых местах парусиновой крыши появились солидные пробойны.

Возмущенный начальник партии закричал: — Кто там балуется? Сейчас же перестаньте!

Но в ответ звонкой лавиной посыпалась новая порция тяжелых камней.

Мы выскочили из палатки. Высоко над нами, на самом краю скалистого уступа суетились три чернявых медвежонка: один большой, а два — поменьше. Мы скорее спрятались под деревьями и стали наблюдать за зверьками. Они проворно сгребали лапами каменную мелочь и толкали ее вниз. Угловатые обломки, величиной с добрый кулак, шумно ударялись о туго натянутые парусиновые крылья палатки и подпрыгивали, точно резиновые мячи, а медвежата дружно свешивали вниз запыленные головы, лохматые мордочки и восхищенно урчали.

Неожиданно на скале появилась чернобурая, слегка поседевшая медведица. Она лениво растянулась на ровной площадке, потом вскочила, подбежала к обрыву (видимо, решила посмотреть, чем так увлеклись ее детки) и, заметив подозрительный белый предмет — палатку, сердито заворчала.

Но медвежата не обратили внимания на ее тревожное ворчание и, деловито посапывая, повизгивая от радости, продолжали скидывать камешки. Тогда сердитая мамаша незаметно подкралась к взрослому медвежонку — пестуну и звонко вlepила ему несколько подзатыльников. Шалуны моментально скрылись в тайге, а медведица, не торопясь, подошла к угловому выступу скалы и, прежде чем мы сообразили, что она хочет сделать, большая рыжая глыба с грохотом покатилась вниз, прямо на палатку. Сухо треснули сломанные колья, с шумом рухнула палатка... Хорошо, что в ней никого не было!

Долго мы находились под впечатлением этого маленького приключения. И потом всегда, прежде чем разбить лагерь, хорошенько проверяли, подходящее ли место. Особенно старался наш коллектор Саша Гвоздев. Он всех убеждал, что медведица дала трепку пестуну за то, что и он и его подопечные малыши кидали на палатку слишком маленькие камешки. Надо было скатывать глыбы.

Кто знает, может, он и прав.

ТОЧКА НА КАРТЕ

М. Мамедов

Мне поручили написать о маяках. Вернее, об одном маяке. О самом интересном...

Инженеры-специалисты по маячному делу посоветовали мне рассказать о Толбухинском маяке, самом современном маяке Балтики.

Я засел за книги в Военно-Морской библиотеке. Взял лощю Балтийского моря, морской путеводитель. Тут все о море и его побережьях: и какая температура воды бывает летом и зимой, и какими курсами водить корабли, и какова соленость воды, и где какие маяки расположены, и как они выглядят...

Нахожу Толбухинский маяк. Читаю «...установлен на каменном острове, лежащем к вост-норд-весту от Котлинской косы, западной оконечности острова Котлин... Белая круглая каменная башня с фонарем на вершине. С восточной стороны башни примыкает маячное здание...»

Встречаю и такую фразу: «...маяк учрежден в 1718 году, перестраивался в 1739 и 1810 годах...»

Вот тебе раз! Выходит, самый современный маяк не молод?! Как бы поподробнее узнать историю маяка? Решаю начать с архива.

Старинные архивные полки. Листаю пожелтевшие страницы. Тут письма, докладные записки, донесения, доклады капитанов кораблей... Все это написано разными почерками. Разборчивыми и непонятными, размашистыми и небрежными, красивыми и витиеватыми. Пишущих машинок тогда ведь еще не было.

Открываю папку с дела-

Рисунки А. Януса

ми Адмиралтейств-Коллегии и вдруг — стоп.

Обычный лист, а на листе чертеж. Лист старый, по краям истертый. Видно, сотни рук к нему прикасались. На чертеже башня какая-то. Чертеж сделан без линейки, прямо от руки, на глазок, вроде бы даже наспех. Вокруг башни — размеры, надписи.

Почерк неразборчивый, сразу не прочтешь. Разбирал долго, не все же прочел:

«Протчее дается на волю архитекту...» Так! Значит, автор чертежа, указав размеры башни, все остальное — ее конструкцию и архитектуру — возложил на строителей. «Протчее дается на волю архитекту...» То есть архитектору.

Что же это за башня такая? Начинаю волноваться. Читаю дальше:

«...Собственной рукой Его Величества...» (Значит, рукой Петра I). И дальше: «...сделать колм (столб) каменный с фонарем на косе Котлинской...» И дата: «Дня 13 ноября 1718 года...»

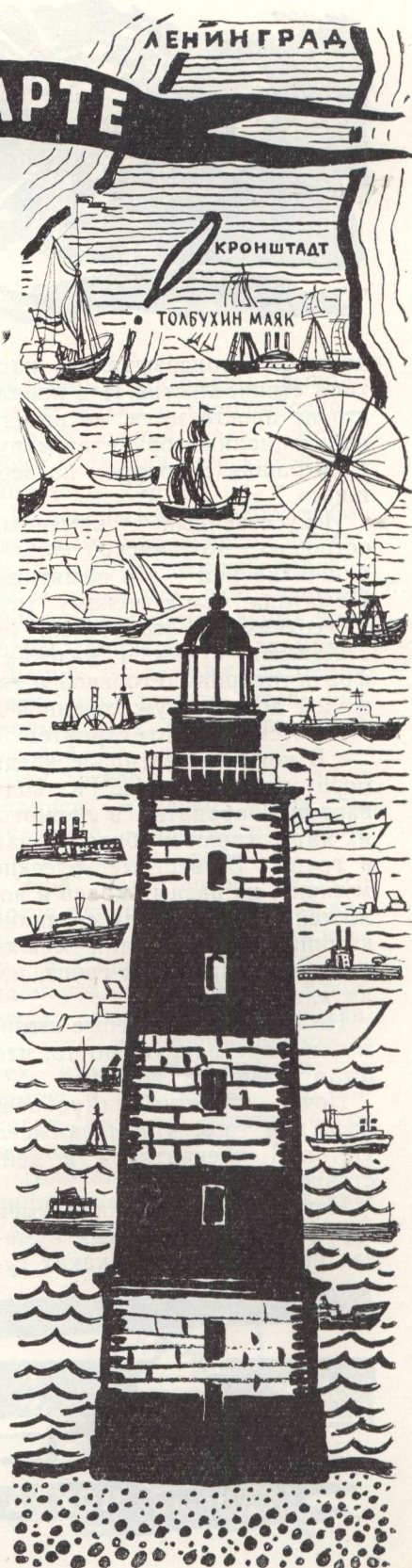
Перевернул лист:

«...Высокородное сиятельство, мой господин, Великий адмирал-генерал! Царское Величество приказал сделать на Котлине-острове феербакан (маяк) по собственноручному чертежу, который при сем прилагается...»

Чертеж башни — собственноручный чертеж Петра I — проект Толбухинского маяка?!

Вначале на Котлинской косе был построен деревянный маяк. Для строительства каменного маяка не хватало каменщиков...

Из старых документов пере-

до мной вырисовывалась картина строительства. И я понял: это не просто маяк, не просто навигационный ориентир, «круглая башня с фонарем на вершине».

Искусственный каменный островок у Котлинской косы и башня на нем — это памятник. Памятник человеческому труду, сотням его строителей.

Каждая сухая и казенная фраза говорила о горькой и тяжелой доле, о мужественной и героической работе строителей.

...В короткие затишья, когда море успокаивалось, в воду входили бородатые в лохмотьях каторжники и вбивали сваи в грунт. Безвестные русские мужики, из разных краев и волостей. Они ворочали «великие камни», перетаскивали мешки с песком, укрепляли грунт, вели кладку башни.

Но налетали свирепые штормы, и море разрушало то, что было возведено людьми.

Почти столетие потребовалось для того, чтобы замысел Петра I превратился в действительность.

История не сохранила имен строителей. В архивных бумагах нет указаний, из каких гу-

берний и уездов пригнали этих людей, за какие преступления их осудили на каторжные работы. Сколько их погибло на этих работах? Где их могилы?

Чертежи рассказали мне о внутреннем устройстве башни. Я как бы увидел эти винтовые лестницы, маленькие, круглые, как на корабле, окошечки-иллюминаторы, множество других подробностей.

Снова и снова изучал я старые документы, рылся в каталогах.

Однажды, перебирая карточки, нашел такую: «Толбухинский маяк», из книги «Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева», издано в Москве в 1860 году...»

«Старый моряк Н. Бестужев...» Уж не декабрист ли Николай Бестужев?

Декабрист Бестужев и Толбухинский маяк!

И вот из рассказов Бестужева я узнаю:

В 1819 году капитан-лейтенант Бестужев был назначен помощником директора Балтийских маяков. Человек энергичный, он любил изобретать, придумывал новые маячные лампы, конструировал маячные фонари. Тогда на маяках горели масляные лампы.

Свой опыт Бестужев проводил на Толбухинском маяке, где собирался заменить обычный белый огонь маяка цветными огнями, хорошо видимыми и различимыми с моря...

Однако опыт с цветными стеклами остался незавершенным — полил дождь, ветер погнал черные тучи над самой водой.

Бестужев уехал в Кронштадт, оставив в книге посетителей маяка несколько строк.

В холодное утро 14 декабря 1825 года капитан-лейтенант Бестужев был в первых рядах восставших на Сенатской площади. Царские пушки ударили картечью. Кровь убитых алыми пятнами расплывалась по снегу. Бестужев сам ждал смерти. ...Ему не верилось, что восстание смято и подавлено.

Потом беспорядочный людской поток увлек Бестужева с площади...

Он ушел в Кронштадт по льду Финского залива. Решил дойти до Котлинской косы и, отдохнув на Толбухинском маяке, пробираться дальше, в Швецию. В кармане лежал подложный документ, по которому Бестужев, под другой фамилией, назначался в штат маячных служащих.

В Кронштадте Бестужев переделался, сбрил бакенбарды, подкрасил лицо и двинулся к Котлинской косе. Он не знал, что вслед за ним курьер уже вез срочное приказание об аресте.

Уставший и голодный, Бестужев добрался до маяка. В доме маячников его встретила девочка. Взрослых не было. Она принесла поесть и внимательно оглядела гостя. Потом вышла. А через несколько минут дверь распахнулась. На пороге стояли жандармы. Прячась за их спины, девочка глухо сказала:

— Вот... Лицо хоть и мужичкое, а на господских руках — перстень.

Бестужева арестовали, заточили в Петропавловскую крепость. Загробную тишину здесь, в тайном Алексеевском равелине, нарушал лишь звон кандалов.

За участие в восстании на Сенатской площади Николай Александрович Бестужев был лишен чинов и дворянства и

сослан навечно в Сибирь на каторжные работы. Умер он в Селенгинске 15 мая 1855 года.

Это был на редкость талантливый человек, изобретал, писал рассказы, собирал сведения по истории флота Российского, был замечательным рисовальщиком. Портреты многих декабристов принадлежат кисти Бестужева.

Рядом со мной просматривал подшивку старых газет седой плотный старик в кителе без погон, с рядами орденских ленточек. Он прочел название моей книги и улыбнулся:

— Толбухинский маяк.

Мы разговорились. И вот что я узнал от него.

...Зима 1918 года выдалась на Балтике суровая. Финский залив сковало льдом. Нагромозило торосов. Погасли маячные огни.

На Толбухинском маяке у железной печки коротали длинные зимние вечера маячные служители, отставные балтийские матросы. Два человека и никого вокруг... Говорили о революции, об очередях за хлебом в холодном Питере. Не вспоминали только об одном — о бочке керосина.

А в этой бочке был «НЗ» — неприкосновенный запас. И предназначался он для самого крайнего, самого важного, непредвиденного случая. Кто знает, когда придет этот случай?

В один из таких вечеров неожиданно появился третий.

Ночной гость оказался высоким молодым матросом. Он вошел в дом и подал старшему маячнику бумагу — приказ включить маяк.

— Кому зимой маяк понадобился? — удивился маячник, разглядывая на свет бумагу.

— Флот идет, — ответил ему матрос, растирая над печкой озябшие руки.

Старик улыбнулся:

— Ты, матросик, что-то путаешь. Лед кругом, а ты — флот идет.

— Немцы и белофинны собираются корабли захватить... Нужно в Кронштадт пробраться кораблям... Через лед... Приказ Ленина.

И всю ночь дежурили люди на башне.

— Пройдут ли? — с тревогой думали они о кораблях.

В середине ночи наконец увидели далекий мерцающий огонек. Потом еще один... и еще... Это ледоколы «Ермак» и «Силач» вели за собой караван.

Медленно двигались корабли через ледяные поля. Днем и ночью откачивали воду, топорами срубали наросты льда с мачт и надстроек.

...Отгремели грозы, минули прозные события, пожелтели листы в архивных делах, а где-то в море, за островом Котлин, по-прежнему стоит башня...

Сегодня на ней установлен самый современный отечественный оптический аппарат. Ночью его свет виден почти на 60 километров.

Это, пожалуй, самый современный маяк нашей страны. На берегу, за несколько миль от Котлинской косы, есть светлая комната. А в ней — пульт управления Толбухинским маяком. Здесь десятки приборов, кнопок, сигнальных лампочек...

За окном уже сумерки, и на пульте вдруг вспыхнула зеленая лампочка. Это значит, — на маяке автоматически сработал световой выключатель и с наступлением темноты сам зажег маячную лампу...

Нужно узнать, какая температура в помещениях маяка и, если потребуется, включить отопление. Для этого тоже достаточно нажать кнопку...

Так же просто можно остановить маячную электростанцию, и тогда на башне маяка вспыхнет газовая горелка — аварийное освещение...

Радиоволны донесут до маяка необходимые команды, а

послушные автоматы выполнят их четко и безошибочно...

Толбухинский маяк... Всего лишь точка на морской навигационной карте...

И петровские галеры, и белоградские, как лебеди, фрегаты, и первые дымные пароходы с высокими самоварными трубами, и стремительные красавцы лайнеры, и атомоход «Ленин»... — все они проходили мимо маяка, для всех них огонь маяка был путеводной звездой.

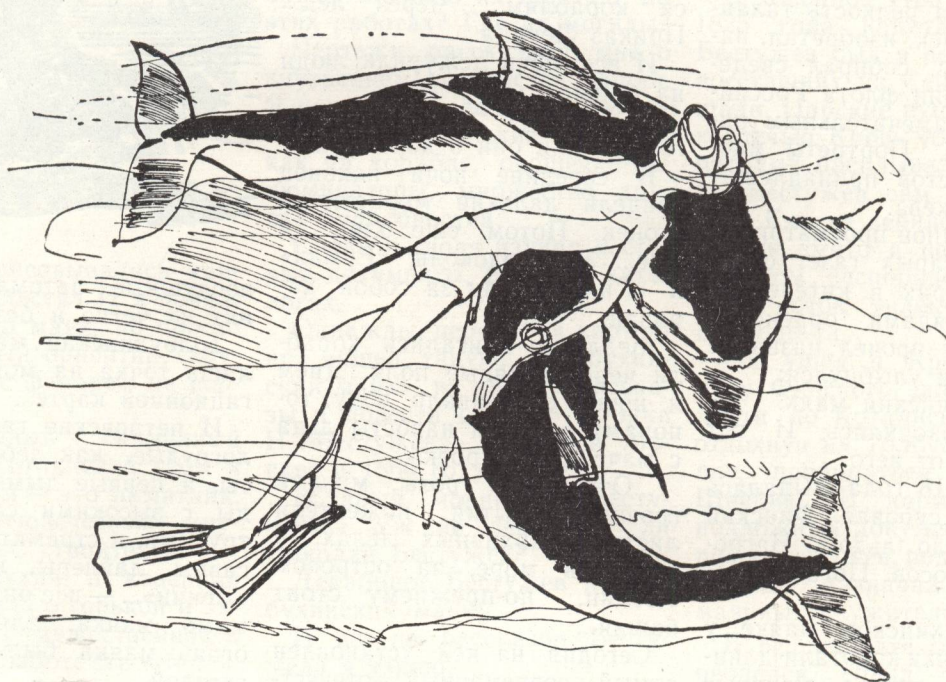
На стене маячного дома надпись: «Только стойкость, мужество, дисциплинированность приносят победу!»

Этой полустертой надписи более двадцати лет. Ее писали защитники острова в дни войны с фашизмом. Они стояли насмерть, защищая Кронштадт, защищая город Ленина.

Слова на стене — память о тех, кто погиб, защищая эту землю и эти камни, кто никогда уже не увидит огня маяков...

Толбухинский маяк. Всего лишь точка на карте. Маленькая точка... Огонек в ночи.

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Артур Кларк

Рисунки А. Сколозубова

Следующим сигналом оказалась команда «НАЛЕВО». Результат был неожиданный. Сузи тотчас повернула налево, а Спутник — направо. Тут профессор Казан принялся бранить себя на четырнадцать языках. Только теперь он сообразил, что команда должна быть однозначной. Ясно — Спутник поплыл направо, потому что это было с левой руки Джонни, а более эгоцентричная Сузи решила, что речь идет о ней самой и ориентировалась на свой левый бок.

Следующее приказание — «ВНИЗ» — не допускало двух толкований. Сильно работая плавниками, дельфины опустились на дно бассейна. Они терпеливо ждали под водой, пока Джонни не подал команду «ВВЕРХ». По-видимому, Сузи и Спутнику очень нравилась эта новая игра. Ведь дельфины — самые шаловливые из всех животных; если их и не обучают играм, они сами придумывают себе забавы.

Профессор просто обезумел от радости, даже у невозмутимого доктора Кейса лицо расплылось в улыбке. А Мик скакал по бортику бассейна, словно какой-нибудь из его предков при исполнении ритуальной пляски. И вдруг все они торжественно замерли: в воздух поднялась карточка со словом «ОПАСНОСТЬ!» «Что сделают теперь Сузи и Спутник?» — подумал Джонни.

Но Сузи и Спутник только посмеялись над ним. Они прекрасно понимали, что это лишь игра и не дали себя провесты. Дельфины знали каждый сантиметр своего бассейна и почуяли бы опасность задолго до того, как человеческий разум смог бы их предупредить.

Тут профессор Казан совершил небольшую тактическую ошибку. Он велел Джонни отменить предыдущий сигнал, передав новый: «ОПАСНОСТИ НЕТ».

Обоих дельфинов охватило буйное возбуждение. Они носились по всему бассейну, выпрыгивали в воздух чуть ли не на два метра и мелькали мимо Джонни с такой скоростью, что он боялся, как бы они его не протаранили. Это продолжалось несколько минут, а потом Сузи высунула голову из воды и, судя по интонации, сказала профессору какую-то дерзость. Дельфины просто потешались над людьми.

Оставалось испытать еще один сигнал. Профессор Казан помахал карточкой: «НА ПОМОЩЬ!» Джонни нажал на клавишу и пошел ко дну, для большего правдоподобия пуская пузыри. Два серых метеора ринулись к нему. Он почувствовал сильный, но ласковый толчок, вынесший его на поверхность. Дельфины поддерживали его так, чтобы голова находилась на поверхности, — ведь подобным образом они помогают своим раненым товарищам. Поверили они, что сигнал «НА ПОМОЩЬ!» был настоящим или не поверили, но рисковать не хотели.

Продолжение. См. «Костер» №№ 6—7, 1966 г.

Профессор жестом поманил Джонни, и тот поплыл к берегу. Но озорство дельфинов словно передалось ему. Он так развеселился, что без всякой надобности нырнул на дно, сделал там сальто и поплыл на спине. Он даже принялся подражать движениям дельфинов — свел вместе ноги в ластах, стараясь плавно, по-дельфиньи двигаться в воде.

Сузи и Спутник неотступно следовали за мальчиком, иногда нежно касаясь его.

Когда он вылез из бассейна, профессор Казан обнял его так, как обнимают давно потерянного и вдруг обретенного сына; даже доктор Кейс, к ужасному смущению Джонни, попытался прижать его к себе костлявыми руками.

Покинув «зону молчания», оба ученых принялись болтать, как школьники.

— Так хорошо, что просто не верится, — сказал доктор Кейс. — Они все время опережали нас.

— Я это отметил, — кивнул профессор. — Не знаю,

сообразают ли они лучше нас, но что быстрее — это точно.

— А можно мне в следующий раз испробовать эту штуку? — жалобно спросил Мик.

— Да, — тотчас же ответил профессор Казан. — Ясно, что с Джонни они готовы общаться сколько угодно, а вот как они поведут себя с другими людьми — следует проверить. Я уже вижу, как отряды специально обученных дельфинов-водолазов ломают границы доступных нам сейчас глубин; мы будем проводить исследования, поднимать затонувшие ценности и делать еще сотни дел...

Весь поглощенный своими замыслами, профессор вдруг круто остановился.

— Двух слов в коммуникаторе не хватает, их надо немедленно вставить.

— Какие же слова? — спросил доктор Кейс.

— «ПОЖАЛУИСТА» и «СПАСИБО», — ответил профессор.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Теперь Джонни и Мик ежедневно плавали в бассейне вместе с дельфинами. Дельфины привыкли к Мику, выполняли его требования, передававшиеся через коммуникатор, но полностью завоевать их расположение он так и не смог. Иногда они даже пытались напугать Мика, кидались на него, оскалив зубастую пасть, но в самый последний момент отворачивали. С Джонни таких шуточек они никогда себе не позволяли.

Несмотря на частые ссоры, ребята стали настоящими друзьями, редко их можно было увидеть врозь. Мик оказался в сущности первым близким другом в жизни Джонни. К Джонни он относился покровительственно. Его доброе сердце островитянина, имевшего четырех братьев, трех сестер и считавшего теток, дядей, кузнов, кузин, племянниц и племянников десятками, остро чувствовало внутреннее одиночество сироты, бежавшего с другого конца света.

С тех пор как Джонни одолел азбуку водолазного искусства, он начал приставать к Мику с просьбами взять его с собой за риф, чтобы испытать силы на глубине. Но Мик не спешил. Нетерпеливый в малом, он умел быть осторожным в большом. Он-то знал, что одно дело нырять в безопасном водоеме или даже в море у самой пристани, и совсем другое — пускаться в подводное плавание в настоящих глубинах. Там случается всякое: сильное течение, внезапный шторм, нападение акул. Даже для опытного водолаза море полно неожиданностей.

И все-таки благоприятный случай представился. Профессор Казан счел, что пришло время предоставить Сузи и Спутнику свободу. Он никогда не держал у себя дельфинов дольше года. По его мнению, это было бы несправедливо. Дельфины — животные общественные и должны жить среди себе подобных. Почти все выпущенные на волю «ученики» профессора держались поблизости от острова, их всегда можно было позвать с помощью подводного громкоговорителя. Профессор не сомневался, что Сузи и Спутник поведут себя так же.

Но Сузи и Спутник вообще отказались покинуть бассейн. Когда перед ними распахнулись ворота, дельфины немного проплыли по каналу к морю, но потом ринулись обратно, словно испугались, что им отрежут путь назад.

— Это потому, — с негодованием сказал Мик, — что они привыкли получать готовое, им просто лень самим ловить рыбу.

Возможно, тут была доля истины, но не вся. Как только по приказу профессора Казана Джонни поплыл по каналу к морю, оба дельфина тотчас последовали за ним.

Каждый день, сразу же после утренних уроков в школе, Мик и Джонни спешили к рифу на встречу с дельфинами. Обычно они брали с собой акваплан Мика, чтобы было куда сложить снаряжение и пойманную рыбу.

Как-то Мик рассказал Джонни ужасную историю: однажды он сидел на этом самом акваплане, а вокруг него рыскала тигровая акула и пыталась оторвать кусок от тридцатифунтовой барракуды, которую он убил копьем и сдуру оставил в воде на привязи.

— Если хочешь долго прожить на Большом барьерном рифе, — сказал он, — вытаскивай рыбу из моря сразу, как проткнешь ее. Австралийские акулы — самые подлые в мире, что ни год, они губят трех — четырех водолазов.

Чудесная перспектива! Джонни невольно подумал, сколько времени понадобится акуле, чтобы прогрызть пять сантиметров пеннистого фиброгласа, из которого сделан акваплан.

Однако под эскортом Сузи и Спутника можно было не бояться акул. Иногда к Сузи и Спутнику присоединялись Эйнар и Пегги, а однажды за ними увязалась целая стая — не меньше полусотни. Это было не так уж приятно — стая закрыла обзор, и Джонни с Миком почти ничего не видели вокруг. Правда, Джонни мог бы нажать на клавишу «УХОДИТЕ», но боялся обидеть друзей.

Он уже достаточно поплавал на мелководье большой коралловой банки вокруг острова. И все-таки погружаться в открытом море у внешнего ската рифа было всякий раз страшновато. Иногда вода бывала такой прозрачной, что Джонни чудилось, будто он парит в воздухе, казалось, острозубые коралловые глыбы совсем рядом, хотя на самом деле до них оставалось метров десять.

В некоторых местах Большой риф, окаймлявший остров, уходил в глубину почти отвесной стеной. Необыкновенно хорошо было скользить вдоль этого обрыва, спугивая ярких рыб, обитающих в трещинах и углублениях.

В больших пещерах обычно жила американская треска или морской окунь. Попадались экземпляры гораздо крупнее Джонни, но они сами испуганно шаркались в сторону при его приближении.

С морскими окунями, муренами, рыбами-скорпионами и другими постоянными обитателями здешнего подводного мира Джонни свел короткое знакомство. Однако случилось, что в этот мир заплывали с больших глубин неожиданные гости. Но тем-то и привлекателен был риф, что никогда не угадаешь заранее, с кем доведется встретиться.

Чаще всего сюда заплывали, разумеется, акулы. Джонни навсегда запомнил свою первую встречу с одной из них.

Однажды он и Мик ускользнули от своего эскорта, выплыв в море на час раньше обычного. Акула появилась внезапно—торпеда идеально обтекаемой формы. Она приближалась медленно, но шевеля ни единым плавником, такая красивая и изящная, что мысль об опасности просто не могла прийти в голову. Только когда акула оказалась метрах в шести, Джонни заволновался и поискал глазами Мика. Он увидел друга неподалеку, прямо перед собой, и облегченно вздохнул: Мик спокойно следил за акулой, держа ружье наготове.

Как и большинство ее сородичей, акула была просто любопытна. Она разглядывала Джонни холодным, неподвижным взором, таким непохожим на умный дружелюбный взгляд дельфинов.

С акулой ничего не поделаешь,—аквангисту остается только проявить выдержку, следить за ней, ничего не предпринимая и надеясь, что она поведет себя так же. Главное—не теряться. Обычно хищница уходит сама. А тот, кто пытается спастись от акулы бегством—просто глупец, ведь она свободно делает пятьдесят миль в час.

Страшней любой акулы были барракуды. Впервые увидев, как вокруг него замелькали, словно серебряные пики, враждебные существа с хищно выставленными вперед челюстями, Джонни от души обрадовался, что сверху на волнах покачивается его акваплан. Барракуды были не очень велики—не выше метра длиной, но в стае насчитывались сотнями; они образовали в воде живой замкнутый круг, в центре которого оказался Джонни. Чтобы лучше рассмотреть его, барракуды описывали сужающиеся спирали и подступали все ближе и ближе. И вот уже Джонни ничего не видел, кроме их блистающих тел. Он размахивал руками и кричал, но на барракуд это не производило никакого впечатления. Они неторопливо осмотрели его, а потом внезапно повернулись и исчезли в голубой дали.

— Они тебя не тронут,—успокоил Мик,—«куды»—труссы. Подстрелишь одну—все остальные бросаются наутек.

В следующую встречу Джонни чувствовал себя спокойнее. Все же он не испытывал особого удовольствия, когда серебрястые охотники окружили его, подобно флоту космических кораблей из чужих миров.

Исследовать риф оказалось не так-то просто—он был слишком велик. Джонни часто хотелось попасть в необследованные места, но он не отваживался—на обратный путь наверняка не хватит сил.

Решение озарило его однажды, когда они с Миком, усталые, возвращались домой, толкая перед собой акваплан, нагруженный рыбой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Никогда ни одного гостя так еще не встречали на острове. Все, кто не ушел в море, толпились вокруг бассейна, когда с юга показался грузовой вертолет с Научно-исследовательской тасманийской станции по изучению китов.

Мик отнесся к его идее скептически.

— Нешуточное дело—смастерить упряжь для дельфинов,—сказал он.—Они такие скользкие, что никакая сбруя не удержится.

— Я хочу придумать что-нибудь вроде эластичной шлеи перед самыми плавниками. Если ее сделать широкой и плотно прилегающей, она не будет соскальзывать. Но пока не говори никому, а то засмеют.

Это было благое, но невыполнимое намерение. Всем хотелось узнать, зачем понадобилась губчатая резина, эластичная ткань, нейлоновые веревки и куски пластика причудливой формы. Мальчики вынуждены были во всем признаться. Провести первые опыты тоже оказалось невозможным. Прилаживать упряжь на Сузи пришлось при таком стечении публики, что Джонни от смущения готов был сквозь землю провалиться.

Сузи полностью доверилась Джонни и не выказывала никакого недовольства, словно решил раз навсегда, что он не причинит ей никакого вреда. Для нее это была удивительная новая игра, правилам которой она охотно подчинилась.

Упряжь охватывала переднюю часть веретенообразного тела дельфина. Джонни надеялся, что плавники не дадут ей соскользнуть назад; дышало, расположенное в верхней части головы, оставалось свободным.

Джонни привязал к упряжи нейлоновые поводья и сильно дернул. Сбруя держалась, как будто, прочно. Тогда он прикрепил два конца к акваплану Мика и взобрался на доску.

Едва Сузи потянула акваплан от берега, из толпы посыпались насмешливые напутствия. Дельфину не понадобилось никаких приказаний. Сузи, как всегда, прекрасно поняла замысел Джонни.

Джонни подождал, когда берег удалится на несколько сот метров, и нажал клавишу коммуникатора словом «НАЛЕВО». Сузи повиновалась немедленно. Он попробовал сигнал «НАПРАВО», и она снова послушалась. Акваплан двигался уже гораздо быстрее, чем мог бы плыть Джонни, а Сузи не делала никаких видимых усилий.

Они направились прямо в море. «Ну, я им докажу!»—пробормотал Джонни и тут же просигналил: «БЫСТРО». Акваплан слегка подскочил и понесся по волнам: Сузи дала полный ход. Джонни чуть подвинулся назад, к краю акваплана, и теперь тут скользил по поверхности, не зарываясь носом в воду. Джонни был взволнован и горд. Интересно, с какой скоростью они идут? Вообще-то говоря, Сузи способна давать, по крайней мере, тридцать миль в час.

Но тут акваплан из-под Джонни рванул в одну сторону, а сам он полетел в другую. Отфыркиваясь, он вынырнул на поверхность. Никакой аварии не произошло: просто Сузи выскочила из своей упряжи, как пробка из бутылки.

Что ж, технические трудности неизбежны в начале любых испытаний. Хотя до берега плыть было не близко и там все еще стояла толпа, которой только и нужно позубоскалить, Джонни не был обескуражен. Все-таки он победил.

Вертолет повис над бассейном, и струи воздуха от его роторов вычерчивали на поверхности воды фантастические, беспрепятственно менявшиеся рисунки. Затем в брюхе вертолета раскрылся люк и оттуда медленно стала опускаться большая петля с грузом. Едва она

коснулась воды, в воздух поднялся фонтан брызг и пены. Над водой повисла пустая петля, а в бассейне кружило самое большое и свирепое из всех существ, когда-либо бывавших на Острове Дельфинов.

Но Джонни, увидев косатку впервые, был разочарован. Она оказалась меньше, чем он ожидал, хотя и крупнее любого дельфина.

— Так это же самка, — объяснил Мик. — Они вдвое меньше самцов. Поэтому их гораздо легче содержать в неволе. Этой, пожалуй, достаточно центнера рыбы в день.

Несмотря на понятное предубеждение, Джонни пришлось признать, что косатка красива. Белое брюхо, черная спина, большие белые пятна у глаз, — просто неотразима. Из-за пятен она тут же получила прозвище — Снежинка.

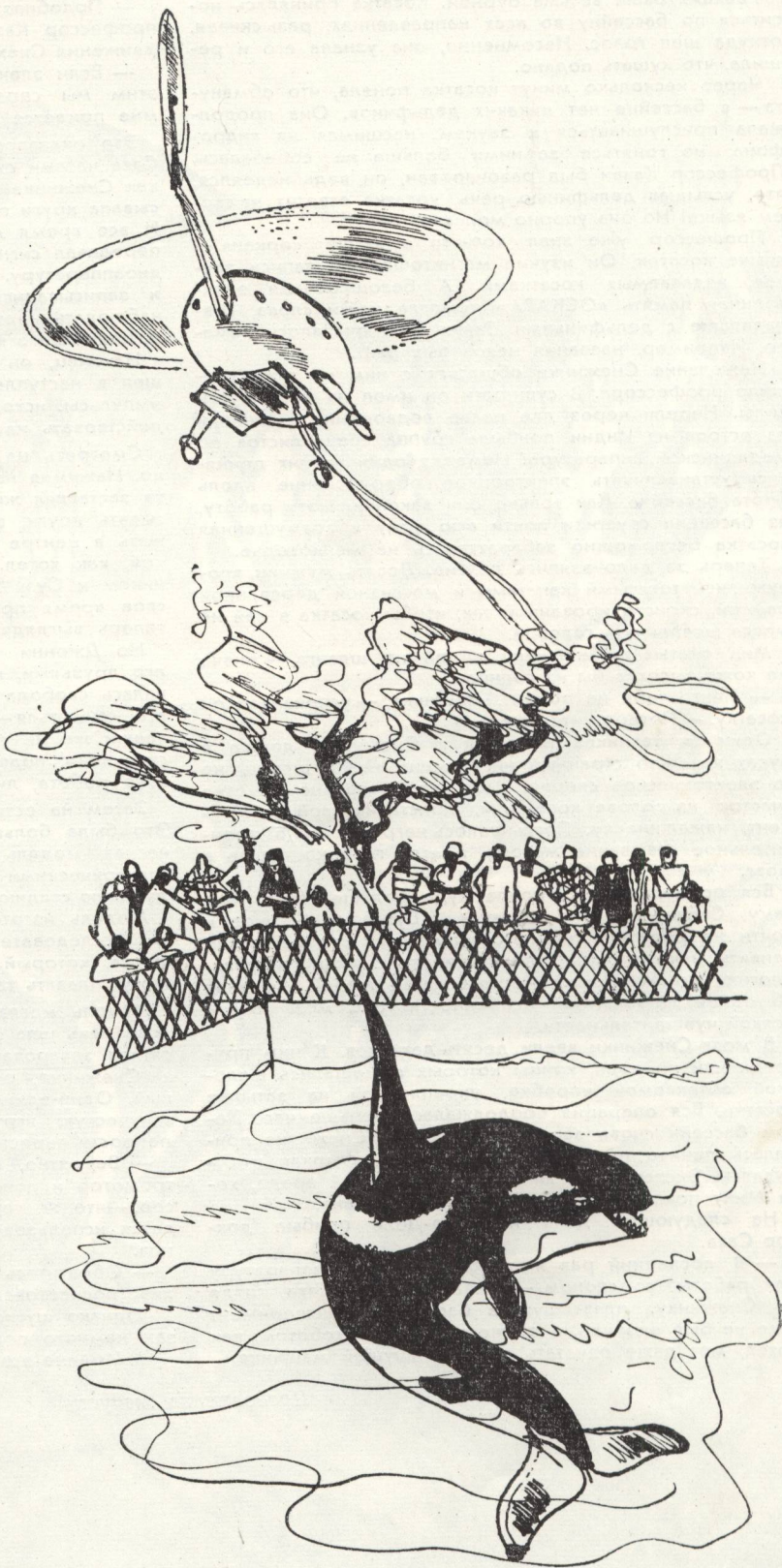
Окончив осмотр бассейна, косатка принялась разглядывать окружающий мир. Она высунула из воды массивную голову, обвела толпу пронизательным взглядом и лениво разинула пасть.

При виде страшных, похожих на заостренные колья, зубов среди зрителей пронесся почтительный шепот. Снежинка оценила произведенный эффект — она зевнула снова, еще шире. У дельфинов зубы маленькие, похожие на булавки, ими удобно хватать рыбу, чтобы проглотить ее целиком. Но эти зубы... Они могли перекусить пополам тюленя или дельфина, а то и человека.

Итак, на острове появилась косатка! Конечно, всем не терпелось увидеть, что же будет делать с ней профессор. Первые три дня ее оставили в покое. Пусть привыкнет к новой обстановке и оправится от перевозки. Однако косатка очень быстро успокоилась и с одинаковой жадностью пожирала всю рыбу, которую ей давали — и живую, и снулую.

Обязанность кормить косатку возложили на семью Мика. Обычно это делал отец Мика, Джо Науру или его дядя Стефен, шкипер «Летающей рыбы». Взялись-то они за этот труд, чтобы немножко подзаработать, однако вскоре прониклись симпатией к своей подопечной. Косатка оказалась не только умной, но и добродушной, что уж совсем не вязалось с репутацией убийцы. Особенно симпатизировал ей Мик, а она всякий раз встречала его с явным удовольствием и выказывала раздражение, если Мик уходил, ничем не угостив ее.

Убедившись, что Снежинка успокоилась и обрела вкус к жизни, профессор приступил к первым опытам. Через подводный гидрофон он передал несколько фраз с записью речи дельфинов.

Реакция была весьма бурной. Косатка принялась нырять по бассейну во всех направлениях, разыскивая, откуда шел голос. Несомненно, она узнала его и решила, что кушать подано.

Через несколько минут косатка поняла, что обманута — в бассейне нет никаких дельфинов. Она продолжала прислушиваться к звукам, несшимся из гидрофона, но гоняться за ними больше не собиралась. Профессор Казан был разочарован, он ведь надеялся, что, услышав дельфинью речь, косатка ответит на своем языке! Но она упорно молчала.

Профессор уже знал кое-что о языке «оркан» — языке косаток. Он изучил магнитофонные записи звуков, издаваемых косатками. А безошибочная электронная память «ОСКАРА» помогла найти слова, совпадавшие с дельфиньими. Таких слов оказалось немало. Например, названия некоторых рыб.

Нежелание Снежинки общаться с ним не обескуражило профессора. В сущности он имел на нее другие виды. Недели через две после водворения Снежинки на остров из Индии прибыла группа специалистов по медицинской аппаратуре. Немедля одни из них принялись устанавливать электронное оборудование вдоль борта бассейна. Как только они закончили эту работу, из бассейна спустили почти всю воду и возмущенная косатка беспомощно забарахталась на мелководье.

Теперь за дело взялись другие. Десять мужчин вооружились толстыми канатами и массивной деревянной рамкой, сконструированной так, чтобы косатка в ней не могла шевельнуть голову.

Мик окатывал Снежинку водой из шланга, — иначе ее кожа высохла бы на солнце.

— Никто тебя не обидит, старушка, — успокаивал он косатку. — Потерпи немножко.

Один из техников подошел к Снежинке, держа в руках какой-то странный инструмент, не то шприц, не то электрическое сверло. Этот тип тщательно наметил участок на голове косатки и, приставив свой инструмент, нажал кнопку. Послышалось негромкое, но пронзительное завывание мотора, и игла глубоко вошла в мозг.

Вся процедура расстроила куда больше Мика, чем саму Снежинку. Она ощутила... булавочный укол и почти не обратила на него внимания. Это не могло удивить никого, хоть сколько-нибудь знающего физиологию, но Мик, как и большинство людей, не знал об одной любопытной особенности: сам мозг лишен всякой чувствительности.

В мозг Снежинки ввели десять датчиков. К ним присоединили провода, концы которых помещались в плотной обтекаемой коробке, укрепленной на затылке косатки. Вся операция продолжалась меньше часа. Потом бассейн снова заполнили водой и Снежинка принялась лениво плавать взад и вперед, фыркая и отдуваясь. Эксперимент явно не причинил ей вреда, хотя Мику показалось, что Снежинка обижена.

На следующий день из Нью-Дели прибыл доктор Саха.

— В последний раз я использовал эту аппаратуру для работы со слоном, — сказал доктор Саха, глядя на Снежинку, плававшую в бассейне. — Эксперимент еще не был окончен, а я уже вертел его хоботом, как хотел, мог даже печатать им на пишущей машинке.

— Подобная виртуозность нам не нужна, — заметил профессор Казан. — Я должен уметь контролировать движения Снежинки и научить ее не жрать дельфинов.

— Если электроды вживили туда, куда следовало, с этим мы справимся. Не сразу, разумеется, сначала мне придется составить карту мозга.

Это оказалось весьма деликатным делом. Доктор Саха часами сидел за своей приборной доской, следя, как Снежинка ныряла, грелась на солнце, лениво описывала круги в бассейне или принимала рыбу от Мика. И все время мозг ее, как спутник со своей орбиты, передавал сигналы через присоединенную к нему радиоаппаратуру. Импульсы регистрировались датчиками и записывались на ленту, так что доктор Саха мог наблюдать картину электрического возбуждения, соответствующего каждому действию.

Наконец, он счел подготовку достаточной и перешел в наступление. Вместо того чтобы фиксировать импульсы, исходящие из мозга Снежинки, он стал воздействовать на него электрическими токами.

Смотреть на результаты было увлекательно и жутко. Нажимая на кнопку или вертя тумблер, доктор Саха заставлял животное плыть направо или налево, описывать круги, выделять восьмерки, неподвижно лежать в центре бассейна, словом, командовал Снежинкой, как хотел. Опыты Джонни по управлению Спутником и Сузи с помощью коммуникатора, которые в свое время производили столь большое впечатление, теперь выглядели просто детской игрой.

Но Джонни не расстроился. Сузи и Спутник были его друзьями, и он радовался, что у них всегда оставалась свобода выбора. Если они подчас и не желали его слушаться — что ж, это было их право. Для Снежинки же не существовало двух решений: электрические токи, подведенные к мозгу, превратили ее в живую робота, лишённого собственной воли.

Затем на остров доставили удивительнейшую штуку. Это была большая, в натуральную величину, механическая модель дельфина, приводимая в движение электрическими моторами. Эксперимент вступил в следующую стадию.

Модель изготовил лет двадцать назад один ученый из Исследовательской лаборатории военно-морского флота, который пытался выяснить, почему дельфины могут плавать так быстро.

Модель могла бы обмануть кого угодно. Разумеется, если речь шла о человеке. Когда же при стечении десятков зачарованных зрителей ее запустили в бассейн к Снежинке, результат получился самый неожиданный. Один-единственный раз косатка бросила на механическую игрушку презрительный взгляд и потом попросту перестала ее замечать.

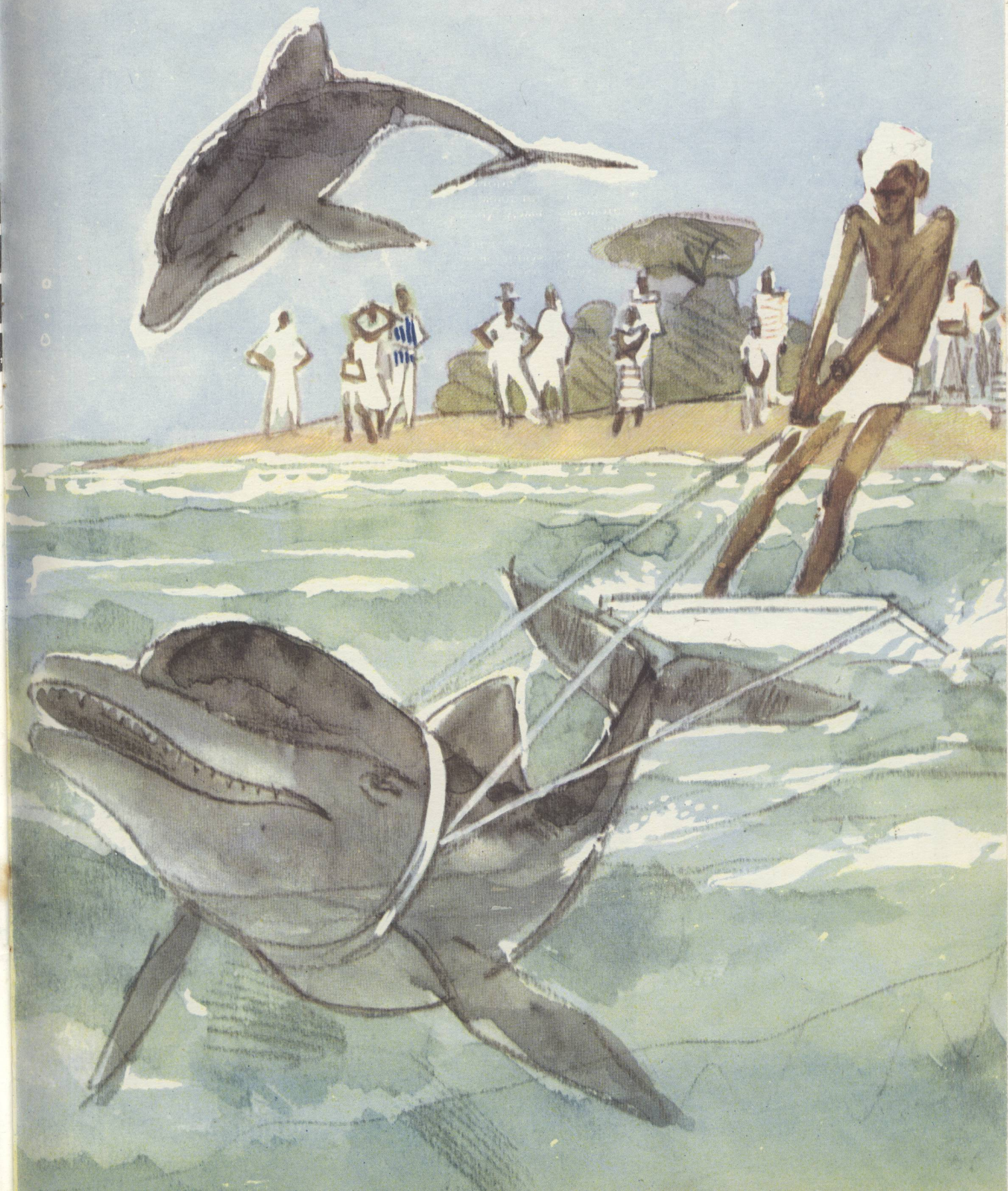
— Вероятно, косатка услышала, как работает электромотор и поняла, что ее дурачат, — сказал профессор, — что ж, теперь у нас нет другого выбора. Придется использовать как приманку настоящих дельфинов.

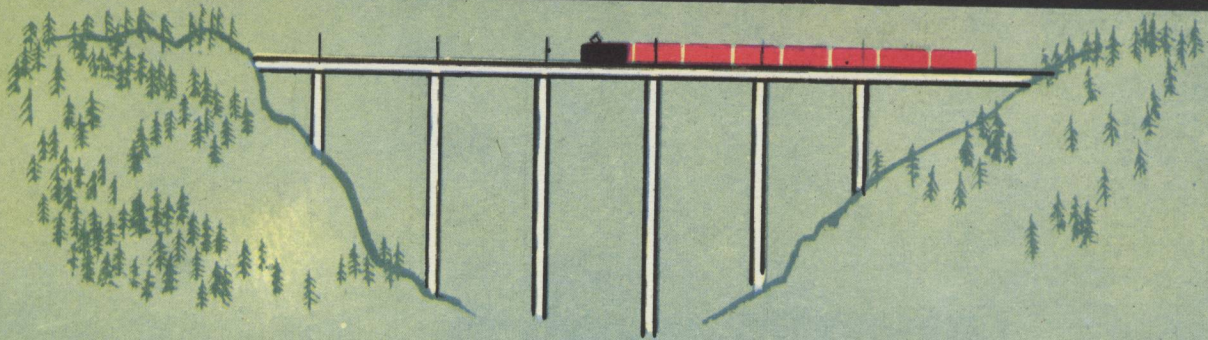
— Обратитесь с призывом к добровольцам, — шутиво посоветовал доктор Саха.

Однако шутка не была подхвачена. Профессор Казан немного подумал, потом кивнул в знак согласия.

— Именно это я и сделаю, — серьезно сказал он.

Продолжение следует

Мост по заказу

Такой мост-виадук насыпали строители трассы Абакан-Тайшет, чтобы через Саяны могли пойти элект-

ропоезда. Бежит электропоезд на высоте 60 метров, и из окна вагона кажется игрушечным поселок строителей, а огромные самосвалы — муравьями.

Белка песенки поет...

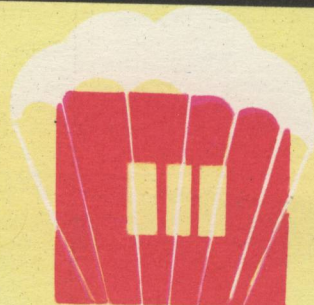
*Белка песенки поет
Да орешки все грызет...*

А как она их, собственно, грызет? У белки и других грызунов зубы двухслойные. В то время, как у задней стенки стирается эмаль и стенка затупляется, передняя стенка автоматически «затачивается». Вот почему белка постоянно грызет орехи, а зубы ее не портятся. Это послужило подсказкой инженерам: по принципу белчиных зубов создан самозатачивающийся режущий инструмент.

„Воздушный шарик“

Может, вы скажете, что не бывает крыши, которая опирается не на колонны, столбы, стены, а просто на воздух? Парит, как воздушный шарик?

В этом году в Ганновере собираются построить здание с «парящей» крышей и стенами из синтетической пленки, толщиной в миллиметр. Крыша будет опираться... на ветер, создаваемый внутри здания компрессорами. Правда, люди могут спокойно ходить по такому зданию: давление внутри него не намного превысит нормальное. Здание будет очень похоже на обыкновенный воздушный шарик.

Точный радиус земли

С помощью искусственных спутников Земли измерен радиус нашей планеты — 6378 километров 169 метров.

46500 наблюдений, полученных при запуске тринадцати спутников, дали ученым возможность вывести эту цифру. Возможная ошибка в большую или меньшую сторону не превышает 8 метров.

Самолеты вместо холодильников

Пилот гидросамолета берет курс в открытое море. Несколько часов полета, и машина плюхается у борта траулера. В фюзеляже открывается люк, с корабля в него просовывают шланг. Заработали насосы, в самолет полился серебряный поток свежей рыбы. Погрузка закончена, самолет взлетает. Стрелка высотомера ползет вверх: 2000, 3000, 4000 метров. Столбик в термометре остановился у цифры 40 градусов. Зима! В фюзеляж самолета проникает холод сквозя жалузи, замораживает рыбу.

А как было раньше?

Долгий путь проходила рыба прежде. Траулер доставлял ее в холодильник порта, потом ее везли по железной дороге, потом — уже из городского холодильника — в магазин.

Птичьи часы

Малиновки настолько хорошо знают карту звездного неба, что могут ориентироваться, даже когда сквозь облака видны лишь отдельные звезды. А ведь не всякий человек сумеет определить направление по звездам, если не будет знать, где Полярная звезда.

Был такой случай. Малиновка, по имени Джонни, путешествовала в планетарии. Было это в немецком городе Бремене. Над ней зажгли, как обычно, небо Бремена, но расположение звезд на небе соответствовало не девяти часам вечера, когда малиновки отправляются в путь, а двум часам ночи. Видели бы вы, какое смятение вызвало это у Джонни. Ведь по звездам выходило, что он уже не в Европе, а где-то над Восточным Туркестаном. И юго-восточное направление теперь не годилось. Оно привело бы Джонни вместо долины Нила на пустынное и голое Тибетское плоскогорье. А что там, спрашивается, делать? Бедный Джонни в волнении подпрыгивал на месте: как получилось, что он залетел не туда, куда следует!

Выходит, у птиц есть свое «астрономическое» чутье, «внутренние часы», с которыми они сверяют карту звездного неба!

Зеленый рубин

Природный — красный — рубин состоит из бесцветной окиси алюминия, в которой часть атомов алюминия замещена атомами хрома. Они-то и придают окраску рубину.

Проникнув в тайны состава рубина, химики научились добывать самоцвет искусственным путем. Искусственные рубины успешно работают в часах и точных приборах. Они тоже сохраняют оттенки красного цвета. Но химики научились создавать и зеленые рубины, добавляя к окиси алюминия немного больше, чем при

полагается, атомов хрома. А совсем недавно природные рубины научились превращать в рубины зеленого цвета: нагреванием высокого цвета: нагреванием при высокой температуре.

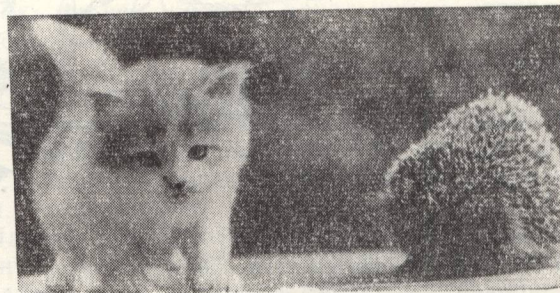

Медуза — друг

В Баренцовом море есть большие, с метровым диаметром зонта, медузы. Щупальца их уходят на глубину 15—20 метров. Под таким зонтом прячутся мальки пикши, промысловой рыбы из семейства тресковых. Когда все спокойно, мальки плавают вокруг медузы, хватают корм. В случае опасности несутся под защиту зонта. Однако медуза не такая заботливая нянька, как может показаться. Если неловкий малек наткнется на щупальце, пощады ему не будет. «Нянька» тут же отправит его в рот.

... и враг

В тропических морях живут гигантские медузы. Они похожи на цветок. Тело медузы — сердцевина «цветка» розово-красно-синяя, а «лепестки» — щупальца — ремневидные, бесцветные, студенистые. Всякий, кто прикоснется к такой медузе, получает сильный ожог.

Первое знакомство

Магнитофон обманул жучков

Древесные жучки долгое время жили в старинном здании и медленно разрушали его деревянные части.

Как спасти дом от неумолимых разрушителей? Как выгнать их из глубоких ходов, которые они прогрызли в балках?

Люди пошли на хитрость, подслушав, на каком «языке» говорят эти жучки. Записали сигналы жучков на магнитофон. Поставили магнитофон в здании, включили и... зловредные насекомые, заслышав сигнал, сбора, побежали и были пойманы.

Пятеро входят в лес

Из книги «Теплый ключ»

Эмиль Офин

Рисунки Ю. Шабанова

У километрового столба с цифрой «3» Саша Колючкин свернул с дороги на боковую тропку. Блеск и тепло раннего летнего утра сразу сменились прохладой зеленого сумрака, пронизанного косыми лучами солнца. Кочковатая тропинка петляла между стволами кряжистых сосен, густо раскинувших свои узорчатые ветви, висель среди молодых дубков и тонких берез. Прошлогодня палая листва

и желтые иглы зашуршали под ногами разведчиков.

— Здесь кто-то проходил. Видите, следы сапог, — сказал Юра. — Совсем свежие.

— Ой, гриб! — закричала Лиза Бабкина. — Настоящий подберезовик. Да какой огромный!

— А вот еще, и еще... Ох, сколько здесь грибов!

Галя и Лиза принялись собирать грибы.

— Идите сюда! — позвал толстяк Митя Смирнов. — Тут черника. Скорее!

Он забрался на поросшую молодым ельничком горушку и торопливо, обеими руками, обрывал спелые ягоды, тут же отправляя их в рот. Митя прыгал на четвереньках, как выпущенный на волю поросенок; даже похрюкивал от удовольствия. Подбородок и губы у него сделались фиолетовыми.

Юра внимательно смотрел по сторонам: ему очень хотелось найти какой-нибудь цветок, чтобы подарить его Гале. Вон там торчат широколистые кустики ландыша, но цветов на них уже нет. А это что сверкнуло в траве красненькое? Юра нагнулся, отвел в сторону шероховатые листья. Под ними висели на стебельке две рубиновые землянички.

— Галка, смотри! Бери.

Галя сразу же съела одну земляничку, а другую отдала Лизе.

— Если здесь, почти у самой дороги, столько грибов и ягод, сколько же их должно расти в глуши?

— А вот пойдем и увидим, — сказал Саша. — Не забывайте главной цели нашей разведки: найти подходящее место для привала большого похода.

Такое место вскоре нашлось.

Метрах в ста от дороги чаща расступилась, открывая взгляду небольшое озерцо — тихое и прозрачное; в нем по краям отражались неподвижные деревья, а в середине, будто в опрокинутом небе, плавали облака. У самой воды желтела полоска песчаного берега, чуть подалее раскинулась поляна, окруженная молодыми березками и кустами ольшаника; в кустах, сбегая к озеру, журчал ручей. Лучшего места для привала в походе и не придумаешь!

Митя Смирнов скинул тапки, подбежал к озеру, подрыгал ногой в воде.

— Теплая!

Он прижмурился на яркое солнце, вытер разгоряченное лицо, размазывая ладонью черничные пятна, и принялся стаскивать с себя майку.

— Правильно, ребята! Давайте поплаваем! — воскликнули Галя и Лиза.

— Отставить! — сказал Саша.

— Вот еще...

— Такая жара! Почему отставить?

— Нельзя, — сказал Саша. — А вдруг тут омут или водоворот? Сведет судорогой ногу, остановится сердце.

— Ну-у-у...

— Да что с тобой сделалось, Саша? Ты

вроде докторши Аллы Игнатьевны — судорога, сердце...

— При чем здесь Алла Игнатьевна? — обиделся Саша. — Думаете, мне самому искупаться неохота? А что сказала Валентина Петровна?

Что сказала начальница лагеря, все отлично помнили. Она назначила Сашу Колечкина старшим в разведывательной группе. «Слушайте его беспрекословно. Он отвечает за всех».

И вот сейчас Саша подумал: «И вовсе нет ничего смешного, что Алла Игнатьевна всегда беспокоится. Будешь беспокоиться, если отвечаешь за всех».

— Но нужно же, в конце концов, узнать, можно ли здесь купаться? Ведь мы разведчики, — рассудительно заметила Галя. — Кто же, кроме нас, это сделает? А как ты думаешь, Юра?

— Тс-с-с-с... Ребята, смотрите.

Неподалеку на кусте ракитника висело полотно, а под этим кустом в траве лежал человек.

— Он спит... — шепнул Митя.

— Поспишь тут, когда вы подняли такой шум, — сказал человек. — А еще разведчики. Пока вы спорили, вас всех можно было забрать в плен.

Разведчики смутились. Что тут скажешь? Не растерялся только Саша Колечкин; как никак, он все же был начальником отряда. Он спросил басом:

— Что же, вы один забрали бы нас пятерых в плен? Да?

— Конечно, — сказал незнакомец. — Ведь я вас видел, а вы меня — нет. Тот, кого не видят, всегда находится в выигрышном положении. Разве не так?

Парень в трусах и майке встал на ноги, зевнул, потянулся: загорелый парень лет двадцати пяти. Волосы — белокурые, вьющиеся, а глаза насмешливые.

— Ладно, не обижайся, — сказал он Саше. — Как начальник разведгруппы ты действовал в общем правильно: тут только возле берега мелко, а дальше — сразу глубина. Кто из вас умеет плавать?

— Я!

— И я умею.

— И я...

— Да мы все умеем!

— Ну, тогда все и пошли в воду. Если ты, конечно, не возражаешь, Саша?

Нет, Саша не возражал: этот парень, безусловно, спортсмен, такой уверенный, сильный. С таким и начальница лагеря разрешила бы купаться.

Пионеры мигом разделись. Юра протрубил в свой горн веселый сигнал и все запрыгали, заплескались в прозрачной озерной воде. Пустились плавать наперегонки — кто кролем, кто брассом, кто на спине. Каждому вдруг захотелось показать, как он умеет плавать.

Хуже всех плавал толстяк Митя — только пособачьи. Он сразу же отстал. Но неожиданно ему на выручку подоспел новый знакомый.

— Держись за меня, не робей!

Чего уж тут робеть, когда рядом с тобой такая широкая и надежная спина? Прямо кит!

Ребята совсем незаметно для себя подружались с этим человеком. Тут же в воде и познакомились с ним. Его звали Родионом. Вернее, Родионом Григорьевичем, но отчество к нему как-то не шло: уж очень он был простой и веселый, а плавал — ну, просто человек-амфибия! Уйдет под воду надолго и выныривает вовсе не там, где ожидаешь. Никак его не поймать!

Лиза Бабкина шепнула Саше:

— Он, наверное, тренер по плаванию.

— Вполне возможно, — ответил Саша.

Когда вылезли из воды и пообсушились на солнце, выяснилось, что все хотят есть. Вмиг достали из мешка сухой паек: три бутылки кефира, хлеб, сыр, котлеты и пирожки. Все это разложили на траве, на куске чистой марли, которую выдала для похода Алла Игнатьевна.

Над лесом стояла тишина, в небе медленно курчавились и таяли дымные следы самолета, похожие на облака. Хорошо было на этой поляне, никуда не хотелось уходить.

— Эх, мяч не догадались взять.

— А давайте поиграем в «отчего-почему-как»!

— Это викторина, что ли? — спросил Родион.

— О, мы вас научим! Нужно задавать вопросы. Только о том, что видишь вокруг. Например: какие это облака? Или: какое это дерево?

— Дерево?.. — Родион огляделся. — Ну, хорошо. Задаю вопрос: под каким деревом прячется пограничник во время дождя?

Все сразу примолкли, задумались.

— Под елкой, наверное, — неуверенно сказал Саша. — Она самая густая.

— Береза гуще, — сказала Галя.

— Под кленом, — сказала Лиза.

Юра ничего не сказал. А Митя сказал:

— Н-не знаю.

— Не знаете, — подтвердил Родион. — Пограничник во время дождя прячется под мокрым деревом. Разве не так?

Все расхохотались.

— Ну-у, это нечестно, — сказал Саша. — Надо по-серьезному спрашивать.

— Хорошо. Еще вопрос: какие камни лежат в этом озере?

— Мокрые, мокрые! — хором закричали пионеры. — Больше не обманете!

— Опять не знаете. В этом озере нет камней. Дно у него песчаное, вон такое, как те дюны. — И Родион кивнул на дальние золотистые холмы.

А Саша Колечкин сидел и думал, какой бы такой вопрос задать этому насмешливому Родиону, чтобы он не смог ответить? Саша внимательно оглядел небо, озеро, березки, окружавшие поляну... Ага, нашел!

— Вот! Вот эти березки, ведь они все одинаковые, все зеленые, правда?..

— Нет, не все, — перебил Юра. — Вон у той кора какая-то бесцветная и ветки наполовину засохли. А вон и еще одна такая же.

— Правильно, — сказал довольный Саша. — Вот и вопрос: почему это?

— Может, корни попорчены? — Галя вскочила, подбежала к дереву.

— Отставить! — крикнул Саша. — Не тебе вопрос задан. — Он посмотрел на Родиона.

Тот поднялся с места, подошел к березке, осмотрел ее. Но не корни, а ствол осмотрел и постучал по нему пальцем.

— Вот она, причина.

Пионеры столпились вокруг. На гладкой коре виднелось несколько глубоких круглых дырочек.

— Правильно, — сказал Саша. — Жучок-древоед.

— Нет, брат, не жучок, — сказал Родион.

Пока заинтересованные ребята разглядывали отверстия, он достал из своего рюкзака нож, сильной рукой сделал продольный надрез в нежной древесине и выковырять оттуда металлический шарик, величиной с горошину.

— Дробина! — воскликнул Митя. — Как же она туда попала?

— Охотники, — коротко ответил Родион.

— Теперь деревцо погибнет. Как жаль... — Лиза вздохнула.

— Его еще можно спасти, — сказал Родион. — Вылечить. Бери, Саша, мой нож и делай надрезы, а вы, ребята, выковыривайте дробинки. Только поаккуратней, не портите зря кору и не поцарапайте руки.

Мальчишки сразу же взялись за работу.

Вот настоящее дело! Вылечить дерево — это же здорово! Можно будет рассказать в лагере на вечернем костре и в доказательство предъявить дробины.

— И заметку об этом написать можно будет, — обрадовался Саша-редактор.

Он руководил работой, важно приговаривая:

— Аккуратнее, аккуратнее. Сказано вам, беречь кору.

— А для вас, девчата, будет особое поручение, — сказал Родион. — Вон там, видите, растут елки. На них должна быть смола, такая желтая, прозрачная. Наберите-ка ее побольше.

Вскоре все дробины были извлечены из обих березок, а дырки в стволах плотно залеплены еловой смолой и сверху туго забинтованы марлей.

— Эту марлю надо будет через недельку-другую снять, чтобы повязка не мешала деревьям расти в ширину, — сказал Родион.

И откуда только он так хорошо все это знает? Лиза Бабакина шепнула Саше:

— Наверное, он ботаник.

— Вполне возможно, — ответил Саша.

А Родион вдруг повернулся к кустам ольшаника и громко сказал:

— Выходите-ка, отец. Я ведь давно уже вас заметил. Чего вы там стоите?

Удивленные пионеры услышали покашливание в кустах. На поляну вышел сухонький невысокий дядька в брезентовом плаще и с дробовиком за плечами.

— Да шел вот мимо, слышу — шумит молодежь. Дай, думаю, погляжу, не костерком ли балуются. А вы, оказывается, вон что... — Он подошел к березке, ощупал марлевую повязку. — И смолой залепили, как положено.

Ну, молодцы! Будем знакомы. Я — Егор Лукьянович, здешний лесник. А вы откуда?

— Из пионерлагеря.

— Из «Искорки». Знаете?

— Как не знать.

Егор Лукьянович сдвинул на затылок мягкую выгоревшую фуражку, достал из кармана папиросы, закурил. Спичку задул и еще припечатал ее ногой. Посмотрел сквозь табачный дым на пионеров выцветшими стариковскими глазами.

— Такие, как вы, теперь в диковинку. В лес больше приходят губители. Не столько грибов, ягод наберут, сколько наозорничают. Охотники — те палят, что в сук, что в тетеру, им все одно. Экскурсанты елок-палок нало-

мают, веников надергают, бутылки-банки пораскидают — срамота! А то еще огонь разведут да не затопчут. Ноне два пожара было, вон как...

Егор Лукьянович глубоко затянулся папиросой, прокашлялся.

— Опять же браконьеры шкодят. Вот, к примеру, тут рядышком за ручьем растет мачтовая сосна, сортная делянка. Вчера еще все в порядке было, а сегодня иду — два свежих пенька белеют, ветки раскиданы, а стволов — тью-тью, нет. Стало быть, кто-то поработал ночью.

— Но ведь на таких управа есть, — сказал Родион.

— Так-то так. А ты его как найдешь, браконьера-то? Он деревья в поселок увез, распилил на жерди и сложил у себя во дворе. А дворов в поселке около сотни. А я один. Пока все обойдешь... Вот не знаю, сегодня до темна справлюсь ли?

Егор Лукьянович смял в пальцах окурочек и затоптал его в траве.

Пионеры переглянулись, посмотрели на Родиона. А тот будто только и ждал этого, кивнул и сказал:

— Нас, ребята, шесть человек. С лесником — семь. Подсчитайте-ка, разведчики, сколько дворов придется на каждого? Быстро!

Быстрее всех подсчитала Лиза Бабакина.

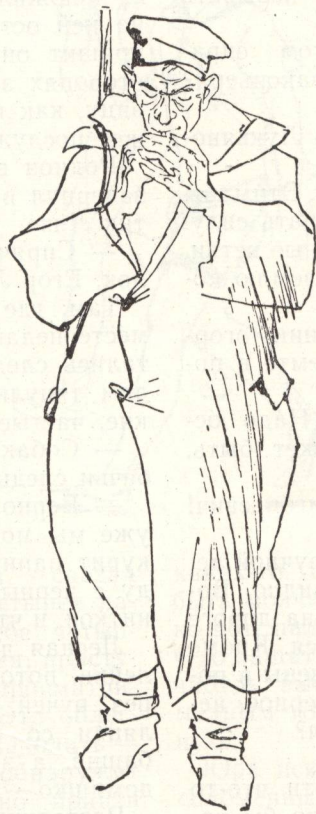
— Сто дворов разделить на семь человек получается четырнадцать целых, два в остатке.

— По четырнадцать дворов на брата, — сказал Родион, —

это же для нас сущие пустыки. Юра, играй походный сигнал

Еще совсем недавно, ну, несколько минут назад, лес казался веселым, светлым, добрым каким-то. А теперь он вдруг сразу переменялся, словно облако набежало на солнце, сделался таинственным, сумрачным; сосны стоят настороженно, как молчаливые часовые на посту, ели сердито оцетинились колючими лапами, даже ручей, и тот больше не звенит в камнях, а бормочет невнятно, будто предостерегает от чего-то.

Толстяку Мите, например, кажется, что вот-вот из-за какого-нибудь дерева покажется браконьер с острым топором в руках. Саша хмурит свои черные брови; лицо у него

серьезное, губы плотно сжаты. Теперь это уже не просто интересная веселая прогулка, теперь это настоящая разведка!

Впереди с ружьем за плечами шагает лесник, за ним цепочкой — пионеры, строй замыкает Родион. Ребята то и дело оглядываются на него: он сразу изменился после того, как надел высокие сапоги, защитные брюки-галифе и такого же цвета гимнастерку. Правда, гимнастерка у него без погон, но все равно в этой одежде он выглядит старше и строже, и теперь уже как-то не получается называть его просто Родион.

— Родион Григорьевич, — шепотом спрашивает Лиза, — вы его арестуете, браконьера? Да?..

На просеке, возле двух пней Егор Лукьянович остановился.

— Вот его работа. Полюбуйтесь. Этим бы сосенкам стоять еще и стоять, набирать силу.

Вокруг были раскиданы обрубленные ветви, белела свежая щепка, вдавленная в землю колесами телеги.

— Глаза бы не глядели. — Лесник огорченно махнул рукой. — Теперь пойдете в поселок.

— Погодите, — сказал Родион. — Надо осмотреть это место, ребята. Не может быть, чтобы не осталось следов.

— Так вот же следы, Родион Григорьевич! От телеги.

— Во-первых, не от телеги, а от ручной тележки: лошадиных-то следов не видно. Во-вторых, эти следы мало что дают: на дороге они смешаются с другими, потеряются. Кроме того, мы уже знаем, что деревья увезены в поселок. Больше ведь здесь везти, наверное, некуда. Разве не так, Егор Лукьянович?

— Так.

— А если так, значит, надо найти что-то более существенное. Такое, что могло бы послужить уликой. Например...

— Например, окурки! — закричал Митя. — Я нашел окурки, Родион Григорьевич! Смотрите, написано «Север». Это улика!

Но Родион умерил Митин восторг:

— Слабая, — сказал он. — Ну-ка, подумайте сами, ребята, почему?

Саша сразу же догадался:

— Потому что папиросы «Север» курят многие. Например, дядя Филипп, садовник из нашей «Искорки», да и мой папа тоже.

— Да и у меня такие же, — сказал лесник.

— Вот видите, — сказал Родион. — Надо продолжать обследование места преступления.

Пионеры принялись разгребать валежник, переворачивали каждую щепочку, загляды-

вали под каждую срубленную ветку и, в конце концов, нашли.

Вернее, Лиза Бабкина нашла.

— Пуговица! Родион Григорьевич, вот пуговица.

— Подумаешь, пуговица! — Толстяк Митя Смирнов презрительно надул губы; ему было обидно, что «его» окурки признали негодной уликой. — Такие много кто носит. Обыкновенная черная пуговица.

— Нет, не обыкновенная, — сказал Родион и положил пуговицу на ладонь. — Смотрите, на ней остался обрывок синего материала и пришит он серой ниткой. Видно, браконьер второпях зацепился за ветку и выдрал пуговицу, как говорят, с мясом. Эта находка может послужить неопровержимой уликой.

Родион вынул из записной книжки листок, завернул в него пуговицу и отдал этот пакетик Лизе.

— Спрячь. Ну, а теперь ведите нас в поселок, Егор Лукьянович.

Там, где просека выходила на дорогу, на месте недавно просохшей лужи, ясно отпечатались следы колес и сапог браконьера. Рядом тянулись еще какие-то следы — маленькие, частые и не такие глубокие.

— Собака! — воскликнул Юра. — Это собачьи следы.

— Верно, — сказал Родион. — Вот теперь уже мы можем предположить, что браконьер курит папиросы «Север», носит синюю одежду с черными пуговицами, пришитыми серой ниткой, и что у него есть собака.

Лесная дорога привела к переезду узкоколейки, потом встретился горбатый мостик через ручей. Сосны поредели, появились полянки со стогами сена, круглая силосная башня, а за ней покосившийся бревенчатый домишко — кузница.

Разведчики вошли в поселок.

Поселок был зеленый и тенистый. Широкая немощеная улица, дома с верандами, с палисадниками, обнесенные штакетником, колодцы, над которыми, как стрелы подъемных кранов, торчат деревянные журавли. В палисадниках — тополя, рябинки, сирень. Сушится на веревках белье, кое-где натянуты гамаки.

— Дачники наехали. Хорошие здесь места, грибные, — сказал Егор Лукьянович. — А жители, большинство, заняты на соседних гранитных разработках. У многих огородишки, ягоды. Неплохо живут. Да вот беда, некоторых жадность одолевает. Комнаты сдают, а себе времянки городят. Вот и таскают из лесу деревья.

В центре поселка, на перекрестке двух улиц маленький отряд остановился.

— Здесь назначим место сбора, — сказал Родион. — Отсюда расходимся в четырех направлениях. Каждый отсчитает себе четырнадцать дворов и, возвращаясь назад, приступит к разведке. Местность тут просматривается хорошо, дворы небольшие. Это облегчает задачу. За калитки лучше не заходить — не забывайте о собаках. Тот, кто обнаружит свежие жерди, должен немедленно прийти сюда и ждать лесника или меня.

Родион посмотрел на часы.

— Сейчас половина двенадцатого. Если действовать оперативно, за час должны управиться. Задание понятно?

— Понятно, Родион Григорьевич! — хором ответили пионеры.

— Действовать приказываю осторожно и находчиво. Все. Выполняйте.

И вот уже следопыты идут по двое вдоль палисадников, внимательно осматривая дворы сквозь просветы в штакетнике. Молча идут, неторопливо; ведь это настоящая, первая в жизни самостоятельная боевая разведка. Действовать приказано осторожно и находчиво.

Юра идет в паре с Галей. Так хорошо шагать с нею рядом и не спорить, как обычно, о

каких-то там отрядных делах, а, наоборот, быть молчаливым и решительным. Жаль только вот, палки подходящей нет, чтобы в случае чего защитить Галю. Ну, не беда, если откуда-нибудь выскочит собака, можно треснуть ее медным горном по башке. Как следует треснуть...

Юра искоса поглядывает на Галю, на ее соломенные косы, переплетенные голубой лентой, на сосредоточенное лицо: глаза серьезные, лоб немножко наморщен. Волнуется, наверное, Галя, вон как теребит концы галстука. Хорошая!.. Пусть бы на нее попробовала наброситься хоть самая злющая овчарка, Юра бы ей показал! Уж он бы ей...

— Чего это ты размахиваешь горном, Юра?

— Так, ничего...

Эх, шагать бы и шагать рядом с Галей. Весь день шагать! Но вот уже отсчитано по четырнадцать домов слева и справа. Ничего не поделаешь, надо расставаться.

— Смотри, остерегайся собак, Галка.

— Ладно, сама знаю. Иди.

Юра хочет оглянуться, посмотреть на Галю еще разок, но он пересиливает себя — так прощанье получится суровой и мужествен-

ней — и уходит размашистым твердым шагом, не оборачиваясь.

Дом, возле которого осталась Галя, был небольшой, чистенький и нарядный, веселого канареечного цвета. Во дворе пожилая женщина выколачивала веником узорчатый половик. Она взглянула через плечо на Галю и опустила веник.

— Здравствуйте, — сказала Галя.

— Здравствуй. Старой бумаги у меня нет, ржавого железа — тоже. Все уже обобрали сборщики.

— Нет, я не за утилем, тетя. Я... Можно мне у вас выпить?

— Заходи.

Хозяйка, а вслед за нею Галя, поднялись на крыльцо, вошли в дом.

Первое, что увидела в комнате Галя, была лежащая на столе пачка «Севера». А больше ничего не успела рассмотреть, потому что из-под стола вылезла овчарка, потянулась и зевнула, раскрыв страшную пасть.

Галя попятилась к двери.

— Не бойся, он смирный, — сказала хозяйка. — Ну-ка, Мартын, дружи!

Мартын вразвалку подошел к Гале, обнюхал подол ее платья, ткнул холодным носом в коленку и убрался обратно под стол.

Хозяйка между тем открыла буфет, налила из кувшина в стакан что-то красное.

— Пей.

— Мне бы воды...

— Пей, говорят.

Галя выпила.

— Что, вкусно?

— Очень. Спасибо.

— То-то. Из собственной клубники морс. Его мой Алеша обожает лучше всякого пива.

С фотографии, прибитой к стене между окон, на Галю смотрел скуластый широкоплечий парень; весело смотрел, будто подмигивал. Под фотографией висела «Почетная грамота».

Галя подошла и прочла:

«Передовику производства, члену бригады коммунистического труда, взрывнику Алексею Ивановичу Фролову за внедрение эффективных методов скоростной разработки гранита».

— Вот какой он у меня. Нынче в комсомольские секретари выбрали, — сказала хозяйка.

— Спасибо за морс. Я пойду, — сказала Галя.

Проходя по двору, она даже не стала осматриваться. А зачем? Что из того, что Алексей Иванович курит «Север» и что у него ов-

чарка? Такие люди все равно не будут браконьерствовать. А морс-то какой вкусный!

Так подумала Галя, закрывая за собой калитку. И вдруг услышала лай — громкий, яростный, залиvistый. Он доносился с конца улицы.

Туда ушел Юра! Уж не попал ли он в беду?...

...Расставшись с Галей, Юра пошел в конец улицы быстро и решительно. Свои четырнадцать объектов он хотел обследовать поскорее, чтобы потом вернуться и помочь Гале. А для этого надо было действовать оперативно, как сказал Родион.

Но оперативно не получалось. Юре, как назло, достались дворы, где росли густые березы, повсюду были понастроены сараюшки, какие-то будки, сушилось на веревках белье. Попробуй-ка, разгляди, что там, за этими препятствиями!

Вот, например, этот участок. К нему с дороги сворачивают свежие следы колес, проходят во двор, тянутся между срубом колодца и недостроенной верандой, а потом скрываются за углом дома. А может, там, за этим углом, и лежат украденные сосенки? Как туда заглянешь?

Юра подходит вплотную к калитке, внимательно осматривает весь участок — двор, сад с парничками и дом. Дом крепкий, бревенчатый; вверху чернеет пустой проем чердачного окна, к нему приставлена лестница. А внизу все окна плотно закрыты, белые занавески опущены, на двери в глубине крыльца висит большой замок.

Юра постоял немножко в нерешительности, просунул руку за калитку, нашарил задвижку и отодвинул ее.

Теперь уже медлить было не к чему. Он рывком распахнул калитку, промчался по двору, забежал за угол дома и увидел...

Ничего особенного он не увидел.

Следы сворачивали за дом, и в том месте, где они кончались, стояла, задрав кверху перекладину, обыкновенная двухколесная ручная тележка. Пустая. И никаких украденных деревьев поблизости не было видно. Вот и все.

Юра вздохнул и даже фыркнул от обиды. Вот тебе и оперативно! Столько времени ухлопал на осмотр этого дурацкого двора. Надо уходить отсюда поскорее, а то еще хозяева вернутся. Спросят: «Ты зачем здесь, мальчик?» А что им отвечать?

Но попасть во двор оказалось легче, чем выбраться. Когда Юра вышел из-за дома, он увидел, что около открытой калитки лежит темно-бурая огромная овчарка.

Юра вздрогнул и застыл на месте, будто

примерз. Внутри у него сделалось холодно-холодно.

Положив морду на передние лапы, овчарка смотрела на Юру неподвижными желтыми глазами.

Вот так история! Что же делать?.. Лечь на землю и притвориться, будто ты умер? Нет, так только, кажется, медведей обманывают, а эту собаку не обманешь. Вон какие у нее хитрые, злющие глаза! А когти-то какие на лапах... Лучше уж стоять и не шевелиться. С таким зверем шутки плохи.

Но собака, видно, вовсе не собиралась набрасываться на Юру. Она просто следила за ним — и все. Значит, пока он не двинется, особой опасности нет.

Юра немножко успокоился. Осторожно повернул голову вправо, влево и увидел прислоненную к дому лестницу. До нее не больше трех шагов. Это спасенье...

Как он решил рвануться к этой лестнице, он даже сам не успел понять. Он только почувствовал, как горн подпрыгнул на перевязи и больно ударил по спине, и услышал, как что-то тяжелое плюхнулось о лестницу внизу у самых его ног.

Это была собака. Она успела лишь содрать тапку с его правой ноги, а больше ей ничего не досталось.

Юра уселся на лестнице повыше от земли и показал овчарке фигу.

— Что, взяла? На-ка, выкуси!

Зажав в зубах тапку, собака мотала головой. Потом бросила свою ничтожную добычу, подпрыгнула, пытаясь достать до Юры и, потерпев неудачу, принялась лаять, бесноваться, царапать когтями лестницу.

На всякий случай Юра поднялся еще выше, заглянул в проем чердачного окна и тут же немедленно забыл о собаке: на потемневших от времени балках потолочного перекрытия лежали сосновые жерди.

Совсем свежие! От них пахло смолой и лесом. Но почему их шесть? Ведь срублено всего два дерева... А, понятно: деревья были тонкие, но высокие; вот браконьер их и распилил, чтобы удобнее было и везти и спрятать.

Все! Преступник обнаружен! И обнаружил его он, Юра. Эх, жаль, не видела Галя, как он перехитрил эту свирепую овчарку, как ловко избежал смертельной опасности! Теперь надо срочно доложить Родиону, поспешить на условное место сбора, на перекресток...

Да, но как туда поспешить, когда внизу эта собака? Ишь, как она беснуется. Разве с ней справишься? Таковую, пожалуй, не треснешь по башке горном... Горном?

Юра быстро обеими руками ощупал за спиной горн, так быстро, что чуть было не свалился с лестницы. Как же это сразу ему в голову не пришло?

Он вытянулся во весь рост в проеме чердачного окна, откинул голову назад и поднес к губам горн.

В сонную летнюю тишину поселка ворвался тревожный сигнал пионерского сбора. Звуки, сильные и звонкие, без единой трещинки, летели прямо в голубое небо, перекатывались через лесистые холмы и замирали вдалеке...

Первой к месту происшествия подоспела Галя. Еще издали было видно, как разлетаются на бегу ее косы.

Юра опустил горн и уселся на верхушке лестницы с независимым видом. Теперь надо держаться достойно, не то подумает, что испугался. Но ведь он, Юра, и не думал пугаться, а если и боится сейчас, так не за себя, за Галю.

— Галка, закрой калитку, а то собака выскочит!

Овчарка продолжала оглушительно лаять. Галя поспешно затворила калитку, чуть отошла от изгороди и, заложив руки за спину, уставилась на Юру.

— Ты чего туда залез?

— Чего, чего?.. Не видишь, я собаку перехитрил!

— Вот так перехитрил! Интересно, кто у кого в плену?

— А что мне было делать?

— А не заходить во двор. Вспомни, что говорил Родион Григорьевич. Вот он идет. Сейчас тебе достанется.

Действительно, к дому скорым шагом приближались Родион и лесник. А в конце улицы показались и остальные разведчики; впереди бежал Саша Колечкин, за ним — Лиза Бабкина, а толстяк Митя Смирнов, как всегда, отставал.

— Родион Григорьевич! — кричал Юра. — Я нашел жерди. Здесь, на чердаке!

— А ты уверен, что не ошибся?

— Уверен. Вот идите сюда, сами увидите.

Легко сказать — идите сюда. Галя с тревогой посмотрела на Родиона. Неужто отважится пройти за калитку? А пес?

Неожиданную активность проявил Митя Смирнов:

— Надо ее отвлечь, ребята!

Он побежал вдоль забора, достал из кармана горсть сухих фруктов и просунул руку между рейками. Вот дурак! Разве собаки едят компот?

Так и вышло — овчарка не обратила на Митю ни малейшего внимания. Она продол-

жала ожесточенно скрести лапами лестницу и громко лаяла при этом.

— Что здесь делается? Ты зачем забрался туда, хулиган? Вот я тебе сейчас покажу!

Все обернулись, как один. Занятые собакой, они и не заметили, как на улице появился рыжий дядька. Из кармана его спецовки торчала бутылка пива, в одной руке он держал авоську с хлебом, а другой, сжатой в кулак, грозил Юре. Дядька был грудастый, широкоплечий и роста огромного — на целую голову выше Родиона.

Однако это не смутило Родиона. Он внимательно оглядел рыжего с ног до головы и спросил спокойно:

— Зачем же вы называете мальчика хулиганом?

— А нечего ему здесь делать в чужом доме. Топайте-ка отседава подобру-поздорову!

Родион отступил. Но лишь для того, чтобы шепнуть что-то леснику.

— Послушай, гражданин, — сказал Егор Лукьянович. — Уйми своего пса да ответь: знаешь ли меня?

Тон, каким были сказаны эти слова, подействовал на рыжего. Он подозрительно, с опаской оглядел лесника и буркнул недовольно:

— Не знаю. Вроде бы мы с тобой не выпивали.

— Грубишь, — сказал Егор Лукьянович. — Зря грубишь. Я ведь сюда не шутки с тобой шутить пришел.

Он расстегнул свой брезентовый плащ и показал прищипленную к пиджаку бляху — знак лесника.

И едва рыжий дядька увидел эту бляху, как с ним произошла поразительная перемена. Он перестал пыжиться, разжал кулак и вытер ладонь о спецовку. И вообще он весь как-то съежился; ребятам даже показалось, что он вдруг сделался и ростом пониже.

— Что вам от меня надо?

— От тебя — ничего, про государственное будет спрос, — сурово сказал Егор Лукьянович. — Деревья в лесу срубил?

— Да вы что, граждане... Какие деревья?

— Обыкновенные. Сосны, стало быть.

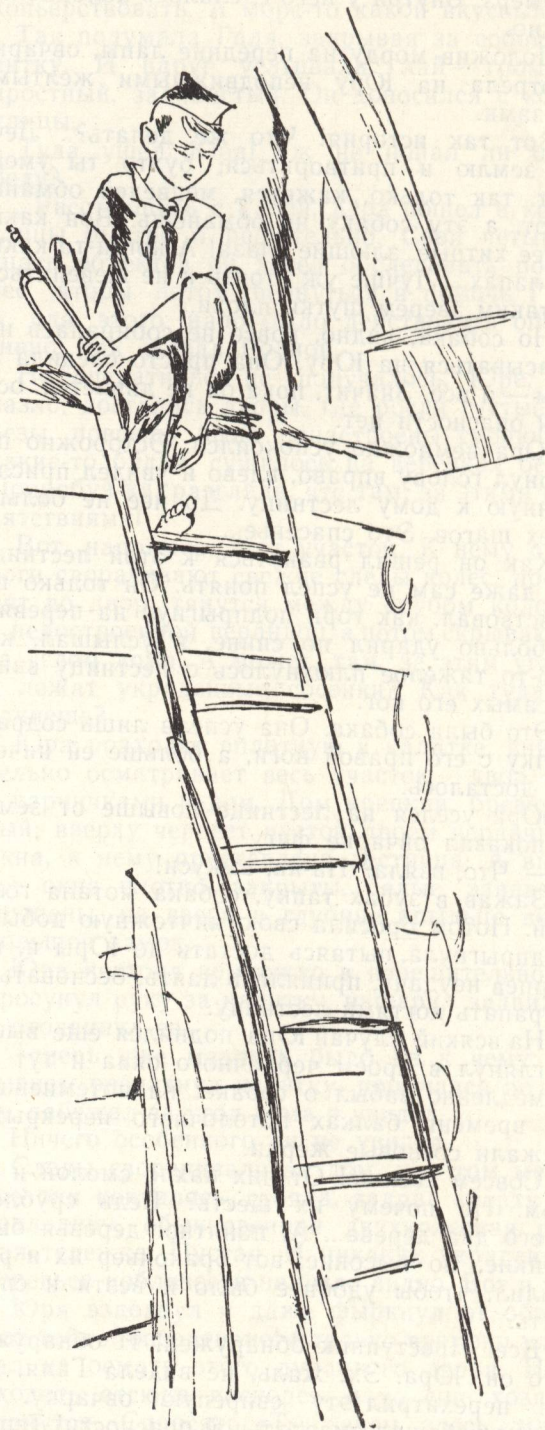
— И не обыкновенные, а корабельные! — крикнул толстяк Митя Смирнов.

А Саша Колечкин добавил:

— Им бы еще стоять и стоять, набирать силу. Правда, Егор Лукьянович?

— Чего тут спорить? — раздался сверху голос. — Вот эти деревья. Здесь они. Я же их нашел!

Рыжий исподлобья метнул свирепый взгляд вверх. Но сказал совсем мирным, даже каким-

то масляным голосом, будто он нежно любит Юру:

— Да что ты, милый? Там старые жерди. Я в лесу, пожалуй что, с весны не бывал.

Лесник посмотрел на Родиона. А Родион — на рыжего, только не на его лицо, а на спе-

повку посмотрел. И ребята вдруг увидели, что на этой синей спецовке не хватает одной пуговицы, вместо нее чернеет дырка.

— Лиза, отдай ему пуговицу.

Дядька недоуменно уставился на Лизу.

— Какую пуговицу?..

— Вашу, — вежливо сказала Лиза. — Вот она. Видите, как подходит. Берите, пожалуйста.

Пират, ворча и огрызаясь, нехотя убрался под крыльцо.

— Юра, слезай! — крикнула Галя. — Путь свободен!

Юра мгновенно скатился вниз, подхватил свою тапку и присоединился к ребятам.

А Егор Лукьянович с неожиданным для его возраста проворством взобрался по лестнице, заглянул в чердачный проем. Потом

Рыжий машинально взял пуговицу с обрывком синей ткани, растерянно посмотрел на свою спецовку, потом опять на пуговицу и вдруг заорал во всю глотку на собаку:

— Замолчи, Пират, чтоб ты сдох! Пошел вон!

медленно спустился на землю, достал из кармана потрепанный блокнот и строго сказал браконьеру:

— Придется акт составлять... Эх ты, пират.

Лондон.

От нашего собственного
корреспондента.

Да, это было письмо Жака Паганеля. Подпись, знакомая нам по тому самому письму к профессору Рейльсену о трех самых высоких в мире, была та же — Jacques Paganel...

Сомнений не было.

— Наконец-то все разъяснится! — сказал Ватсон. — Скорее, Холмс. Читайте, пожалуйста, вслух.

— С вас, дорогой мой Ватсон, мало записной книжки Паганеля? — иронически полубобытствовал Холмс. — Впрочем, посмотрим...

И Холмс начал читать.

Вот это письмо слово в слово:

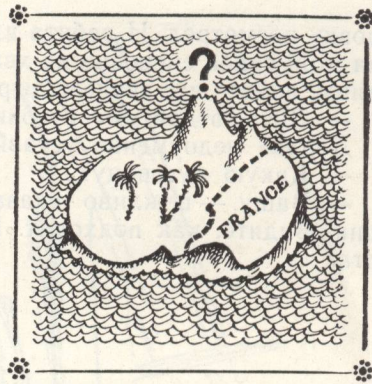
«Дорогие мои Мак-Набсы!

Еще совсем недавно я любовался Сенной. По утрам мне так и кажется, что, раскрыв окно, я увижу мокрые от ночного дождя крыши моего милого старого Парижа и блестящую листву деревьев...

Но в иллюминаторе — волны, волны и волны: здесь как раз сталкиваются мощное течение с севера и сильные ветры с юга.

Обнявшись, словно два богатыря в схватке, обессилив друг друга, они уходят к востоку.

Три недели назад мы побывали на чудеснейшем из островов. Кстати сказать, его открыл Колумб. С тех пор остров трижды переменял свое название. Якорь мы бросали в водах у французской территории...

А сейчас мы уже далеко. Впереди — «Todos los Santos» — «Пролив всех святых». Правда, теперь его называют совсем иначе.

Только что пробило полночь. Я выходил на палубу, чтобы полюбоваться звездами. Ах, какие здесь звезды!

Когда я вышел на палубу, прямо надо мною сияла альфа Феникса, а над горизонтом переливался Южный Крест.

Вот несколько шуток знаменитых русских поэтов. В свое время, лет полтораста тому назад, они были поистине крылатыми шутками. И сейчас не потеряли своего блеска.

* * *

Зная, что император Александр I очень падок на лесть, одна дама вышла подушку и поднесла Александру со стихами:

Российскому отцу
Вышила овцу.
Сих ради причин,
Чтобы мужу дали чин.

Через некоторое время она получила ответ. Тоже в стихах:

Российский отец
Не дает чинов за овец.

Внизу стояла подпись тогдашнего министра просвещения: Г. Державин.

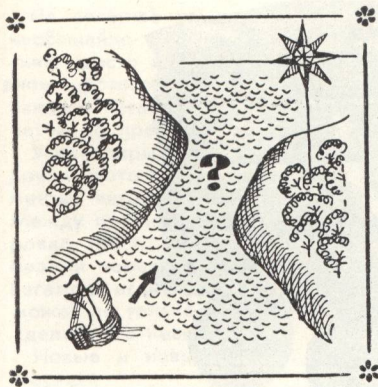
* * *

Денис Давыдов говорил о генерале, который попал в сильный штурм:

— Бедняжка, что он должен был выстрадать! Он, который боится воды, как огня!

РОССИЙСКИЕ

А как там у вас в Малькольм Кэстле? Снега и снега? И вы, наверное, разжигаете по вечерам мой любимый камин в охотничьей зале во втором этаже и вспоминаете меня...

Я еще не скоро увижу вересковые поля. Между прочим, кое-что успел собрать для моих коллекций...

С почтением ко всем обитателям
Замка Малькольма!

Ваш преданнейший и покорнейший слуга Жак Паганель.

Р. S. Как поживает мой добрый спутник блужданий по болотам — сеттер Родо? Накормите его, пожалуйста, бараньими косточками...

Еще раз Ваш всем сердцем Жак».

— Все, — сказал Холмс.

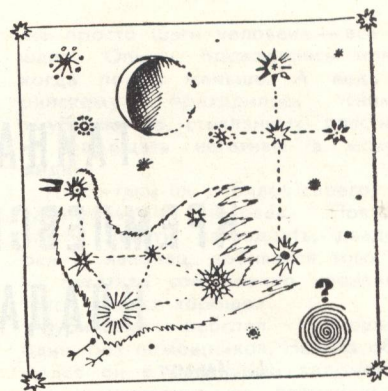
— Все, — повторил вслед за ним убитым голосом Ватсон.

Я ничего не сказал. Я уже заказывал по телефону разговор с «Костром», и как только лондонские телефонистки дали мне Ленинград, передал:

«Всем! Всем! Всем!»

Первое. Паганель побывал на острове, который открыл когда-то Христофор Колумб и который за время своего существования трижды изменял свое название. Прошу обратить внимание на то, что часть острова — французская территория.

Второе. В тех местах, где писалось письмо, в полночь или около того,

прямо над головой видна звезда альфа Феникса, а над горизонтом — Южный Крест... Ветры там дуют с юга, течение проходит с севера. И ветры и течение отклоняются к востоку.

Третье. Необходимо узнать, какой пролив собирается миновать Паганель.

Жду ваших советов, догадок и решений...»

ОСТРОСЛОВЫ

* * *

Сумароков часто печатал переводы из французского поэта Расина, не упоминая имени автора. И все считали, что это стихи Сумарокова. Однажды поэт Барков взял у Сумарокова томик стихов Расина и вернул, отметив все переведенные Сумароковым стихи надписью: «Украдено у Сумарокова».

* * *

Во время похорон Крылова к поэту Кукольнику подошел прохожий и спросил:

— Кого хоронят?

— Министра народного просвещения, — ответил Кукольник.

— Как, — удивился прохожий, — умер граф Уваров?

— Уваров-то жив, — с печалью ответил Кукольник, — умер Иван

Андреевич Крылов.

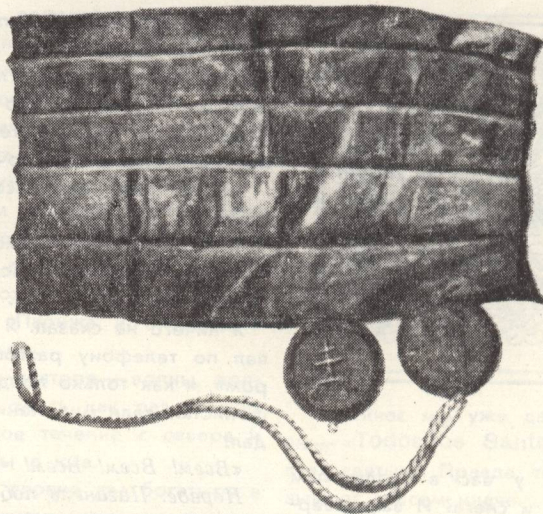
Тогда прохожий деликатно заметил, что Крылов никогда не был министром народного просвещения, а писал басни.

— Это их путают, — ответил Кукольник, — настоящим министром народного просвещения был Крылов, а Уваров писал басни в своих отчетах.

ТАЙНА КРЕМЛЕВСКОГО КЛАДА

А. Дулов

В сентябре 1843 года около одной из башен Московского Кремля четверо крестьян рыли яму для ледника. Трудно было вынимать раскисшую от дождя глину. Часто перекуривали, проклиная дождь и тяжелый грунт. К полдню лопата самого молодого рабочего ударила по какому-то металлическому предмету. Все насторожились: «Неужто клад?»

И верно, вскоре извлекли позеленевший медный сосуд, наполненный ржавой водой. Из него вынули небольшую флягу, два тяжелых щербатых камня, на самом дне лежали раскисшие от долгого пребывания в воде кожи. На некоторых едва заметно проступали какие-то знаки.

Тем временем журналист и фотограф-любитель Евгений Федорович Буринский разрабатывал способ получать при съемке документов более четкое, резкое — контрастное изображение.

Находка в Кремле

О находке доложили смотрителю Кремлевского дворца, а через несколько дней кожи с большими предосторожностями повезли в Петербург в Академию наук.

Изучением кремлевского клада (так с той поры стали называть находку) занялся крупнейший археолог и знаток древней Руси академик Бередников.

Всего в сосуде оказалось двадцать кусков кож и пергамента, во фляге была ртуть, а два камня — образцы железной руды. Только некоторые рукописи удалось частично прочитать, а вернее, расшифровать Бередникову. Так на одной рукописи проступало описание примет какого-то портного — «бородовица на право...» — очевидно, искали сбежавшего. На другом документе проступали какие-то счетные выписки. Судя по отдельным фразам и выражениям на третьем, Бередников сделал вывод, что это охранный грамота князя Дмитрия Донского новоторж-

скому жителю. Это подтверждала и подвешенная к документу печать на шелковом красном шнуре.

Вообще печатей было много, и большинство не значилось в описаниях русских печатей. Видимо, принадлежали они важным (шелковые шnurки!) церковным особам — на печатях изображался крест.

Но количество и расположение перекладин на нем отличалось от изображений креста на печатях русских патриархов и митрополитов. Значит, Дмитрию Донскому писали какие-то иноземные князья церкви. Какие именно — этого русские историки не знали.

К работе по восстановлению и прочтению кож привлекли химиков. Кое в чем они помогли Бередникову, но многие рукописи так и остались непрочитанными. С сожалением Бередников сдал их в архив министерства иностранных дел, которое тогда называлось «Древнехранилище».

Поиски Буринского

Увеличивая освещение, используя разные химические составы, Буринский добился того, что плохо видимый на бумаге текст на пластинке становился четким, хорошо разборчивым. Придумал прибор с часовым механизмом, который отсчитывал время горения магниевой ленты, — тогда ведь еще не было мощных современных фотоламп.

Буринский заметил, что написанные черной тушью тексты на нега-

тиве воспроизводятся хорошо, а синими чернилами — гораздо хуже. А что, если накрыть документ цветным стеклом, изменится ли изображение? Впрочем, и маленькое стекло можно взять и приставить его к объективу — результат будет тот же.

Буринский выбрал старый истертый документ, на котором текст уже почти невозможно прочесть, подставил к объективу желтое стекло и включил свет.

На негативе текст документа стал необычайно четким. Сначала Буринский просто не поверил. Он вновь и вновь фотографировал документ. И на каждом негативе одно и то же: текст четок до предела.

Успех окрылил. Буринский лихорадочно фотографирует разные документы через разноцветные стекла. Между прочим, когда он фотографировал текст, написанный синими чернилами через синее стекло, текст на негативе исчез. Значит, фотография может не только выявлять текст, но и сделать его невидимым.

Новые и новые опыты. Проходят месяцы.

Однажды Буринский налил на старое ненужное письмо красные чернила и сфотографировал его через красное стекло. Он спокойно проглядел пластинку, не подозревая, что делает удивительнейшее открытие.

В 1894 году по просьбе археолога Лихачева вновь вернулись к непрочитанным рукописям. За пятьдесят лет химия добились немалых успехов, и в Академии наук надеялись, что теперь будет возможно прочесть рукописи.

Привезенные из Москвы кожи тотчас направили в химическую лабораторию Академии наук, к крупнейшему химику Бекетову. Вместе с помощниками он осмотрел присланные кожи и убедился, что прочесть рукописи еще труднее, чем пятьдесят лет назад. Кожа и пергамент сохли, стали исключительно хрупкими. Их нельзя развернуть: они сразу же рассыпаются. Началась кропотливая работа. Кожи пропитывали глицерином, потом осторожно разворачивали и закрепляли на досках. И все же ни на одном куске кожи и пергамента нельзя было даже увидеть текст. Лишь кое-где виднелись отдельные штрихи, еле проступавшие на темном фоне.

Как начать работу? Что сделать, чтобы не повредить эти уникальные документы?

У Дмитрия Ивановича Менделеева в одну из сред собралось много друзей: ученых, художников, поэтов. Среди общего веселья и непринужденной беседы Бекетов поведал Менделееву о совершенно необычных поручении Академии наук.

Пятно исчезло, а на негативе четко проступил текст письма, залитый чернилами. Евгений Федорович взволновался: неужели найден способ читать залитые чернилами тексты?

И все же Буринский не удовлетворен. Удастся прочесть едва видимый, но все-таки видимый текст. А как быть с теми текстами, что начисто вытравлены или стертые? Как еще усилить контрастность? Попробовать накладывать друг на друга два негатива и затем переснимать их? Невидимые детали должны постепенно все более и более проявляться.

Воистину этот человек был энтузиастом в науке. Его способ требовал совершенно изумительной тщательности в работе. Даже легкого дрожания было достаточно, чтобы изображения не совпали. Проехавший по улице ломовой извозчик, да-

же просто шаги человека — все мешало. Опыты проводились ночью, когда помех меньше. А ведь Буринскому приходилось снимать эмульсию со стеклянных пластинок и совмещать негативы в мокром виде.

И все-таки он добился своего, этот удивительный человек. Повторял опыты десять, пятнадцать, двадцать раз и, наконец, добивался того, что на негативе совершенно невидимый текст читался хорошо.

Буринский работал совершенно один, без помощников. Не раз обращался он в различные ведомственные учреждения за помощью, но везде получал отказы. И все же он надеялся доказать бездушным царским чинушам, как велики возможности открытых им методов фотографирования документов. И такой случай представился.

Как они встретились

— Я, кажется, могу вам помочь,— сказал хозяин дома.— В русском техническом обществе мы давно уже с интересом наблюдаем за работами Буринского. Фотографическим путем он выявляет совершенно уничтоженные, счищенные тексты. Обратитесь к нему.

Так в химической лаборатории Академии наук появился Евгений Федорович Буринский. За работу он взялся с жаром — ведь его удача будет удачей его метода.

Множество трудностей подстерегало Буринского. Трудно так расправить кожи, чтобы не допустить бугристости; магниевая лента при горении давала такую высокую температуру, что трудно уберечь смазанные глицерином кожи от высыхания; трудно получить несколько одинаковых негативов, необходимых для совмещения.

Но прошло три недели, и Буринский показал изумленным сотрудникам лаборатории негатив, на котором четко читается текст.

Это было похоже на чудо! Если бы вся работа не проходила на глазах многих сотрудников, никто бы этому не поверил.

Так родилось новое открытие, перед которым бессильно время, казалось бы, совершенно уничтожающее документы.

За эту работу Академия наук присудила Буринскому высшую награду — премию имени Ломоносова.

Буринский продолжал усовершенствовать свой метод. Он стал получать один негатив, а уж с него снимать все последующие. Получалось не хуже, чем по старому способу, а главное — не приходилось многократно подвергать кожи большой температуре при экспонировании.

Прекрасные результаты! Буринский сообщил в Академию наук, что готов продолжать работу над восстановлением текстов древних рукописей.

Но оказалось, что рукописи уже отправлены на хранение в Московский архив...

Так Буринскому и не удалось применить новый метод для раскрытия тайны кремлевского клада.

В 1901 году по просьбе академика Голицына кожи были вновь затребованы в Петербург. Их фотографировал Поповицкий, усовершенствовавший метод Буринского. Он прочитал еще несколько строчек на одном из древних документов, затем кожи опять были возвращены в «Древнехранилище».

То, что прочли на кожах академик Беренников, Буринский и Поповицкий, относилось к быту, к укладу на Руси в XIV веке. Кожи, на которых стоят посольские и неизвестные печати, так и не прочитаны до наших дней.

Клад, обнаруженный в Московском Кремле сто двадцать лет тому назад, до сих пор не выдал всех своих тайн. Он ждет еще пытливых исследователей.

Это рассказ о трех встречах. Одна из них состоялась, другая не состоялась, а третья произойдет через одну страницу...

Где эта улица?

Привет вам с Украины, дорогие друзья-спортсмены!

Запомните добрый совет: побольше уделять внимания упражнениям на равновесие. Если вы будете уверенно и спокойно чувствовать себя на гимнастическом бревне, то сможете весной пройти из Бондаревки в Курячевку, не побывав в гостях у лягушек. Ведь автобусы в пору весенних дорог ходят только до Бондаревки. А в Курячевку через ручьи да болотины через бегит с мостков на бревнышко, с бревна на челнок, с челнока на рельсу гнутую, с рельсы на дощечку, а уж с дощечки прыгайте — и вы на курячевской земле!

И мы на курячевской земле. Кривая улица уходит в гору. Народу почти не видно. Только греется у ворот на солнышке старый-престарый дед.

— Здравствуйте, дедушка. Не скажете ли, где здесь Спортивная улица?

— Яка?

— Спортивная.

— Спортивной нэма.

— Как же так? Вот у нас целая пачка писем. Всюду обратный адрес: Луганская область, село Курячевка, Спортивная улица.

— Ни. Нэма.

— А школа где?

— У центри.

И вот, пока мы крутой дорогой поднимаемся к центру, позвольте рассказать, что привело корреспондентов «Костра» в это украинское село и

заставило отыскивать там Спортивную улицу...

В редакцию каждый день приходят десятки конвертов с пометкой «Школе «Спринт». Все эти письма тщательно сортируются. Прежде чем специалисты начнут составлять ответы, необходимо в особой картотеке отметить, откуда, от кого и какое письмо пришло. Немудрено, что нам постоянно пишут из Свердловска или Хабаровска — это большие города. И в городах поменьше у школы «Спринт» тоже немало учеников в каждом. Но вот чтобы из одного села приходило столько писем, да все от разных ребят — это встречается не так уж часто. Поэтому решено было съездить в Курячевку, где появилось столько юных спринтеров. И стоило баландировать над лягушачьим царством. И по

этой крутой дороге подниматься стоило. Да, кстати, мы уже и поднялись...

Поднялись и — глазам своим не поверили. Мыто думали нагрянуть неожиданно-негаданно, а вышло, словно спортивных корреспондентов «Костра» вызывали специальной телеграммой.

В центре села — зеленая лужайка, стадион. Поднятый на высоком шесте в синее небо, вьется красный флаг. Десятки ребят в спортивных костюмах рассыпались по лужайке. Кто разбегается перед ямой, кто штурмует планку, кто готовится к старту на гаревой дорожке, а кто разминается на поле. И что-то знакомое почудилось нам в разминке. Присмотрелись — да ведь это же наши «Специальные упражнения юного спринтера»!

Потом мы подошли к

судейскому столу, представились. И, оказалось, попали мы на весенние легкоатлетические состязания курячевской школы. Заглянули в протоколы соревнований. И рядом с цифрами лучших результатов сразу же увидели знакомые имена. Вот три сестры — Зина, Лида и Наташа Шелегеда. Вот Светлана Котилевская — она прыгнула в высоту на 1 метр 25 сантиметров.

Тут еще судья говорит:

— Сейчас в забеге на 60 метров стартует Люба Палагута. Присмотритесь к ней. Очень способная спортсменка.

Снова знакомое имя! Мы рады, что Люба бежит правильно и легко. Видно, недаром она так старательно изучала в школе «Спринт» технику бега! Советы пошли на пользу. Люба заметно опередила своих под-

что-то знакомое

...полно зрителями на соревнованиях стоять!

руг. 9,1 секунды — неплохое для весны время!

После соревнований мы все вместе сидели на бревнах (самых обыкновенных, не гимнастических) и разговаривали. И задали мы тут юным спортсменкам два вопроса от имени школы «Спринт».

— Во-первых, почему в их рядах нет ни одного мальчика?

И получили такой ответ:

— Хлопцы у нас хорошие, крепкие, да неповоротливые. Что же, ходить за ними, уговаривать?

А правда, ребята, полно зрителями на соревнованиях стоять! Снимайте нарядные пиджаки и в спортивных костюмах

докажите, что есть в Курячевке свои Брумели и Озолины, а не только... Щелкановы и Поповы!

А второй наш вопрос был про улицу. Почему дед-старожил о Спортивной улице слыхом не слыхивал? Есть такая улица в Курячевке или нет ее?

Девочки слегка смутились и пояснили нам, что такая улица есть и что такой улицы нет. Нет такой улицы в списках сельсовета. И есть такая улица, потому что так прозвали свой безымянный пока проулок юные спортсменки из соседних дворов...

Уже давно настали дни каникул, а письма с обратным адресом: Куря-

чевка — что ни день, ложатся на редакционные столы.

С этой страницы мы приветствуем курячевских спринтеров. Шлем мы также и нашу просьбу курячевскому сельсовету: поддержите, товарищи, инициативу ребят — пусть одна из улиц села называется Спортивной!

Неуловимый

«Спринт» — школа всесоюзная. Поэтому в редакции висит карта нашей страны. Глянешь на нее, и зарябит в глазах. Вся она усыпана маленькими красными прямоугольничками. Каждый флажок — ячейка юных спринтеров. Кое-где флажки сливаются в сплошные алые пятна. Ярче всего, пожалуй, пламенеет Донбасс — Донецкий угольный бассейн. Туда и лежал наш дальнейший путь.

В самом центре Донбасса — город Антрацит. Название у него говорит само за себя: «антракс» — по-гречески уголь. Здесь добывают топливо самых высоких марок — черный с синеватым отливом горячий камень — хлеб для домен и химических заводов.

Автобус — самолет — автобус — снова автобус. И вот мы у цели.

В городе как бы три этажа.

Первый — подземный: нескончаемые коридоры горных выработок, где ни на час не смолкает грохот угольных комбайнов и врубовых машин, широкие тоннели, по которым с лязгом ползают вагонетки.

Второй этаж — обычный: на добрый десяток километров раскинулись чистенькие, беленькие домики, тихие улочки, сады и огороды.

Третий — терриконы — огромные, высотой с телевизионную башню курганы отработанной породы, вынутые за десятки лет из недр шахты.

Нам на этот раз на второй этаж.

В поселке шахты «Центральная», у подножья двух особенно высоких терриконов — школа. Многие ее ученики ведут переписку с «Костром».

Самый интересный для нас корреспондент — восьмиклассник Валера Трофименко. Он-то и создал здесь спринтерский кружок.

Ребята из поселка в своих письмах хвалят его не нахвалятся: сильный и ловкий, заводила в любом деле, справедливый, одним словом, парень что надо.

Итак, в гости к Валере. Улица 40 лет Октября, дом 14. Во дворе крутят скакалку девочки, на скамейке греются под лучами заходящего солнца вернувшиеся с работы шахтеры.

— Здесь живет Валера Трофименко?

— Спринтер? — слово угадав, кто мы такие, переспрашивают девочки.

— Да.

— Его разве дома застанешь!

— Он кросс бегаёт!

— Да нет, ребят тренирует!

— Что вы, сегодня восьмой класс металлолом собирает! — посыпались предположения.

— А что, Валера

почудилось нам в разминке

...в 7 утра...

вправду хороший спортсмен?

— У, силак! — заулыбалась девочка со скалкой.

— По утрам тяжеленные гири подымает, — подтвердила ее подружка.

— Никому за ним не угнаться...

— Добрый хлопец! Александра Павловича, мастера-взрывника сын, — пояснила подошедшая к нам пожилая женщина.

— В отца пошел — шахтерская косточка! — послышался из раскрытого окна басовитый голос.

— Утром чуть свет встает, водой обливается, друзей созывает и зарядку все вместе делают, — продолжала женщина.

— Ребята в нем души не чают...

Да как могло быть иначе, когда он столько хорошего для них делает! Еще зимой Валера сообщал в редакцию: «В нашем кружке мы учим младших закаляться с детства, не бояться холодной воды и сильной жары, дружить со спортом».

— И ты с Валерой тренируешься? — спрашива-

ем белобрысого мальчугана.

— Да, — с гордостью отвечает он. — Три раза в неделю.

— А где?

— В лесу, в балке. Мы там площадку себе расчистили. Поле получилось хорошее: теперь и в футбол гоняем, и в лапту играем.

— Нам Валера планы показывал, так мы все стараемся делать, как там написано, — смущаясь, призналась совсем маленькая девочка.

А потом мы все вместе отправились искать Валеру Трофименко. Обошли чуть ли не весь поселок. Побывали в школе. К балке уж было идти собрались.

Всюду нам говорили: только что здесь ребята пробегали. И тогда ясно стало: не угнаться за ними — на то они и спринтеры! Да и ехать было пора...

Хотя мы на этот раз и не встретились с Валерой Трофименко, у нас было полное впечатление, что мы с ним познакомились.

Тем более, что на следующий день, пролетая над Антрацитом, мы увидели в балке, неподалеку от знакомых терриконов цепочку бегунов. Впереди группы был спортсмен в красной майке.

Мы в один голос воскликнули:

— Валера!

По нашей просьбе летчик снизил самолет и помахал ребятам крыльями.

Встреча на этой странице

Получилось так в нашей поездке, что в школе № 35 города Донецка мы побывали раньше, чем в таганрогской школе № 9. Впрочем, если бы и было наоборот, все равно вышло бы не очень хорошо, потому что донецким спринтерам мы хотим рассказать о таганрогских, а таганрогским — о донецких.

Девочки из 6-го «а» донецкой 35-й школы — наш коллективный корреспондент.

А в Таганроге нас встречали Оля Белова и Ира Анохина.

Что ж, попробуем устроить встречу Оли и Иры с их донецкими товарищами по школе «Спринт» на этой странице «Костра». И тем и другим будет полезно узнать кое-что.

Слово 6-му «а»:

— Нет, вместе мы не тренируемся. Живем не

по соседству. Трудно собраться, да и негде.

Слово таганрогским спортсменкам:

— Встаем в 7 утра, собираем подруг и — только, чур, по секрету — через дыру в заборе проникаем на стадион «Динамо». Здесь разминаемся, отработываем элементы бега...

Как видите, если захотеть по-настоящему, можно организовать коллективные тренировки. Кстати, для этого не обязательно проникать на стадион через забор. С помощью школы «Спринт» вы всегда можете получить разрешение пользоваться спортивными площадками как полноправные спортсменки.

А нашим друзьям из Таганрога полезно взглянуть на эту фотографию. Видите, сколько юных спринтеров в одном классе! И это еще не все. А вас, все-таки, пока что немного. Значит, нужно привлечь, заинтересовать друзей занятиями в школе «Спринт».

Наш рассказ о трех встречах окончен. А сколько встреч еще впереди!

А. Лосев
Ю. Михайлов

...сколько юных спринтеров в одном классе!

ОТКРЫТИЯ КОСТИ ТЕРНИНА

Я сделал несколько открытий, конечно, только для себя, а на самом деле это уже не открытия, а, как говорят, достояние науки.

Но, вероятно, и другие ребята не подозревают о том, что я открыл для себя. И потому я хочу поделиться тем, что недавно узнал.

Все знают, что я люблю решать задачи. За что и прозвали меня КОСтей-математиком. Вот эта любовь привела меня в удивительную страну Аль-Джебру. Кстати, от этого слова и получила название всем известная наука — алгебра.

Тут-то начались мои открытия. Я, например, считал, что нуль — это ничто, пустое место. Важнее другие цифры, как говорят, натурального ряда. На самом же деле Нулик — замечательное существо. Даже миллион может быть меньше нуля. Он фантазер и путаник, этот Нуль. До сих пор не могу согласиться, что он может стать отрицательным. И все-таки это так.

В Парке Науки и Отдыха Аль-Джебры я убедился, что нуль, возведенный в нулевую степень — число неопределенное: может стать пятеркой, миллионом, бесконечностью, отрицательным числом, даже нулем... Разве не поразительно?

В том же парке я встретил Мнимую Единицу. Грустную-грустную — она стремилась к мнимой карусели, чтобы превратиться там в Единицу Действительную.

И еще много других странных приключений пережил я в той стране. Хотите последо-

вать за мной? Возьмите в библиотеке книгу В. Левшина и Э.М. Александровой «Черная маска из Аль-Джебры» и вы узнаете удивительные вещи из мира чисел.

Знакомство с вакуумом, так по-латыни называют пустоту, привело меня к другим открытиям.

Всякому ясно — пустой стакан — это стакан без чая или воды. Пустой кошелек — кошелек без денег. А вот в физике пустота это не совсем пустота, а когда вещества, хотя бы воздуха, очень, очень мало. Когда воздух так сильно разрежен, что ничто живое в нем не может существовать. Эта пустота — не пустота, а особая среда. И у нее очень коварные свойства.

Коварные и в то же время очень полезные. Много веков люди спорили, есть пустота или ее нет. И я очень удивился, когда узнал, что вакуум теперь работает в самых разных приборах: и на молочной ферме, и в медицинском кабинете, и на конфетной фабрике, и в сталелитейном цеху, и на строительстве, и в электронике и что сохранить высокий вакуум стоит огромного труда и огромных денег.

Тайны пустоты прямо-таки неисчерпаемы. И овладение ими открывает людям путь в Космос. Прочтите книгу А. Томилина и Н. Тербинской «Для чего — ничего?» и вы узнаете, сколько еще загадок таится в вакууме. Может быть, кто-либо из вас возьмется в будущем разгадать их.

Есть ребята (и, конечно, взрослые), которые превыше всего любят технику. Им интересна каждая машина, все ее части, узлы, детали. Другие же любят природу, умиляются любому камешку или тычинке. И я считал: тому, кто любит технику, не так интересна природа. А любителю природы не так уж важна техника.

Но я ошибался! Оказывается, теперь сообща работают инженеры, математики и биологи. Почему? Вот один пример: горлань летучей мыши — загадка для конструкторов-локаторов. Мышь так здорово летает, и охотится в темноте потому, что посылает и тут же ловит свои собственные сигналы, которые человек не может воспринимать.

Больше того, у ее лакомой дичи — крохотной моли тоже есть что-то вроде приемника этих сигналов. Он-то и оберегает моль от ее преследователей.

Никак мне не верится, что есть что-то общее у Эйфелевой башни и обычной человеческой кости, хотя бы берцовой. Ученые же доказывают: есть. Их строение. Любая трубчатая кость любого животного и человека построена

по такому же принципу, что и Эйфелева башня.

Значит, техникам полезно перенять инженерный опыт природы. Эти вопросы изучает новая наука — бионика. О ней написана очень интересная книга И. Миронova «Третий триумvirат».

Раньше я думал — люди изобретают то, что им сейчас нужно: будь это самолет, или электрический утюг, или атомная машина.

Но это не всегда так. Иногда новая машина рождается, когда современники и не подозревают о ее пользе. Случается и другое. Люди, причем самые умные, самые ученые, бьются и не могут изобрести нужную им машину.

Не верите? Прочтите книгу А. Ивича «Приключения изобретений». Это действительно самые настоящие и очень увлекательные приключения.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В № 6 „КОСТРА“

$$1. 99 + \frac{9}{9} = 100 \quad 111 - 11 = 100 \quad 5(5+5) + 5(5+5) = 100$$

$$7 \cdot 7 + 7 \cdot 7 + \frac{7+7}{7} = 100 \quad (3^3) \cdot 3 + 3 \cdot 3 + 3 \cdot 3 + \frac{3}{3} = 100$$

$$(2^2)^2 + 2^2 \left(22 - \frac{2}{2}\right) = 100 \quad (3^3) \cdot 3 + (3 \cdot 3) \frac{3+3}{9} + \frac{3}{3} = 100$$

Не найдете ли еще других решений?

$$2. 6 \cdot 6 = 30 \quad 33 - 3 = 30 \quad 3^3 + 3 = 30.$$

$$3. 1 = \frac{77}{77}, \quad 2 = \frac{7}{7} + \frac{7}{7}, \quad 3 = \frac{7+7+7}{7}, \quad 4 = \frac{77}{7} - 7, \quad 5 = 7 - \frac{7+7}{7},$$

$$6 = \frac{7 \cdot 7 - 7}{7}, \quad 7 = 7 \cdot 7^{-7}, \quad 8 = 7 + 7^{-7}, \quad 9 = 7 + \frac{7+7}{7},$$

$$10 = \frac{77-7}{7}.$$

АВГУСТ

**ЧТО
ЛЕГКО,**

Знают, чувствуют ступени,
Кто в отличном настроеньи,
Кто с пятерками из класса,
Словно в небо птица,
Через три ступеньки сразу,
Распевая, мчится.

**ЧТО
ТЯЖЕЛО**

Кто же с двойкою в портфеле,
Тот плетется еле-еле,
Подгибаются колени,
Не сломались бы ступени,
Оттого что, ой как
Тяжела ты, двойка!

С. Погореловский
Рисунки Н. Муратова

8

Это кто?
Ему не в тягость
солнце
жаркое с утра.
Это добрый
дядя Август
в гости к нам идет.
Ура!
Тело у него
из тыквы,
шея у него
из брюквы,
глазки у него
из клюквы,
из лиловой свеклы
нос,
у него лицо из дыни,
он в серебряной
корзине
красно-желтых,
сизо-синих
слив и яблок
нам принес!

А. Лосев
Рисунок А. Кора

1

Р. Чижов

КАК ЕЖ СТАЛ КОЛЮЧИМ

Французская народная сказка

Давным-давно во Франции в лесу выросло первое каштановое дерево. Оно было похоже на другие деревья, и сначала на него никто не обращал внимания. Но однажды в поисках орешков на зиму звери натолкнулись на большой каштан.

— Ой! — вскрикнула белка, уколов о каштан лапку.

— Ай! — взвизгнула садовая соя, ткнувшись в колючий орех мордочкой.

— Пойдите, — сказал каштан и раскололся надвое, открыв свою вкусную сердцевину. Вскоре все в лесу знали про вкусные плоды каштана, покрытые колючей кожурой.

Раз прибежал к каштану маленький ежик, который был тогда щуплым и совсем голым

зверьком. А по другой тропинке в это время крался его заклятый враг, кум Лис.

Когда ежик, закрыв глаза от удовольствия, принялся за каштан, Лис даже захихикал: он не сомневался ничуть, что еж попадет ему на зубок.

— Помогите! — закричал ежик, услышав злое хихиканье своего врага.

И вдруг — гоп! — пустая колючая скорлупа подпрыгнула и накрыла ежика.

— Не шевелись! — только и шепнула она.

— Попался! — зарычал Лис. Разинув пасть, он бросился на добычу. Но тут же раздался его вопль: — Ай, ай! Убивают!

— То-то же! — пискнул ежик в своем колючем домике. — А тебя, скорлупка, я теперь никогда не покину!

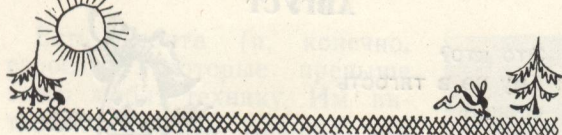
— Как хочешь, — ответила каштановая скорлупа. Ей было, конечно, приятнее жить на чьей-то спине, чем просто так гнить где попало.

Рисунки И. Ризнича

Перевела Н. Шилинис

4

5

ЧТО ДЕЛАЛ ТЫ ЛЕТОМ?

А ну-ка, скажи-ка,
 Что делал ты летом?
 О, если бродить отправлялся с рассветом,
 О, если полдня не свистел ты в подушку,
 А слушал в лесу соловья и кукушку;
 И если на мир ты глядел не в окно,
 С утра дотемна не стучал в домино,
 А пекся на солнце, под дождиком мок
 И жить без веселого дела не мог,
 И был бегуном, прыгуном и пловцом,
 То всякий тебя назовет молодцом!

А. Шибеев
 Рисунки И. Казаковой

2

С. Погореловский
 Рисунки Г. Ковенчука

7

ЗАГАДКИ

1.

На игрушечном рояле
 Целый вечер мы играли.
 Удивились даже куклы:
 Ждали песни — вышли буквы.

2.

К бутонам спичку поднесли, —
 Цветы на клумбе расцвели.
 Такой горячий синий цвет,
 Что мы смогли сварить обед.

Я. Пишумов

6

3

Э. Левина и Е. Ушакова

Рисунки Е. Ушаковой

Хочешь вырастить сад такого размера, чтобы он поместился на подоконнике, на краю стола или на полочке — сад игрушечных размеров и все-таки живой, настоящий?

Такие микросады придумали в Китае более тысячи лет назад; их называли «пенцин» — «пейзаж взаимы». Китайцы создавали миниатюрные ландшафты, сооружали крохотные пагоды, беседки, перекидывали мостики. На воду спускали кораблики, сушу населяли фигурками людей и животных. Домики, корабли, фигурки были искусственные, но растения в крохотных садах — настоящие, они оживляли и одухотворяли миниатюрные произведения искусства, где фантазия и мастерство художника прихотливо сочетались с живой природой.

Природа бесконечно разнообразна. В пределах Советского Союза — льды Арктики, тундра, покрытая редкой растительностью, плодородные земли средней России, субтропики южных республик и пустыни Средней Азии.

Твой сад может напоминать любой уголок живой природы или быть сказкой, его можно заселить фантастическими животными, драконами, Змеями-Горынычами, в нем может быть замок Хозяйки Медной горы и избушка Бабы-Яги, а может быть, фантазия подскажет тебе пейзаж будущего, скажем, сад 2000 года на Земле или какой-нибудь другой планете.

Мы не навязываем сюжета. Сад будет таким, каким ты его придумаешь, наполнишь, вырастишь. Только прежде чем начать, запомни несколько основных правил.

Выбери «садовый участок» — подоконник, настенную полку, угол стола, этажерку — неза-

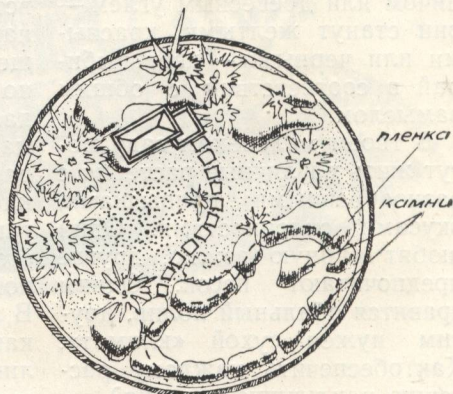
тененное, хорошо освещенное солнцем место.

Подбери подходящий сосуд — форма его может быть геометрической (круглой, квадратной, прямоугольной) или неправильной. Размер — 40—50 сантиметров в поперечнике, 10—15 сантиметров в глубину. Для посадки годится чашка, миска или ящик из пластмассы, керамики или дерева. Деревянный ящик лучше всего склотить из сосновых или еловых досок толщиной полтора — два сантиметра. Не забудь сделать отверстия для отвода воды: если лишняя вода при поливе будет застаиваться, она может погубить корни растений. Чтобы стекающая влага не портила мебель, подставь поддон: блюдо или металлический лист с загнутыми вверх краями.

Для горного ландшафта найди красивые камни интересной формы и цвета. Если ты собираешься сажать растения в отверстия камней, выбирай для посадки пористые песчаники, туфы, ракушечники, хорошо поддающиеся обработке, а еще лучше — камни с естественными дырками.

Для пруда или озера, реки или моря возьми полиэтиленовую пленку, придай ей нужную форму, краякрепи камнями так, чтобы берег получился естественной формы, насыпь песок, как показано на рисунке.

Когда горы и реки готовы, нужно подумать о земле, на которой будут расти деревья и цветы. Различные растения любят разную землю, но для растений маленького сада, чтобы они медленнее росли, нужна тощая земля и посуда для них должна быть тесной.

Обычная смесь для большинства растений: одна часть листовой земли из-под лиственного перегноя; одна часть промытого песка, не мелкого и не крупного; одна часть обычной земли. Если комната, в которой будет находиться сад, жаркая, если сад размещается рядом с печкой или батареей центрального отопления, добавь в смесь одну часть размельченного торфа: торф хорошо задерживает влагу и сохраняет землю от чрезмерного пересыхания. Ребята, живущие в больших городах, могут купить готовую садовую землю в цветочных магазинах или садоводствах. Но лучше всего посоветуйся с учителем ботаники или агрономом — они тебе подскажут, какой должна быть земля для твоих растений.

Когда земля приготовлена, накрой отверстия для стока воды на дне сосуда глиняными черепками, чтобы земля не уходила вместе с излишней водой, затем уложи дренаж слоем 2—3 см — это может быть мелкодробленый кирпич, галька или крупнозернистый песок. Поверх дренажа насыпь землю так, чтобы она на 1,0—1,5 сантиметра не достигала верха сосуда. Не трамбуй землю, а только слегка

встряхивай, чтобы она оставалась рыхлой.

Дорожки и площадки сада посыпь песком, толченым кирпичом или древесным углем — они станут желтыми, красными или черными — цвет выбери в соответствии с общим замыслом.

В твоём маленьком саду могут жить различные растения с разнообразными привычками, вкусами, склонностями. Одни любят жирную землю, другие предпочитают песок. Одним нравится обильный полив, другим нужен сухой «климат». Как обеспечить каждому растению наилучшие условия?

Существует два способа: либо подбирай растения сада по принципу сходной агротехники, либо сажай их в отдельных горшочках, обеспечивая каждому питомцу индивидуальный режим и заполняя пространства между горшочками песком, как показано на рисунке.

Самое трудное — выбрать породы для посадки. Крупные экземпляры в микропейзажах неуместны. Как же изобразить деревья в лесу? Чтобы растения были маленькими, в Японии и Китае их специально культивируют. На это тратят много времени и терпения. Помещают в трудные условия. Ветви и стволы пригибают, придавая им нужную форму, лишние обрезают. Но можно использовать и слаборослые экземпляры самых различных растений. Такие растения-«карлики» можно найти между

скал и камней на болотах и в тени леса, на крышах и уступах зданий. Присмотрись внимательно вокруг: часто можно встретить маленькое деревце, нашедшее себе приют в расщелине стены. Оно взрослое, но трудные условия жизни не дали ему возможности нормально развиваться. Горные растения обычно тоже маленькие. Причины те же: мало питания. Пересаживать такие растения нужно осенью или весной до распускания листьев. В это время они лучше привыкают к новым условиям. Карликовые растения можно получить и другим способом: укореняя отростки медленно растущих пород и искусственно затрудняя их развитие.

Вместо деревьев можно использовать кустарники с мелкими листочками, такие, как самшит, азалии, бруснику, тимус. Для того чтобы растение не тянулось вверх, а было более приземистым и компактным, нужно прищипнуть верхнюю почку, то есть отсечь ее, тогда взамен ее у растения появятся боковые побеги и оно будет расти не вверх, а в стороны. При помощи проволоки побегам можно придавать желаемые направления, изгибать их в нужные для задуманной композиции стороны.

Многие растения можно вырастить из косточек и семян: лимоны, апельсины, яблоньку, финиковую пальму, сосну, дубок и ряд других.

В микросаду хороши карли-

ковые березки, высокогорные формы бука, хвойные породы: кипарисовики карликовые, разные можжевельники, кедровый стланик, ель аянская, тис ягодный.

Для южного и сказочного сада хороши кактусы, эйфорбия (терен) и все суккуленты, то есть растения, накапливающие влагу в листьях.

В различных ландшафтах пригодны лишайники, мелко-рослые саксифраги и седумы, кошкины лапки, все разновидности каланхе. Мы не собираемся перечислять все названия — это невозможно и не нужно. Посовещуйся с педагогами, с агрономами, с любителями природы, со своими товарищами и, мы уверены, ты найдешь много хороших, красивых растений для сада.

Поливай своих питомцев по мере высыхания земли: летом чаще, зимой реже. Постучи по сосуду: если звук глухой, поливай рано. Чем суше земля, тем звонче звук. Не реже раза в неделю устраивай дождик с помощью пульверизатора. Лучше всего, если вода для поливки несколько часов стоит в комнате — колодезная вода согреется, из водопроводной улетучится хлор.

Много знаний, любви, забот требует маленький сад. Не жалей труда — вырасти его. Сколько радости доставит тебе и твоим близким микропейзаж — чудесное сочетание живой природы, искусства и мастерства!

Обложка Г. Праксейча
На второй странице обложки
фото А. Ритова «На озере Вуокса»

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов,
Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский,
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

Подписано к печати 20/VII 1966 г.
Тираж 300 000 экз.

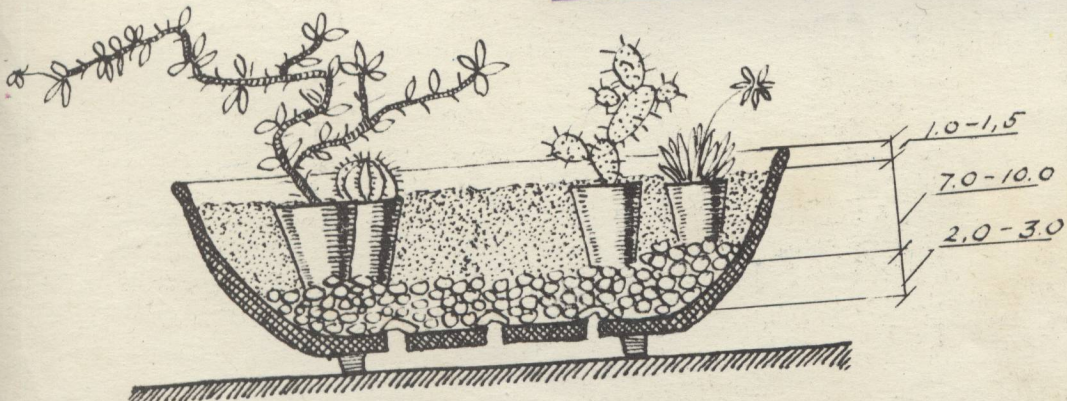
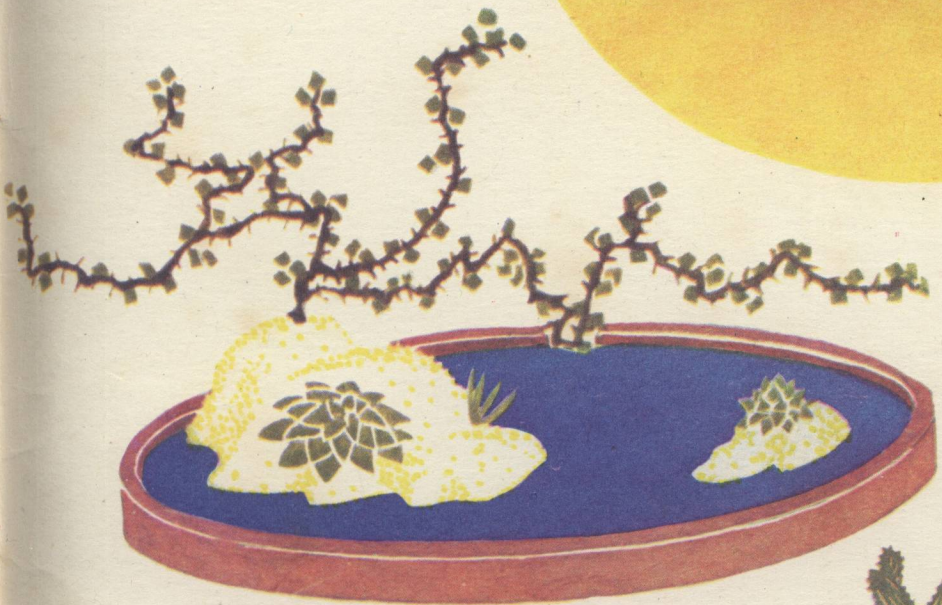
М-23404.

Формат 84×108¹/₃₂.
Заказ № 233.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР, Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

„ИНТЕРЬЕР С ЦВЕТАМИ“

Якубовская, 12 лет, г. Львов

„ХАТА БАБЫ-ЯГИ“

Плюснин, 13 лет, г. Львов

